

Сардинія въ эпоху первой Французской революціи.

Письма князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Россійскаго посланника при Сардинскомъ дворѣ къ вице-канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману *).

1.

Туринъ, (7) 18 Апрѣля 1792 г.

Милостивый государь графъ Иванъ Андреевичъ! Сюда я прибылъ (4) 15 сего мѣсяца. На другой день поутру отправленъ отъ меня былъ г. Карповъ къ церемоніймейстеру графу Бернезу увѣдомить его о моемъ въ Туринъ прибытіи и спросить о часѣ, въ которомъ я могу видѣться съ графомъ Готвиллемъ, правящимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ. Спусти два часа, самъ церемоніймейстеръ, пришедши ко мнѣ, сказалъ, что графъ Готвилль съ радостію приметъ меня послѣ обѣда. Я поѣхалъ къ нему около пяти часовъ. Онъ встрѣтилъ меня при дверяхъ своей пріемной горницы, при шпагѣ, съ шляпою въ рукѣ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, подалъ я ему копію моего кредитива. Онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что король, его государь увидитъ съ большимъ удовольствіемъ новаго свидѣтеля почитанія его къ великимъ доблестямъ Ея Императорскаго Величества и что въ самомъ скоромъ времени доставитъ мнѣ аудіенцію. Къ сему графъ Готвилль присовокупилъ множество лестныхъ выраженій, относящихся до меня лично, не токмо отъ себя, но также отъ его Сардинскаго величества. Около восьми часовъ, церемоніймейстеръ пришелъ ко мнѣ увѣдомить, что король желаетъ меня видѣть на другой день, въ 10-ть часовъ утра. Въ назначенный срокъ поѣхалъ я во дворецъ съ бывшимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Карповымъ и нашелъ церемоніймейстера въ передней залѣ. Вскорѣ дежурный камеръ-

*) За сообщеніе этихъ историческихъ писемъ Русскій Архивъ обязанъ нынѣшней владѣлицѣ ихъ, княгинѣ Елисаветѣ Эсперовнѣ Трубецкой, урожденной княжнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской. Въ семейномъ архивѣ ея сохранились и ею приведены въ порядокъ бумаги роднаго ея дѣда, оберъ-шенка князя Александра Михайловича (1752—1809), человека отменно образованнаго и состоявшаго въ близкихъ сношеніяхъ съ лучшими представителями тогдашняго умственнаго и художественнаго движенія. Въ Туринѣ онъ заказывалъ и издавалъ въ свѣтъ гравированные портреты Русскихъ людей: Филарета Никитича, князя А. М. Хилкова, князя Я. Ѳ. Долгорукова, Петра Великаго (что приложено къ Р. Архиву 1872 года), Ломоносова, Сумарокова, Суворова, митрополита Платона, А. П. Хвостовой и др. Горячо любившій свое Отечество, князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій принадлежалъ къ числу немногихъ вельможъ писателей. Онъ писалъ и печаталъ порусски прозою и стихами. П. Б.

юнкеръ доложилъ обо мнѣ его величеству; двери растворились, и я взшелъ въ королевскій кабинетъ. Онъ стоялъ одинъ среди покоя, при шпагѣ, съ шляпою въ рукѣ. Я вручилъ ему мой кредитивъ, изъявляясь ему почти такимъ образомъ: «Государь, вотъ грамота, чрезъ которую угодно было Императрицѣ, всемилостивѣйшей моей Государынѣ, поставить меня своимъ министромъ при вашемъ велиествѣ. Вы изъ оной усмотрѣть изволите искреннѣйшія доказательства совершеннаго почтенія Ея Императорскаго Величества къ вашей священной особѣ и ея неизмѣннаго желанія къ продолженію дружбы. Мнѣ паче всего, государь, препоручено стараться всѣми силами къ содержанію и даже усугубленію добраго согласія, которое существуетъ между обоими дворами по взаимной склонности. Что же касается до меня, государь, то я смѣю надѣяться, что мои по сему дѣлу откровенныя и ревностныя поступки доставятъ мнѣ участіе въ благоволеніи и довѣренности вашего величества, о чемъ я всѣми силами стараться буду».

Въ шифрѣхъ:

Il est difficile de rendre à v. e. la manière affectueuse dont le roi m'a accueilli. Après avoir répondu à mon caractère public de la manière la plus convenable, il m'a entretenu pendant près d'une heure avec une bonté singulière, et avec beaucoup d'esprit et de gaieté, sur différents sujets. J'ai saisi insensiblement l'occasion de lui parler des affaires de France, pour sonder ses intentions. Il m'a répondu avec franchise sur la situation embarrassante où il se trouve à ce sujet. „Vous ne pouvez pas douter, me dit-il, de la haine profonde que doivent inspirer à tout être pensant la morale et les menées criminelles des scélérats français. Mais vous voyez vous-même que je suis dans la gueule du loup. Je suis contraint de dissimuler jusqu'à ce que notre cour, de concert avec celles de Vienne et de Prusse, ne les fassent trembler dans leurs foyers. Ah! Si votre Impératrice régnait plus près de nous, un désastre pareil serait-il jamais arrivé? Croiriez vous, dit-il, que je ne suis occupé depuis deux ans qu'à repousser les traits envenimés de la politique de ces malheureux. Tous les jours on attrape des émissaires qui sèment l'argent et des lettres incendiaires pour soulever ici le peuple et même l'armée. Les deux petites émeutes qu'on vient d'avoir lieu ici, quoique ne signifiant presque rien, sont une suite de leurs insinuations criminelles. Mais je compte sur l'amitié de mon peuple et sur la fidélité de mes troupes. Elles se sont bien comportées. Je voudrais être en état d'en avoir davantage. Il n'y a pas longtemps que j'ai été dans le cas de diminuer de la moitié en Savoie le prix du sel; cela laisse un vide assez considérable dans les finances de l'état. Il faudrait de nouveaux impôts; mais est-ce le temps pour moi dont le pays touche tout de son long au vaste repaire de ces bêtes féroces? Croyez moi, le malheur de cette nation ne vaut rien. Ces émigrés qui sont pour la bonne cause, ne sont-ils pas pour la plu-

part des êtres presque aussi dangereux par leurs inconséquences, leur bravade, leur inconduite dans tous les sens? Quelques uns d'eux ont couru ici chez les fourbisseurs et dans l'arsenal pour chercher des sabres, propres à couper les têtes d'un seul coup. Pour moi, je les crains et je m'en défais tant que je puis le faire honnêtement. Pour les enragés des clubs, il faudrait les étouffer à frais communs. Je tâche de leur défendre l'entrée de mes états; mais ils percent toujours sous différents prétextes, sous celui du commerce surtout. Il y en a un de ces infâmes qui est ministre de France à Gênes et qui ayant une imprimerie dans sa maison, ne cesse de faire circuler ici des notions inflammables, pour soulever la populace contre les juges de paix et les prêtres, ceux-ci contre les évêques et les soldats contre les officiers. Telle est la situation critique où je me trouve. Je fais tout mon possible pour me mettre en état de parer à ces dangers-là. Je viens de faire augmenter de quelques hommes mes régiments provinciaux. Je tâche de me mettre sur la défensive contre un coup imprévu, en attendant que les souverains vraiment puissants portent un premier grand coup, capable de faire replier l'attention des français sur eux-mêmes».

J'ai rapproché, monsieur le comte, les différentes expressions du roi que mes insinuations et mes objections ont fait naître à mesure que la conversation s'engageait, afin de mettre sous les yeux de v. e. un ensemble sur lequel elle puisse se former l'idée du système de cette cour-ci à l'égard des affaires de France.

Sa majesté m'a parlé ensuite en détail de l'éducation qu'il donnait à ses petits-fils, enfans de m-r le comte d'Artois, et sur ce que je lui disais que le malheur de leur famille tournait à leur avantage, à leur bonheur même, d'autant plus grand qu'ils n'en auraient jamais eu l'idée dans leur prospérité. Il me répondit: „Je le crois aussi, sans me flatter. Car quelle est l'éducation que l'on donnait à la cour de France? Voyez d'Artois que j'ai forcé de convenir lui-même que lorsqu'on avait chez eux l'expectative de la couronne, on n'apprenait plus rien; on donnait un libre essor à toutes les passions; on croyait être quitte du respect que tout le monde doit, à la religion, aux moeurs, aux lois de l'état. Les flatteurs ne cessent de dire à leurs oreilles que l'état appartient au roi et à sa famille. Ce n'est pas vrai, c'est le roi qui appartient à l'état etc».

Je rapporte ces traits échappés au roi de Sardaigne pour donner une idée à v. e. de son caractère et de sa manière de penser *).

*) Переводъ. Трудно передать вашему сіятельству, какъ благосклонно былъ я принятъ королемъ. Оказавъ всевозможную вѣжливость моему офиціальному значенію, онъ почти цѣлый часъ бесѣдовалъ со мною о разныхъ предметахъ и изъявлялъ притомъ отмѣнную доброту, много ума и непринужденности. Я незамѣтно навелъ рѣчь на дѣла Французскія, съ тѣмъ, чтобы развѣдать, какъ онъ о нихъ думаетъ. Король откровенно отвѣчалъ мнѣ, что

2.

Туринъ, 10 (21) Апрѣля 1792 года.

Бѣшенство Франціи усугубляется, и состояніе Сардинскаго двора еще больше становится критическимъ. По сему имѣю честь сообщить в. с. важнѣйшую новость какъ для здѣшней земли, такъ и для всей Ломбардіи. Семонвилль, Французскій посланникъ въ Генуѣ, признанный за самаго збойливаго и злоковарнаго изъ Парижскихъ бѣснующихся, недавно получилъ ввѣрительныя грамоты, уполномочивающія его въ качествѣ чрезвычайнаго посланника при Туринскомъ, Пармскомъ и Моденскомъ дворахъ, съ дозволеніемъ пребывать, гдѣ ему заблагоразсудится. Курьеръ, который ему оныя привезъ, ѣхалъ черезъ Антибу, а не черезъ Савойю, дабы здѣшній дворъ заранѣе не узналъ о семъ странномъ посольствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь только вчера 9 (20) числа увѣдомились предварительнымъ письмомъ, за которымъ и самъ Семонвилль ѣдетъ въ Туринъ. Сардинскій дворъ видитъ, съ одной стороны, весь непорядокъ сего поступка отъ Франціи и еще чрезъ такого опаснѣйшаго человѣка; а съ другой не смѣетъ и не принять его, боясь навлечь на себя ужасную сволочь Марсельскихъ разбойниковъ подъ предводительствомъ теперешняго правительства Французскаго, угрожающаго съ нѣкотораго времени городъ и портъ Пизскій.

положеніе его съ этой стороны затруднительно. «Вы конечно не сомнѣваетесь», сказалъ онъ мнѣ, «что нравственныя правила и преступныя дѣйствія Французскихъ изверговъ должны внушать глубокое отвращеніе всякому мыслящему существу; но вы сами видите, что я нахожусь въ волчьей пасти и долженъ притворяться до тѣхъ поръ, покуда нашъ дворъ, заодно съ дворами Вѣнскимъ и Прусскимъ, не пригрозитъ имъ на ихъ собственной родинѣ. Ахъ, еслибы ваша Государыня царствовала поближе къ намъ: такого несчастія никогда бы не случилось! Повѣрите ли, вотъ уже два года, что я только тѣмъ и занимаюсь, что оберегаю себя отъ политической заразы, распространяемой сими несчастными? Каждый день появляются здѣсь эмиссары съ зажигательными бумагами и деньгами, которыми они возмущаютъ народъ, даже войско. Бывшія здѣсь два мелкія возмущенія, хотя сами по себѣ ничего не значатъ, но произошли вслѣдствіе этихъ преступныхъ подстрекательствъ. Но я рассчитываю на любовь моего народа и на вѣрность моихъ солдатъ. Они дѣйствовали хорошо. Мнѣ хотѣлось бы имѣть ихъ побольше; но недавно въ Савойѣ мнѣ пришлось на половину сократить пошлину съ соли, чѣмъ причиненъ довольно значительный ущербъ государственнымъ доходамъ. Нужны бы новыя подати, но неблагоприятно налагать ихъ въ моей странѣ, которая всѣмъ протяженіемъ своимъ прикасается къ великому логовищу этихъ дикихъ звѣрей. Повѣрите мнѣ, несчастная Франція ничего не стоитъ. Эти эмигранты, ратующіе за правое дѣло, въ большинствѣ своемъ суть люди почти столько же опасные по своей непослѣдовательности, заносчивости и

Главная коммиссія на Семонвилля возложена требовать рѣшительнаго отвѣта отъ Сардинскаго двора на важный вопросъ: какую сторону возметъ онъ въ случаѣ войны Франціи съ другими державами? Объ отвѣтѣ можно догадаться изъ всеобщаго здѣсь страха. Вѣроятно, что король скажетъ на вопросъ, что онъ остается безпричастнымъ зрителемъ и безъ малѣйшаго пристрастія ко всѣмъ возможнымъ происшествіямъ, когда только самъ къ отпору вызванъ не будетъ.

Другая новость, также необычайная, но не столь еще достоверная, сообщена сюда отъ Французскихъ эмигрантовъ, кочующихъ на Рейнѣ, г. Серану, гофмейстеру дѣтей графини д'Артуа. Пишутъ ему, что недавно открыто нѣкоторое адское намѣреніе, умышенное въ Парижскихъ клубахъ, а именно, чтобы отравить ядомъ всѣхъ принцевъ Бурбонскаго дома. Г. Серанъ заблагоразсудилъ сообщить это письмо, сколько оно ни невѣроятно кажется, Сардинскому королю, который самъ съ своей стороны вздумалъ почестъ за нужную довѣренность сообщить списокъ онаго герцогу Пармскому и королю Неаполитанскому черезъ курьера, который третьяго дня отсюда и отправился. Ваше сіятельство можете вообразить ужасное волненіе, въ которое должна ввергнуть эдакая повѣсть сердца сихъ двухъ государей, повѣсть, можетъ быть, основанная только на непонятной рѣшительности Французскихъ бунтовщиковъ хвастать даже и тѣми злодѣянiami, которыхъ они въ Европѣ и не производятъ.

P. S. Вчера здѣсь вышелъ указъ собрать всѣ провинціальныя полки, которые составляютъ ландмилицію около 13,000 человѣкъ.

Ut in litteris.

неумѣренности во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ поспѣшили сюда съ требованіемъ, чтобы изъ арсенала и изъ оружейныхъ мастерскихъ выдали имъ такихъ саблей, которыми бы можно было съ одного раза отрубить голову. Я лично опасаюсь ихъ и, насколько позволяетъ приличіе, уклоняюсь имѣть съ ними сношеніе. Что касается до безумцевъ, которые составляютъ клубы, ихъ слѣдовало бы уничтожить общими силами. Я стараюсь не допускать ихъ въ мои владѣнія, но они проникаютъ подъ разными предлогами, въ особенности подъ предлогомъ торговли. Одинъ изъ такихъ негодяевъ Французскимъ министромъ въ Генуѣ, держитъ у себя на дому типографію и непрестанно распространяетъ зажигательныя идеи, съ цѣлью возстановлять народъ противъ мировыхъ судей и священниковъ, сихъ послѣднихъ противъ епископовъ и солдатъ противъ офицеровъ. Вотъ каково мое критическое положеніе. Я дѣлаю все возможное, чтобы обезопасить себя отъ ихъ бѣдъ. Я усилилъ на нѣсколько человѣкъ мои областныя полки и стараюсь поставить себя въ оборонительное положеніе на случай непредвидѣннаго удара, въ ожиданіи того, чтобы государи, по истинѣ могущественные, рѣшились наконецъ на такую значительную мѣру, которая бы понудила Французовъ обратить свою дѣятельность лишь на самихъ себя». По мѣрѣ разговора я наводилъ короля моими внушеніями и возраженіями на тѣ рѣчи, которыя мною здѣсь изложены и которыя я соединилъ нарочно, чтобы ваше сіятельство могли составить себѣ общее понятіе о системѣ здѣшняго двора по отношенію къ Французскимъ дѣламъ. Потому его величество много говорилъ со мною о томъ,

3.

Туринъ, 14 (25) Апрѣля 1792 года.

Прошлаго вторника Лаландъ, Французскій повѣренный въ дѣлахъ, показалъ графу Готвиллю письмо отъ г. Дюмурье, правящаго нынѣ иностранными дѣлами въ Парижѣ, въ которомъ стоитъ, что вскорѣ посланъ будетъ г. Семонвилль въ Туринъ, Парму, Флоренцію и Модену съ вѣрительными грамотами. Графъ Готвилль, удивляясь такою непопядочности, спросилъ: имѣетъ ли онъ повелѣніе сообщить это письмо? Лаландъ отвѣчалъ: нѣтъ, но что онъ осмѣлился это сдѣлать самъ отъ себя. Посему графъ Готвилль, получивъ приказъ отъ короля, немедленно отправилъ курьера въ Парижъ съ жалобою на несообразность такого поступка, тѣмъ паче, что правительство Французское, смотря на послѣднія объявленія Сардинскаго двора, должно бы остаться спокойнымъ; что, сверхъ того, человекъ назначенный въ Туринъ извѣстенъ здѣсь по его враждѣ и что ежели Французскій дворъ заблагоразсудитъ послать новаго министра въ Туринъ, то предварительно выполнить извѣстные обряды между державами, а особливо бы выбрать къ тому человека угодище его Сардинскому величеству, тѣмъ наиболѣе, что личность почти всегда имѣетъ большое вліяніе на общественныя дѣла и что въ теперешнихъ обстоятельствахъ нужно избѣгать всего того, что можетъ разстроить доброе согласіе между Сардинією и Францією.

Курьеръ съ этимъ мужественнымъ отвѣтомъ отправился въ Среду. Въ тотъ же день посланъ былъ и другой къ губернатору города Александріи съ наказомъ, съ какими осторожностями долженъ онъ задержать Семонвилля, ѣдущаго туда изъ Генуи. Въ самомъ дѣлѣ, Семонвилль въ четвергъ пріѣхалъ въ Александрію. У воротъ спросили объ его имени. Онъ отозвался простымъ Французскимъ путешественникомъ. Требовали отъ него паспортъ отъ Сардинскаго двора; а какъ онъ объявилъ, что у него паспорта нѣтъ, то дано ему знать, что за три недѣли тому назадъ вышло формальное запрещеніе во

какъ онъ воспитываетъ своихъ внуковъ, дѣтей графа д' Артуа. Я замѣтилъ, что злая судьба этого семейства послужила къ выгодѣ, даже къ счастію его, о которомъ, находясь въ благоденствіи, оно не могло бы себѣ никогда составить и понятія. «Могу безъ хвастовства сказать, что вы правы», отвѣчалъ мнѣ на это король; «ибо какое было воспитаніе при Французскомъ дворѣ! Посмотрите на д' Артуа. Я принудилъ его согласиться со мною, что у нихъ вовсе ничему не учили принцевъ, которымъ предстояло со временемъ носить корону. Страсти ихъ ничѣмъ не воздерживались; для нихъ было ни почемъ все, что должно пользоваться общимъ уваженіемъ, то есть религія, нравы, государственные законы. Лъстецы безпрестанно нашептываютъ имъ, что государство принадлежитъ королю и королевскому семейству, тогда какъ наоборотъ, король долженъ принадлежать государству».—Сообщаю вашему сіятельству эти отзывы, которые мнѣ случилось услышать изъ устъ короля Сардинскаго. По нимъ вы можете судить о его характерѣ и образѣ мыслей.

всѣ пограничныя мѣста впускать иностранцевъ внутрь государства, ежели они напередъ снабжены не будутъ паспортами отъ короля. Г. Семонвилль на это объявилъ, что онъ не простой путешественникъ, но полномочный министръ и показалъ запечатанныя свои вѣрительныя грамоты. Губернаторъ пригласилъ его къ себѣ отобѣдать и изъяснился ему, что онъ въ политическія дѣла не вступаетъ, но что имѣетъ указъ не пропускать никого въ Туринъ; что, въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій отдается ему Семонвиллю на волю пребывать въ Александріи или въ другомъ пограничномъ городѣ, какой ему понравится, и что просить его заблагопринять всѣ услуги и учтивости, какія только зависѣтъ отъ него будутъ. Семонвилль послалъ тогда двухъ эстафетовъ, одинъ послѣ другаго, къ своимъ поручителямъ и одного, третьяго, сюда къ графу Готвиллю, который ему и отписалъ, что король досадуетъ на невозможность принять его прежде полученія изъ Парижа нужныхъ объясненій. Здѣсь между тѣмъ дѣлаютъ на случай нападенія поспѣшнѣйшія воинскія приуготовленія. Завтра отсюда отправляются въ Савойю 200 канонеровъ съ 12 пушками, не считая тѣхъ, которыя взяты будутъ на дорогѣ въ Кони. Савойскія войска, состоящія изъ 5.000 человекъ, усилены будутъ равнымъ же числомъ, что составитъ 10.000. Тѣ что въ Пизѣ также удвоены будутъ и составятъ отъ 5.000 до 6.000. Число всей арміи поставлено до 35.000, а въ случаѣ нужды и до 40.000. Здѣшнія войска изрядно обучены и лучше нежели Французскія, но недостаетъ еще надежнаго предводителя. По общему мнѣнію, графъ Лазари, генераль-поручикъ, достоинѣе другихъ командовать.

Р. S. Съ прибывшимъ сюда сегодня изъ Парижа нарочнымъ курьеромъ получено извѣстіе, что сего мѣсяца 20 числа Французскій король въ засѣданіи въ Национальномъ Собраніи объявилъ войну королю Венгро-Богемскому. Изъ Женевы сюда писано, что уже 80.000 человекъ Французскихъ войскъ маршируютъ во Фландрію. Всякій день и здѣсь ожидаютъ отъ Франціи объявленія войны. На сей моментъ я спозналъ, что г. Семонвилль изъ Александріи сюда прислалъ предложеніе, что если Сардинскій дворъ объявитъ, что никогда ни въ какой съ прочими Европейскими державами не вступитъ противъ Франціи союзъ, тогда и она съ своей стороны обяжется оставить Савойю въ покоѣ. По сіе время еще неизвѣстно, какой на это отсюда будетъ отвѣтъ. И вѣроятно, что для сношенія въ томъ, завтра отсюда посланъ будетъ въ Вѣну курьеръ.

Ut in litteris.

4.

Туринъ, 14-го (25-го) Апрѣля 1792 года.

Прошлаго Воскресенья окончилъ я всѣ мои представленія у двора и выполнилъ принятый въ Туринѣ между дипломатическимъ корпусомъ обрядъ. Здѣсь послѣдне-прибывшій посланникъ даетъ знать прочимъ, что онъ вручилъ королю вѣрительную свою грамоту; а за симъ каждый изъ нихъ дѣлаетъ ему первый визитъ. Теперь въ

Туринѣ нѣтъ ни одного посла; что же касается до министровъ второй степени, то находятся только посланники: Вѣнскій, Прусскій, Англійскій и Генуезскій, потомъ резидентъ Венеціанскій, министръ Папскій и повѣренные въ дѣлахъ. Англійскій посланникъ г. Треворъ имѣетъ позволеніе отлучиться, когда захочетъ, отсюда въ Швейцарію, гдѣ обыкновенно живетъ его жена. Вѣнскій, Марко Герардини, имѣетъ также позволеніе, съ предоставленіемъ на его осторожность, выѣзжать въ Миланъ и даже въ Верону, на его родину. Наконецъ и Прусскій, г. Шамбрие, пользуется дозволеніемъ разѣзжаться по окрестнымъ сторонамъ. Прошу в. с. исходатайствовать мнѣ у Ея Императорскаго Величества такую же милость, тѣмъ паче мнѣ нужно, что жена моя ¹⁾ скоро принуждена будетъ ѣхать къ минеральнымъ водамъ для поправленія крайне-ослабѣвшаго здоровья. Я напередъ увѣряю в. с., что симъ позволеніемъ буду пользоваться только тогда, когда дѣла позволятъ. Смѣю сказать, что въ семъ можно положиться на мою осторожность.

Я принялъ отъ г. Карпова, напередъ сего повѣреннаго въ дѣлахъ, всѣ бумаги, составляющія нашъ архивъ въ Туринѣ, цифры, реляціи, депеши и повелѣнія отъ двора. Онъ держалъ ихъ въ наилучшемъ порядкѣ, и принять онъ здѣсь съ отличностію, какъ въ дипломатическомъ корпусѣ, такъ и въ прочихъ домахъ. Служить онъ съ 1767 года, и я смѣю повергнуть его въ покровительство в. с. Онъ съ восхищеніемъ воспоминаетъ, что зачалъ свою въ иностранныхъ дѣлахъ службу подъ вашимъ предводительствомъ въ Стокгольмѣ ²⁾.

Коллежскій ассесоръ, находящійся при моей миссіи, г. Ритмейеръ, есть человекъ осторожный, прилежный и всѣмъ извѣстный по скромности и благонравію. Переводчикомъ здѣсь находится г. Вансонъ, котораго я уже имѣлъ честь рекомендовать въ С.-Петербургѣ.

Исполнивъ долгъ мой относительно до другихъ, осмѣливаюсь теперь трудить в. с. покровительствомъ вашимъ и меня, въ чемъ я справедливо имѣю нужду. Я уже нѣсколько упомянулъ вамъ о томъ на прошлой почтѣ, и я не воображаю, чтобы Ея Императорское Величество, узнавъ нѣсколько подробнѣе о крайней дороговизнѣ на все нужное въ Туринѣ, оставила меня на томъ же жалованьи, каковое я получалъ въ Дрезденѣ, гдѣ расходы иностраннаго министра могутъ быть почти вдвое менѣе противъ здѣшняго. Я полагаю мои надежды на ея матернія благости, на прибавленіе обыкновеннаго жалованья къ посту второй степени въ Вѣнѣ, гдѣ вдвое почти дешевле жить, нежели въ Туринѣ. Я занялъ домъ Португальскаго посланника; домъ этотъ стоитъ мнѣ съ мебелью, за которую обыкновенно платится здѣсь особо, около 3.800

На содержаніе нужныхъ здѣсь лошадей 980

¹⁾ Это была, если не ошибаемся первая супруга князя Бѣлосельскаго, родная (по матери) племянница знаменитаго Еропкина, Варвара Яковлевна, урожд. Татищева. *П. Б.*

²⁾ Кажется, что вдова этого Карпова изображена въ Воспоминаніяхъ К. К. Павловой, въ Р. Архивѣ 1875 года, III, 233 и слѣд. *П. Б.*

На прогоны въ Монпилье, Лавенерію и Риполи, гдѣ дворъ пребываетъ почти $\frac{3}{4}$ года по крайней мѣрѣ.	600
На жалованье людямъ, что здѣсь весьма дорого	1.992
На поваренные самые обыкновенные расходы	3.600
На дрова, уголья, свѣчи восковыя, сальныя и проч.	2.300
Офисъ, вина простыя и чужестранныя, около.	1.800
Ливрея всенедельная	1.200
Итого.	16.272

Я тутъ не считаю званыхъ обѣдовъ, ужиновъ чрезвычайныхъ, которыхъ здѣсь отъ посланниковъ ожидаютъ; я не считаю особеннаго моего содержанія и покупки разныхъ вещей нужныхъ, парадныхъ ливрей и экипажей здѣсь необходимыхъ, театровъ, въ которыхъ самъ король назначаетъ ложи для посланниковъ etc. Я только упомянулъ в. с. тѣ расходы, которые необходимо нужны и которые въ Вѣнѣ и Дрезденѣ цѣлою, навѣрно, третью дешевле бываютъ. Сверхъ того доложу, что люксъ или роскошь вдвое здѣсь больше противъ этихъ двухъ городовъ.

5.

Туринъ, 17 (28) Апрѣля 1792 года.

Состояніе здѣшняго государства оказывается крайне бѣдственнымъ. Савойскій народъ, говоря тѣмъ же языкомъ какимъ и Французы, имѣя съ ними обыкновенные торги и большое сходство съ ихъ нравами, тайно занимается убійственными внушеніями, каковыя вперяютъ въ него подъ самымъ лестнымъ видомъ Французскіе бунтовщики. Нисшее мѣщанство въ Шамбери, адвокаты, прокуроры, сія несмѣтная толпа писмоводцевъ, которые со всѣмъ тѣмъ что нимаже о правѣ естественномъ, какъ будто бы можно людямъ жить въ обществѣ подъ симъ однимъ правомъ, болѣе всего напорозили голову свою такою мечтательностію. Савоярскіе крестьяне, живущіе вдоль Французской границы, кажется, въ эту же мысль ударились. Множество лазутчиковъ повседневно туда къ нимъ прокрадываются, при всемъ бдѣніи здѣшняго правительства, и продаютъ имъ соль вдвое дешевле противъ королевскихъ соляныхъ таможенъ, а сами закупаютъ у нихъ хлѣбъ вдвое дороже противъ здѣшняго. И всѣ эти плутни приписываютъ тому благосостоянію Франціи, каковымъ она пользуется съ тѣхъ поръ, какъ разрушила всякую связь общества. По такому состоянію дѣлъ здѣсь опасаются, чтобы, при вооруженіи набѣгъ Французскихъ наглицовъ, вдругъ не взбунтовалось все Савойское герцогство. Что же касается до арміи, до разныхъ провинцій Пьемонта, до графства Ниссаго, гдѣ жители ненавидятъ изстари Французовъ, то на ихъ вѣрность здѣсь крѣпко полагаются. Его Сардинское величество находится въ ужасномъ безпокойствѣ. Долгая нерѣшительность двора Вѣнскаго, въ разсужденіи принятія мѣръ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, заставила его опу-

стить нужнѣйшія предосторожности въ оборонѣ своихъ областей и тѣ мѣры, каковыя бы желалъ онъ съ своей стороны употребить къ удовлетворенію всѣхъ оскорбленій, сдѣланныхъ части его фамиліи во Франціи. Только теперь ставить онъ армію на военную ногу, но денегъ недостаетъ. Правда, имѣеть онъ кредитъ въ разныхъ мѣстахъ. Даже Генуезцы предложили ему суммы за $\frac{3}{2}$ процента; но или изъ старинной ненависти къ нимъ, или по другой какой причинѣ, которой я еще не могъ проникнуть, онъ на отрѣзъ имъ отказалъ. Теперь сказываютъ, что здѣшній резидентъ въ Гагѣ получилъ отъ короля повелѣніе договариваться о займѣ 8-ми милліоновъ ливровъ. Сверхъ того дѣлають здѣсь новыя ассигнаціи на 3 милліона; а здѣшняя городская ратуша, составляя государевъ банкъ, объявить, что станетъ впредь принимать деньги по 4 процента. Какъ здѣсь въ публикѣ находится денегъ много и большая имѣется довѣренность къ правительству, то оно надѣется получить черезъ то довольно нарочитую сумму. Сказываютъ также, что есть намѣреніе негоцировать въ Швейцаріи нѣсколько войска, дабы, въ случаѣ довести армію до 50 тысячъ человекъ. Но кажется мнѣ, что ежели Вѣнскій дворъ не подастъ здѣшнему руку вспоможенія, ежели негосіаціи о займѣ денегъ въ Голландіи вскорѣ не успѣють, ежели Французы вновь угрожать, то надобно ожидать, что его Сардинское величество рѣшится дать публичное обязательство остаться въ совершенномъ нейтралитетѣ касательно до Французскаго буйства. Изъ Тулона получено извѣстіе, что вооружаются тамъ 3 линейные корабли и 2 фрегата въ намѣреніи идти бомбардировать Неаполь, ежели Неаполитанскій король покусится участвовать въ благочестивомъ союзѣ противъ Французскаго буйства. Здѣсь же нетерпѣливо ожидаютъ отвѣта на дѣло относительно г. Семонвилля. Его Сардинское величество, говоря со мною о томъ третьяго дня, сказалъ: «*J'avoue que c'est une démarche bien hardie de ma part dans les circonstances incroyables où nous nous trouvons. Mais le vin est tiré; je ne cherche à provoquer personne, mais je me défendrai comme un diable*» *).

6.

Туринъ, 21-го Апрѣля (2-го Мая) 1792 года.

Вчера пріѣхали сюда два курьера изъ Парижа, одинъ ко двору, а другой къ Лаланду, Французскому повѣренному въ дѣлахъ. Они привезли отвѣтъ по дѣлу г. Семонвилля. Сардинскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ доноситъ, что былъ онъ у г. Дюмуррье, который ему сказалъ: «Видно, что дворъ вашъ слишкомъ разборчивъ въ этикетахъ, когда не допустилъ г. Семонвилля, ѣхавшаго съ вѣрительными грамотами, потому только, что опущенъ былъ какой-то бездѣльный обрядъ. Я это дѣло представлю Народному Собранію, гдѣ,

*) Т. е. Правду сказать, въ невѣроятныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, это съ моей стороны весьма отважный шагъ. Но вино раскупорено; я никого не вызываю, защищаться же буду какъ чертъ.

сказываю напередъ вамъ, есть нѣкоторыя вспыльчивыя головы, и боюсь, чтобы оно не принято было гораздо болѣе въ худую сторону, нежели какъ у васъ думаютъ. Я совѣтую вашему двору какъ можно скорѣе послать пропускное письмо къ г. Семонвиллю и принять его и, ежели не такъ, то поступокъ съ нимъ будетъ здѣсь сочтенъ за нарушение народныхъ правъ». Депеша г. Дюмуррье къ Французскому здѣсь повѣренному въ дѣлахъ содержитъ смыслъ такой: «Чтобы ему домогаться о доставленіи пропускнаго листа г. Семонвиллю и о признаніи его въ публичномъ характерѣ; чтобы, ежели, противъ всякаго чаянія, Сардинскій дворъ на отрѣзъ откажется его принять, то ему бы Лаланду выѣхать тотъ же часъ изъ Турина; но если Сардинскій дворъ сказывать будетъ благовидныя причины или какія сомнѣнія о публичномъ характерѣ г. Семонвилля, то ему, Лаланду, снестись тогда съ этимъ министромъ, возвратившимся въ Геную и сдѣлать реляцію». Чрезъ эти послѣднія слова, кажется, что Французское правительство не спѣшитъ перервать миръ съ Сардинскимъ. Хотя здѣсь и рѣшились не принимать Семонвилля, но рѣшительный отвѣтъ, сколько можно, проволочать. Г. Герардини показалъ мнѣ депеши, которыя онъ получилъ отъ двора своего съ пріѣхавшимъ вчера курьеромъ, какъ-то: трактатъ оборонительнаго союза между Вѣнскимъ и Германскими дворами, потомъ планъ политическаго согласія къ обузданію Французскихъ своевольствъ и наконецъ приглашеніе отъ королей Богемскаго и Прусскаго всѣхъ королеванныхъ главъ къ совокупному дѣйствію въ семъ спасительномъ предпріятіи. Тутъ же спрашивается, какое участіе приметъ Сардинскій дворъ? Отвѣтъ графа Готвилля на это сообщеніе состоитъ въ слѣдующемъ: что «Сардинскій король радъ вступить въ политическое согласіе; но какъ объявленіе войны со стороны Франціи, 20-го Апрѣля, можетъ причинить какую-нибудь перемѣну въ этомъ планѣ, то ожидаетъ онъ втораго курьера изъ Вѣны, чтобы совершенно сообразиться съ мѣрами, принятыми Вѣнскимъ дворомъ, и что въ ожиданіи сего можетъ г. Герардини удостовѣрить свой дворъ, что къ 15 Мая сберется въ Савойѣ двѣнадцать тысячъ, въ Ниссѣ 6,000 и что вся армія простираться будетъ отъ 35,000 до 40,000 человекъ; что наступательный планъ кажется ему лучшимъ, нежели оборонительный; но какъ-де Франція старается привлечь на свою сторону Генуезскую республику, то можетъ онъ не безъ причины страшиться неприятельныхъ слѣдствій для своихъ владѣній въ Ломбардіи, и потому настоять нужда просить отъ Вѣнскаго двора вспомогательнаго войска 15,000, дабы привести себя въ оборонительное состояніе, какъ отъ стороны Генуи, такъ и въ Савойѣ, гдѣ Французы всякими способами восхищаютъ на зло жителей; что, не смотря на новыя требованія Французскаго правительства принять г. Семонвилля въ качествѣ посланника, король твердо рѣшился до себя его не допускать». Таковъ почти отвѣтъ сдѣланъ здѣшнимъ дворомъ Австрійскому министру г. Герардини, который мнѣ его далъ прочесть.

В. с. изволите отдать мнѣ справедливость, что, со времени короткаго моего пребыванія здѣсь, ничего почти въ этомъ отвѣтѣ нѣтъ, о

чемъ бы я предварительно не имѣлъ чести увѣдомить васъ во всѣхъ моихъ письмахъ или депешахъ. Графиня Прованская пріѣхала сюда вчера ввечеру съ довольно большою свитою. Беременность герцогини Аостской день отъ дня вѣроятнѣе становится, къ чрезвычайному удовольствію всей королевской фамиліи. Говорятъ, что скоро выдетъ здѣсь указъ объ изгнаніи всѣхъ Французовъ, которые находятся въ Сардинскихъ областяхъ со времени ихъ революціи.

7.

Туринь, 24-го Апрѣля (5-го Мая) 1792 года.

Король положительно рѣшился дѣйствовать противъ Франціи съ тѣхъ только поръ, какъ она захотѣла послать къ нему Семонвилля въ качествѣ публичнаго министра. Опасный и ненавистный характеръ этого человѣка, боязнь, чтобы не *впустить волка въ овчарню*, какъ выражаетъ одинъ изъ здѣшнихъ министровъ, непочтительность Якобинскаго двора при посланіи негосіатора, не увѣдомивъ о томъ напередъ дворъ Сардинскій; сильный отпоръ сдѣланный ему въ Александріи; страхъ, чтобы поступокъ этотъ не произвелъ въ Народномъ Собраніи скороспѣшной запальчивости къ отмщенію; наконецъ, объявленная война королю Богемскому, которая съ одной стороны доказываетъ напорчивость Французовъ, а съ другой отвлекаетъ большую часть ихъ вниманія далеко отъ владѣній короля Сардинскаго, — всѣ эти обстоятельства, случившіяся разъ за разомъ, придали новое рвеніе, новую силу ненависти здѣшняго государя противъ Французовъ и сдѣлали его теперешнюю рѣшительность, перевѣдаться военною рукою съ ними, болѣе и болѣе твердою. Это видно изъ отвѣта даннаго 3-го числа графомъ Готвиллемъ на требованія отъ г. Дюмурье пропускныхъ писемъ Семонвиллю для представленія вѣрительной его грамоты королю. Отвѣтъ этотъ содержитъ смыслъ такой: что «Сардинскій дворъ не можетъ принять г. Семонвилля потому, что вмѣсто содержанія добраго согласія, существующаго между обоими дворами, онъ стараться будетъ только разорвать его, что это подозрѣніе основано на извѣстномъ характерѣ Семонвилля и что, наконецъ, по всякимъ другимъ причинамъ, которыхъ его Сардинское величество есть одинъ совершенный судья, г. Семонвилль никакъ не можетъ быть принятъ и допущенъ до его двора; что же касается до укоризнъ учиненныхъ Національнымъ Собраніемъ королю за то, будто онъ въ особѣ Семонвилля нарушилъ народное право, то они нимало неосновательны; что все случившееся съ нимъ въ Александріи нимало не касается до его права, отъ котораго политика его величества никогда не уклонялась». Лаландъ, Французскій повѣренный въ дѣлахъ, получивъ сей отвѣтъ, 3-го числа отправился въ Геную, дабы снестись съ г. Семонвиллемъ и отписать къ препоручителямъ своимъ подробную реляцію. Здѣсь навѣрно ожидаютъ великой запальчивости въ Національномъ Собраніи, когда получить оно извѣстіе о твердой рѣшительности короля; но выложено, что война, которую Франція по сему можетъ объявить, не имѣетъ иначе воспо-

слѣдовать какъ уже когда Сардинскія войска займутъ разные свои посты въ Савойѣ и Ниссѣ. Въ случаѣ же войны, самъ король намѣренъ командовать въ Савойѣ, и для того посылается туда первый баталіонъ гвардіи подъ начальствомъ марки де Кордонъ, недавно бывшаго посла во Франціи.

Французскихъ войскъ на здѣшнихъ границахъ очень теперь мало. Въ Бургъ-анъ-Бресѣ, недалеко отъ Понъ-бо-Буазень, стоитъ только три баталіона, а между Лиономъ и Марселемъ находится оныхъ 15; всякій баталіонъ изъ 500 человѣкъ составленъ. Сказываютъ однакожь, что Французскій генераль-поручикъ Монтескью набираетъ въ полуденномъ департаментѣ 20,000 національныхъ гвардейцевъ; но когда можетъ онъ въ состояніи ихъ привести, точно отгадать нельзя.

8.

Туринь, 28-го Апрѣля (9-го Мая) 1792 года.

Пишутъ изъ Швейцаріи, что нѣкоторый отрядъ арміи фельдмаршала Люкнера въ 3.000 человѣкъ завладѣлъ узкими проходами и городомъ Порантрию, что въ Базельскомъ епископствѣ. Австрійскій корпусъ отъ 4 до 500, стоявшій тутъ съ годъ, по приближеніи Французовъ, удалился и пошелъ соединиться съ арміею, что въ Бриско, а владѣтельный епископъ уклонился изъ Порантрию въ городъ Базель. Порантриускій проходъ очень важенъ для удержанія, потому что онъ служитъ ключемъ въ Дофинэ и въ Эльзасъ. Занятіе онаго въ войнахъ съ Французами изстари почиталось нужнѣйшимъ, и удивительно, что Вѣнскій дворъ о томъ больше не подумалъ. Есть примѣръ Людовика XIV: когда онъ въ 1675 г. поставилъ въ Порантрию свои войска квартирами, они оттуда вышли чрезъ посредство католическихъ Швейцарскихъ кантоновъ. Кажется, что теперь Гельветическій корпусъ хочетъ утвердить свое посредство оружіемъ. Уже Бернскія, Базельскія и Солюрскія войска собираются на Французскихъ границахъ. Нельзя узнать еще ихъ намѣренія. Можетъ быть, это есть только одинъ воинскій кордонъ и единственно для защиты, такъ какъ индѣ разставляютъ войска для недопущенія язвы и чумы. Изъ ужаснаго восклицанія разныхъ партій, съ каковымъ принято въ Парижѣ и въ провинціяхъ объявленіе войны, надобно было ожидать большой и приткой дѣятельности отъ Французскихъ атамановъ. Такая медленность въ исполненіи ихъ грозъ подаетъ здѣсь пріятную надежду къ совершенному распоряженію въ пересылкѣ войскъ въ Савойю и Ниссу. Курьеръ съ совокупною реляціею Семонвилля и де-Лаланда третьяго дня проѣхалъ черезъ Туринь изъ Генуи въ Парижъ. Отвѣтъ отъ Французскаго двора по сему дѣлу извѣстенъ будетъ развѣ только къ 16 или 17 сего мѣсяца. Въ случаѣ войны, король вѣроятно самъ пойдетъ въ Савойю, а герцога Аостскаго, втораго своего сына, пошлетъ въ Ниссу. Между тѣмъ графъ Лазари командуетъ въ первой, а графъ де-Сентъ-Андре во второй землѣ. Они имѣютъ большую довѣренность отъ здѣшней публики; но его величество почитается за лучшаго генерала, какъ бывшаго при всѣхъ

походахъ своего государя-отца. Третьяго дня иностранные министры, собравшись вмѣстѣ, были съ почтеніемъ у графини Прованской. Король приказалъ ей отвезти особый домъ, такъ какъ и графинѣ д'Артуа.

9.

Туринъ, 1-го (12-го) Мая 1792 года.

Пріѣхавшій вчера изъ Вѣны курьеръ привезъ его величеству пріятную вѣсть, что король Богемскій отдаетъ въ его распоряженіе въ Миланѣ находящихся 95.000 человекъ какъ пѣхоты, такъ и конницы, и что эти войска выступятъ въ походъ по первому повелѣнію Сардинскаго двора. Обыкновенное жалованье сему войску будетъ производить король Богемскій, но Сардинскій обяжется давать фуражъ и хлѣбъ. Марки Герардини занимается теперь постановленіемъ акта по сему дѣлу съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ сію ночь отправится отсюда кабинетскій курьеръ въ Вѣну съ надлежащими полномочіями марки де-Брему, Сардинскому посланнику, для вступленія во всѣ расположенія общаго политическаго согласія. Состоящая въ Ломбардіи Австрійскія войска простираются только до 18.000 человекъ; но туда ожидаютъ нарочитаго прибавленія. Между тѣмъ, всѣхъ Французскихъ солдатъ, растасованныхъ по разнымъ Австрійскимъ полкамъ, собираютъ въ одинъ корпусъ, который посланъ будетъ въ Венгрію.

Положеніе Генуэзской республики становится теперь предметомъ вниманія Туринскаго и Вѣнскаго дворовъ. Ей хочется остаться въ совершенномъ нейтралитетѣ; но какъ она еще не вооружена, то Французы, готовя теперь флотъ въ Тулонѣ, могутъ привлечь ее внезапно на свою сторону. Семонвилль же, пребывая въ Генуѣ, не упускаетъ тамъ между народомъ заводить партію въ пользу Франціи. Однако, я думаю, что какъ отъ упомянутыхъ двухъ дворовъ предложено будетъ этой республикѣ требованіе о положительномъ отвѣтѣ, какую сторону она приметъ, то пойметъ, что оставаться нейтральною не имѣетъ она способствъ и что для всей Италіи нужно не допускать того, чтобы Французы вошли въ ея пристани и могли оттуда чинить набѣги. Отвѣта отъ Якобинскаго двора Франціи, по происшедшему спору въ разсужденіи г. Семонвилля, еще до сихъ поръ не получено; но сюда пришли партикулярныя извѣстія изъ Гренобля, въ которомъ тамошній Якобинскій клубъ опредѣлилъ объявить войну Сардинскому королю. Онъ послалъ свое опредѣленіе въ Парижскій клубъ для подтвержденія онаго, отчего зависѣть будетъ и санкція Французскаго короля.

10.

Туринъ, 5-го (16-го) Мая 1792 года.

Пишутъ изъ Женевы, что одинъ изъ тамошнихъ градоначальниковъ отправленъ былъ скрытно въ Орау, что въ Бернскомъ кантонѣ, гдѣ откроется 17-го сего мѣсяца чрезвычайный сеймъ всей Швейца-

ріи. Цѣль онаго должна быть вооруженіе противъ Франціи, не смотря на то, полученныя Сардинскимъ дворомъ извѣстія о расположеніи Бернскаго правительства по этому дѣлу не совсемъ удовлетворительны. Недавно посланъ туда былъ графомъ Готвиллемъ надежный человекъ, которому поручено было склонять на вступленіе въ общее политическое согласіе и на поставку со стороныерна 10.000 ратниковъ; но этотъ повѣренный пишетъ, что онъ не надѣется имѣть успѣха; что Бернскій совѣтъ не находитъ довольныхъ причинъ къ разрыву мира съ Франціею; что вождю Французскихъ войскъ, вступившихъ въ Порантрию, даны строжайшія повелѣнія никакъ не касаться Швейцарской границы. Генуэзская республика также на то мало склонна; но теперешнее ея состояніе совсемъ другое. Она не дѣлаетъ никакихъ воинскихъ приготовленій; слѣдовательно и не старается привести въ уваженіе тотъ нейтралитетъ, котораго она по ея внушеніямъ держаться намѣрена. Она находится между двухъ сильнѣйшихъ политическихъ интересовъ. Франція и дворы Сардинскій и Ломбардскій равно имѣютъ нужду отклонить ее отъ противной себѣ стороны. Вооружающейся въ Тулонѣ и въ Марсели флотъ, по открытому недавно адскому умыслу Семонвилля, имѣлъ надежду невзначай войти въ Генуэзскій портъ, принудить такимъ образомъ эту республику къ Франціи службѣ и къ высаживанію тутъ Французскихъ войскъ, которыя бы тѣмъ удобнѣе могли дѣлать набѣги на Миланскія, Пармскія и Пьемонтскія земли. Сверхъ этого замысла Семонвилль увѣряетъ называемый въ Парижѣ комитетъ десяти, своего поручителя, что онъ никакъ не отчаявается взбунтовать народъ въ Пармѣ и Миланѣ, но что Пьемонтцевъ возмутить труднѣе; однакоже де и они, глядя на другихъ Италіанцевъ, за такое согласное дѣло примутся. Сей открытый планъ скоро напечатанъ будетъ во Флорентскихъ газетахъ для вѣщей предосторожности всей Италіи, гдѣ нерѣдко перехватываютъ Французскихъ лазутчиковъ. Уже Миланское правительство, по примѣру Римскаго и Неаполитанскаго, наслало указъ всѣхъ Французовъ, какой бы стороны они ни были, демократы или аристократы, изъ своихъ владѣній выпроводить за границу. Здѣсь обнародовано третьяго дня такого же содержанія повелѣніе, исключая тѣхъ, которые лично привязаны къ службѣ графини Прованской и графини д'Артуа, такъ какъ и по радѣнію папскаго здѣсь министра, всѣхъ Авиньонцевъ и на послѣдокъ тѣхъ Французовъ, которые за годъ передъ Французскою революціею поселились во владѣніяхъ короля Сардинскаго. Еще доложу и что в. с. о политикѣ Генуэзской, касающейся до теперешняго ея отношенія къ Туринскому двору. Можно почти навѣрно заключить, что ежели короли Сардинскій и Богемскій не предусмотрятъ вооруженною рукою принудить Генуэзцевъ на свою сторону, то Франція подхватитъ ихъ своимъ Марсельскимъ флотомъ, гдѣ вооружаются теперь четыре фрегата и множество плоскихъ судовъ и новое позорище войны и мятежа откроется въ Ломбардіи. Генуэзская республика въ тайнѣ больше склонна къ союзу съ Французами, нежели съ вышеупомянутыми державами. Причина тому очевидная: первая требуетъ

отъ нея только вольныхъ портовъ, а никакой другой подмоги; ея коммерція черезъ то все можетъ продолжаться съ Франціею, съ Архипелагомъ и проч.; напротивъ того, ежели дворы Вѣнскій и Туринскій успѣютъ склонить ее на свою сторону, то ей надобно вооружиться, взять участіе въ общей войнѣ, ея торги пресѣкнутся, пристани запрутся, и самый городъ долженъ ожидать будетъ бомбардированія отъ Французовъ. Слѣдовательно, Итальянскимъ державамъ теперь нужно болѣе всего стараться силою сломить эту республику, предупредивъ Французовъ въ самоскорѣйшемъ времени. Все это предложилъ я Вѣнскому посланнику, марки Герардини, который и сообщилъ мои мысли своему двору.

P. S. Le roi de Prusse a fait solennellement communiquer au Magnifique Conseil de Berne qu'il faisait marcher sur les bords du Rhin 50.000 hommes à la défense de l'empire attaqué par les Français et qu'il priait en même temps le Magnifique Conseil de comprendre dans sa neutralité armée le comté de Neuchâtel. On ne doute point ici que le gouvernement de Berne n'y réponde favorablement *).

11.

Туринъ, 12-го (23-го) Мая 1792 года.

Сколь ни съ грознымъ видомъ отозвалъ отсюда г. Дюмурре своего повѣреннаго въ дѣлахъ Лаланда, однако примѣчено, что онъ еще не отваживается сообщить Народному Собранію послѣдняго отвѣта отъ здѣшняго двора. Кажется, что за этимъ сообщеніемъ должно послѣдовать объявленіе войны, и какъ Французскія дѣла часъ отъ часу становятся хуже, внѣ и внутри государства, то можно думать, что и жаръ Парижскихъ демагоговъ вызывать на себя новыхъ непріятелей мало по малу проходитъ, слѣдствію чего должно приписать и то, что Французское правительство наслало повелѣніе муниципальнымъ судьямъ полуденныхъ своихъ округовъ не касаться до земель Нисскихъ и избѣгать всякихъ случаевъ къ ссорѣ съ подданными его Сардинскаго величества. Однакоже военныя приготовления продолжаются здѣсь съ тою же ревностью: 12.000 человекъ отправленныхъ въ Савойю разставлены уже тамъ по своимъ постами; отъ 5 до 600 посланныхъ въ Ниссу тоже. Для 9.500 Австрійцевъ, которые, по силѣ Арангуэзскаго трактата, должны придти на помощь королю Сардинскому, въ случаѣ, когда онъ будетъ атакованъ, изготовляются квартиры. Ежели позволено въ политикѣ проникать въ будущее, то вотъ какія подамъ в. с. предсказанія о имѣющемъ быть

*) Т. е. король Пруссій торжественно сообщилъ Свѣтлѣйшему Бернскому Совѣту, что онъ послалъ 50.000 человекъ на берега Рейна, въ защиту Имперіи, на которую напали Французы и что въ тоже время онъ проситъ Свѣтлѣйшій Совѣтъ считать въ своемъ вооруженномъ нейтралитетѣ графство Нефшательское. Здѣсь не сомнѣваются, что правительство Бернское изъявитъ свое согласіе.

поступкѣ Туринскаго двора. Пока Франція не вызоветъ сама, и стало, что помощь, означенная въ вышеупомянутомъ трактатѣ, не будетъ поставлена ему, то онъ приметъ сторону вооруженнаго нейтралитета, при всей своей жадѣ къ отмщенію, каковою горитъ король Сардинскій. Ежели Французы объявятъ войну, то тогда онъ, съ помощію Австріи, мужественно отражать будетъ нападенія ихъ; но чтобы идти на нихъ наступательною войною, чтобы внести ее въ самое сердце Франціи (чего бы никакъ не желалъ король), онъ находитъ нужду въ 20.000 вспомогательныхъ Австрійскихъ войскъ, и въ такомъ случаѣ, имѣя въ повелѣніи 40.000 напольныхъ ратниковъ, онъ отважится на все, напередъ обѣщая себѣ вѣрный успѣхъ.

12.

Туринъ, 15 (26) Мая 1792 года.

Войска, которыми снабжаетъ король Богемскій Сардинскаго, въ случаѣ когда сей послѣдній будетъ атакованъ, заняли главныя квартиры въ Лоди; въ Миланъ же поступило прибавочныхъ войскъ 800 человекъ, да 20 пушекъ. Здѣсь начинаютъ думать, что Якобинское правительство (будетъ) теперь скрывать ту обиду, которую почитало оно нанесенною отъ Сардинскаго двора и что объявленіе войны отъ Франціи, за отсрочками ея со дня на день, не имѣетъ воспослѣдовать. Но между тѣмъ Французскіе лазутчики все держатся бунтовскихъ сношеній съ народомъ въ Савойѣ, такъ какъ и во Фландріи и въ Каталоніи. Даже еще, какъ намѣренія Якобинцевъ не совсѣмъ удачны были подъ Монсомъ и Турнеемъ, то предложенъ имъ новый планъ кампаніи, новѣйшій во всѣхъ своихъ частяхъ. Вотъ какъ онъ вкратцѣ сообщенъ здѣшнему двору:

1-е. Завести при артиллеріи 12 типографическихкихъ станковъ, дабы, разсылая между непріятелями печатные листочки, тѣмъ скорѣе и удобнѣе было можно ихъ уловить къ искреннему поработанію себя Французскимъ патриотамъ.

2-е. Заготовить 20,000 національныхъ кокардъ да 300 трехцвѣтныхъ знаменъ, подъ которыми бы ставить Савояровъ, Фламандцевъ и всѣхъ желающихъ къ нимъ присоединиться.

3-е. Разставить, миля отъ мили, по дереву вольности въ тѣхъ земляхъ, куда они проберутся.

Вотъ въ самой вещи пренѣвая тактика, которая свергнетъ съ ногъ всѣхъ непріятелей Франціи. Если бы она употреблена была заранѣе, сказалъ на то фельдмаршалъ Люкнеръ, то мы бы не тужили о смерти нѣсколькихъ тысячъ Французовъ, потерянныхъ на двухъ сраженіяхъ во Фландріи; да еще и когда патриотовъ было по четыре противъ одного. Правда, они до смерти испугались; а то безъ этого наоснаго страха, который тогда напалъ на весь строй, вѣрно бы они сражались геройски. Непонятная судьба! Но за то теперь они горятъ желаніемъ намѣстить свои ошибки и боятся впередъ уже не пугаться, такъ какъ изъясняются въ письмѣ къ Народному Собранію, ими писанномъ чрезъ муниципалитетъ Валансьена. И съ такими - то

людьми, безъ малѣйшей подчиненности, атаманы Французскіе хотять тягаться съ старыми солдатами, отвердѣвшими къ военнымъ трудамъ, распаленными жаждою къ добычѣ!... Какая ужасная начинается война! Ни законы сродства, ни человѣчество въ ней не будутъ уважены. Пламя, насиліе, расхищеніе, всѣ бѣдствія междоусобиныхъ браней такъ опустошатъ сіе столь цвѣтущее нѣкогда царство, что вскорѣ оно превратится въ безграничное поле сраженія.

Пишуть изъ Швейцаріи, что Французы опорожнили городъ Порантрию и стерегутъ только тамошнія горжи, но они оставили за собою отъ 7 до 800 разбойниковъ, которые опустошаютъ городъ и уѣзды подъ тайнымъ покровительствомъ Якобинскаго клуба, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ Порантрию повторить урокъ Авиньонскій. Князь-епископъ удалился и понынѣ остается въ Виенѣ, маленькой республикѣ, гдѣ онъ имѣетъ одну только тѣнь законодательства, но которая важна по своему союзу съ Верномъ, Фрибуромъ и Солюромъ. Военскія приготовления продолжаются здѣсь съ такою же ревностію. Сего утра получено извѣстіе, что Французы разставляютъ три лагеря вдоль Савойскихъ границъ, состоящіе каждый изъ 10,000 человѣкъ. Одинъ бѣглый Савояръ изъ приказныхъ людей, именемъ Кафъ, принятъ недавно въ Французскую службу капитаномъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ служилъ вождемъ Французскимъ войскамъ въ отечествѣ своемъ, которому онъ измѣнилъ. За нѣсколько передъ симъ дней его Сардинское в. получилъ отъ папы разрѣшеніе на уничтоженіе четырехъ Венедиктинскихъ монастырей. Кажется, что намѣреніе его клонится уничтожить до половины и чернецовъ, которыхъ число ужасно здѣсь велико и симъ образомъ дополнить недостатокъ государственныхъ доходовъ.

13.

Туринъ, 19 (30) Мая 1792 года.

Изъ департамента называемаго Гаръ увѣдомляютъ, что генераль Монтескью, командующій полуденной Французской арміею, назначилъ на берегахъ Вара и въ окрестностяхъ Антибы лагерь изъ 12,000 человѣкъ. Но у этой арміи, которую иные полагаютъ до 30,000, еще многого недостаетъ изъ необходимо-нужныхъ вещей, что доказываетъ и самое письмо генерала Монтескью къ правителямъ Гарскаго департамента. «Небезъизвѣстно вамъ, говоритъ онъ, о совершенномъ безсиліи и недостаткѣ полуденной арміи, хотя нужной и назначенной къ скорому защищенію угрожаемыхъ королемъ Сардинскимъ нашихъ границъ. Средства для подвоза къ арміи никакого еще не видно, и денегъ взять не знаю откуда» етс. Правители этого департамента сложились и послали ему нѣкоторую денежную помощь, которая и стала ему на покупку ста лошаковъ, пока военный министръ дастъ приказъ и способъ закупить болѣе. Когда новость эта дошла до Народнаго Собранія, то сказалъ нѣкто изъ повѣренныхъ, что наконецъ ему несносно видѣть, что министръ иностранныхъ дѣлъ еще до сихъ поръ не представилъ расположеній короля Сардинскаго въ разсужденіи Франціи. И въ самомъ дѣлѣ, на другой день явился пе-

редъ собраніемъ г. Дюмурье и сказалъ почти такъ: «Я получилъ 15 сего мѣсяца депеши, которыя относятся до безпокойствъ описанныхъ департаментомъ Лизеръ и Гаръ; мнѣ кажется можно доложить Собранію, что производимое по повелѣнію Туринскаго двора вооруженіе доселѣ имѣетъ одинъ видъ защитительный, что военныя приготовления съ той и съ другой стороны могутъ быть единственно только изъ предосторожности, не оказывая послѣдствіемъ непріятельскихъ дѣйствій. И такъ еще не видно неминуемой опасности; а откровенныя изъясненія съ обѣихъ сторонъ могутъ загладить и самое подозрѣніе и такъ возвратить спокойствіе нашимъ Итальянскимъ границамъ. Впрочемъ же, возопилъ сей храбрый министръ, съ какой бы стороны не принуждены мы были выдержать войну, Французы безъ сомнѣнія явятъ твердость, урядство и бойкость ужасную для сохраненія нашей конституціи и вольности».

Здѣсь почти всякій день проходятъ Французскіе выселившіеся офицеры и пробираются къ арміи королевскихъ братьевъ въ Кобленцѣ. Большая часть изъ нихъ выходятъ изъ Барцеллоны, откуда ихъ числомъ болѣе 300 вытѣснилъ графъ д'Аранда. Г. Серанъ, находящійся здѣсь въ качествѣ дядьки двухъ сыновей графа д'Артуа, получилъ повелѣніе снабжать ихъ напутствіемъ, состоящимъ въ 4 луидорахъ и въ синемъ мундирѣ. Большая часть изъ нихъ приходятъ пѣшкомъ и въ самомъ жалкомъ состояніи. Во Франціи опредѣлено умножить армію 200,000 рекрутъ, назначенныхъ къ составленію или второй линіи внутри государства или лагерей въ разныхъ мѣстахъ. Въ Тулонѣ теперь стоитъ четыре линейныхъ корабля наготовѣ идти въ море, а еще шесть, сказываютъ, вооружаются.

14.

Туринъ, 22 Мая (2 Іюня) 1792 года.

Сколько ни горитъ желаніемъ король Сардинскій истинно, сокрушить оружіемъ своимъ фанатическій и заразительный духъ Французскаго народа, давно домогающагося возмутить спокойствіе въ его государствѣ, со всѣмъ тѣмъ видно, что онъ въ настоящей войнѣ развѣ тогда тронется, когда происшествія покажутъ ему, на какую сторону наклонятся первые успѣхи. До тѣхъ поръ употреблены будутъ съ его стороны всякіе отлагательные способы, всякіе дипломатическіе формалитеты для благовиднаго прикрытія нейтралитета, скрывающіе и недостатокъ средствъ, и тотъ духъ осторожности, который составляетъ силу слабыхъ. Общій Швейцарскій сеймъ положилъ на сихъ дняхъ гораздо безъобояднѣйшее рѣшеніе: онъ объявилъ вооруженный нейтралитетъ, включаетъ въ него Нефшатель, Женеву и владѣтельства епископа Базельскаго, велѣдствіе чего правительству Французскому дано знать, чтобы оно велѣло вывести свои войска изъ округа Порантрию. Изъ Франціи пишутъ, что ея войска находятся въ такомъ же состояніи и стоятъ почти на тѣхъ же мѣстахъ. Г. Монтескью все еще развѣзжаетъ по департаменту Гаръ, ища фуражу и провіанту для полуденной своей арміи. Люкнеръ, Рошанбо и Лафаетъ находятся теперь въ Валансиенѣ; они выдумываютъ но-

вый планъ кампаніи и рѣшать, наступательной ли быть войнѣ или оборонительной. Какъ они уполномочены принимать такія мѣры, какія разсудятъ за лучшія, то и совѣтъ, министры и самъ король останутся страдательными и просто посредствующими между арміею и Народнымъ Собраніемъ, коихъ все дѣло состоятъ будетъ въ испрошеніи денегъ и въ благодарныхъ адресахъ, почему во Франціи не только что продолжаются великіе беспорядки, но еще принимаютъ новое свойство смѣхотворства и лютости. Съ одной стороны депутатства робятъ (?) слѣпцовъ, богадѣльниковъ передъ Національнымъ Собраніемъ, говорятъ рѣчи и приносятъ въ жертву избытки своей скудности, полушки, краденныя медали, пряжки, а кто-то внесъ туда же и цѣлое ухо съ золотою серьгою, которое одинъ патріотъ отрубилъ будто у одного Французскаго эмигранта на сраженіи; съ другой же видно, что казни достойный плодъ фанатизма и безначалія со дня не день возрастаетъ до крайняго бѣшенства: похищеніе имѣнія у отсутствующихъ, всякія бѣдствія по дорогамъ, всякія личныя притѣсненія, всякіе способы гоненія, покровительствуемые еще закономъ, всякія грабительства. Но за все это никакого наказанія. Между тѣмъ какъ въ Народномъ Собраніи таковыя дѣла принимаются часто съ плесканіемъ, въ провинціяхъ происходятъ такія же дурачества. Изъ числа оныхъ суть патріотическія празднества, утвержденныя невѣжественными судіями, на берегахъ Вара, въ стоящемъ противъ Ницы небольшомъ городѣ: поставили они на шпичѣ одной колокольни шапку вольности, такъ какъ бы недоставало уже у народа пища къ неподчиненности и къ неурядству. Шумъ, топотъ, свара, происшедшія при семъ вознесеніи шапки, подали поводъ къ тревогѣ въ городѣ Ницѣ. Губернаторъ тотчасъ выслалъ три или четыре гренадерскихъ баталіона съ пушками, не вѣдая, не покусится ли эта шальная чернь напасть на земли короля Сардинскаго. Окольные крестьяне вооружились наскоро, и вмѣсто страха наступила только ужасная хохотня.

15.

Туринъ, 26 Мая (6 Іюня) 1792 года.

Третьяго дня въ Монмелянѣ была тревога по причинѣ скопищъ національныхъ гвардейцевъ на Французской границѣ. Великое множество ихъ столпилось, и повидимому они наравились перебраться черезъ границу для грабительства. Графъ Лазари, командующій арміею въ Савойѣ, пошелъ тотчасъ къ нимъ съ четырьмя баталіонами и съ артиллеріею. Но Французы, увидя его, отступили, припѣваячи изо всей силы звонкую свою пѣсню: *ça ira, ça ira!* Передовые Сардинскіе отряды принуждены были теперь быть въ неусыпной осторожности, такъ какъ бы во время объявленной войны, что еще больше усугубляетъ запальчивость ихъ противъ Французовъ. 23-го Мая, Австрійцы атаковали авангардъ Женевской арміи, что подъ предводительствомъ генерала Лафаета. Французы оказали нѣкоторое мужество, часовъ 5, сказываютъ, дрались; но наконецъ принуждены были отступить подъ орудія Филиппидля и оставили поле сраженія, три пушки, нѣсколько

знаменъ и съѣстные припасы. Французская реляція гласитъ, что это отступление было самое порядочное и славное, а Австрійская увѣряетъ, что это отступление ничто иное какъ постыдный бѣгъ. Первая вычисляетъ потерю непріятеля до 500 человекъ, а своихъ только до 60; а вторая доказываетъ, наоборотъ, почти такимъ же образомъ. Между Австрійцами много было эмигрантовъ, которые въ сраженіи часто кричали сумашедшимъ своимъ соотечественникамъ: несчастные, сдайтесь, или погибнете всѣ!

Если взглянуть на Французскія границы, если возвести свой взоръ на ужасное множество непріятелей, какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ, угрожающихъ теперешнее правительство; коихъ число, по крайней мѣрѣ по городамъ, со дня на день возрастаетъ, то покажется непонятнымъ, какъ Народное Собраніе такъ мало занимается настоящимъ дѣломъ. Напримѣръ, большая часть изъ сей безчисленной толпы, которые называются солдатами, остаются и по сію пору безъ ружья, безъ раціоновъ, безъ лошадей, такъ какъ и безъ малѣйшаго урядства. Городъ Страсбургъ давно хлопочетъ постановленіемъ на военную ногу и вооруженіемъ всѣхъ нижнихъ чиновъ (*les couchés*) Рейнскаго департамента. Разные муниципалитеты, прилежащіе къ Альпамъ, отъ Гуннинга до самой Антибы, безпрестанно требуютъ оружія и коней; но государственные арсеналы теперь совсѣмъ опорожнены, Лионскіе же, Вандейскіе и Лильскіе недавно разграблены. Въ одной недалеко отъ Парижа деревнѣ произошла недавно распря, сама по себѣ неважная, но страшная по могущимъ быть послѣдствіямъ. Человекъ 12 пьяныхъ Швейцарской гвардіи выставили бѣлую кокарду, крича, что бѣлый бантъ—короля и королевы и что онъ только одинъ впечатленъ въ ихъ сердцахъ. Шумъ этотъ привлекъ множество народа. Иной стоялъ за бѣлую, другой за трехцвѣтную кокарду, и загорѣлась драка. Спокойствіе не иначе было восстановлено какъ вооруженною рукою. Отъ сего родился новый поводъ къ общей недобривости и новое остервененіе противъ ихъ величествъ. 30 и 31 Мая весь Парижъ очутился иллюминированъ; толпы черни всякаго состоянія рыскали по улицамъ, крича, что отечество находится въ большой опасности, что король и королева хотятъ уѣхать и что государева стража держитъ ихъ сторону. Національное Собраніе положило тогда не расходиться прежде изысканія подозрѣнія въ измѣнѣ и начало тѣмъ, что уничтожило почетную стражу короля, опредѣлило, что впредь одни національные гвардейцы будутъ стоять на караулѣ у ихъ величествъ. Волненіе въ Парижѣ доходитъ, говорятъ, до крайности. Пышно-вздорные ораторы Національнаго Собранія наперывъ гремятъ противъ контръ-революціи и противъ бывшаго министра Моиморена, который, сказываютъ, уѣхалъ, противъ эмигрантовъ, противъ поповъ, бѣлыхъ кокардъ, короля и королевы. Сволочь бѣснующагося народа рыщетъ повсюду; иные кричатъ: на фонарный столбъ всѣхъ иностранцевъ; другіе: провались къ дьяволу вся конституція.

Пишутъ изъ Шамбери, что около Гренобля находится теперь тысячь восемь Французскихъ національныхъ гвардейцевъ. Изъ Марсели

же, что семь суденъ стоять совсѣмъ готовы, но что еще не собрали довольно матросовъ.

16.

Turin, ce 29 Mai (9 Juin) 1792.

On a appris ici avec indignation que le fanatisme philosophique qui exalte à cette heure une quantité de têtes à Paris, a porté les Savoyards crocheteurs qui s'y trouvent à se rassembler et à se présenter en corps à la barre de l'Assemblée Nationale. Ils ont dit, entre autres absurdités, qu'ils s'étonnaient de ce que leur patrie n'est plus française, qu'ils ont les sentiments français, qu'ils détestent les tyrans et que pour leur faire la guerre ils offraient 628 livres en assignats, 24 livres et quelques sous en monnaie sonnante, une demi-pistole et deux petites pièces de Savoie, nommées picalions et qui sont d'un quart moins d'une polouschka. L'Assemblée a retenti des plus grands applaudissements et leur a accordé les honneurs de la séance.—Une nouvelle plus sérieuse nous est venue de Rome: le Pape vient de faire lever 10,000 recrues pour la garde de ses ports, et a augmenté ses revenus annuels de 500,000 sequins dont il vient d'ordonner la contribution. Le roi de Sardaigne, dans l'attente de quelque événement du côté de la France, ne va pas s'établir à la campagne cet été. Le prince et madame la princesse de Piémont y sont depuis quelques jours *).

17.

Туринъ, 2 (13) Іюня 1792 года.

Княгиня Кариньянская и ея сынъ, принцъ крови ея Сардинскаго величества, на сихъ дняхъ возвратились изъ путешествія своего въ Италію. Вчера имѣлъ я честь быть имъ представляемъ черезъ церемоніймейстера. Французскій лагерь между Ліономъ и Греноблемъ еще

*) Т. е. Туринъ, 29 Мая (9 Іюня) 1792. Съ негодованіемъ узнали здѣсь, что въ Парижѣ Савояры-носильщики, воодушевленные философскимъ изувѣрствомъ, коимъ заражено теперь множество головъ, толпились у входа въ Народное Собраніе. Въ числѣ другихъ нелѣпостей они заявили удивленіе, за чѣмъ родина ихъ не принадлежитъ болѣе къ Франціи, говорили, что чувства у нихъ одинаковы съ Французами, что они ненавидятъ тирановъ и на борьбу съ ними представляли 628 ливровъ бумажками, 24 ливра и нѣсколько су звонкою монетою, полпистоля и двѣ малыя Савойскія монеты, такъ называемые пикальоны, менѣе нашей полушки. Народное Собраніе огласилось громкими рукоплесканіями и почтило Савояровъ допущеніемъ къ своему засѣданію.—Болѣе важное извѣстіе пришло къ намъ изъ Рима: Папа, для защищенія своихъ гаваней, набралъ 10,000 солдатъ и выдалъ распоряженіе, по которому ежегодные доходы ея увеличатся на 500,000 секиновъ. Король Сардинскій нынѣшнимъ лѣтомъ не поѣдетъ на дачу, въ ожиданіи того, что будетъ со стороны Франціи. Принцъ и принцеса Піемонтскіе уже нѣсколько дней на дачѣ.

усиленъ нѣсколькими отрядами національной гвардіи. Число ихъ полагаютъ до 15,000 человекъ. Близъ рѣки Вара стоитъ другой изъ 6 или 7,000. Но въ разныхъ корпусахъ, составляющихъ полуденную армію, происходятъ столь великія и почти ежедневныя перемѣны, что очень трудно опредѣлить вѣрное число оруженосцевъ въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Якобинское скопище сильнѣе часъ отъ часу становится и повседневно издѣвается самымъ язвительнымъ образомъ слабости Людовика XVI. Даже подъ окнами дворца держатъ заговоры на отцеубійства, и ежели какой нибудь благоприятный и скорый случай не подоспѣетъ, то не безъ основанія можно сказать, что надобно ожидать крайнихъ изувѣрствъ противъ короля и наипаче королевы. Въ самомъ дѣлѣ, когда чернь однажды напала въ обманчивое начало, то ужъ и должно выводить оттуда всѣ послѣдствія, рождающіяся отъ неукротимыхъ страстей и поползновенности. Такіе поступки натурально плодятся отъ системы ея независимаго господства, такъ какъ изъ отвлеченнаго и метафизическаго равенства людей, признаннаго политическимъ правиломъ. Изъ этого же слѣдуетъ, что кто владѣетъ нарочитою собственностью, тотъ есть измѣнникъ, тотъ аристократъ. А Якобинскіе клубы, весьма искусные въ прикладахъ затѣй революціи, равно поступаютъ съ благородными и владѣльцами собственности: они теперь обнажаютъ этихъ, такъ какъ изгнали тѣхъ. Когда отсутствіе или выселеніе не можетъ быть къ тому предлогомъ, то одно слово инсвивизма *) довлѣетъ. Толкъ этотъ наипаче силенъ сталъ въ полуденныхъ провинціяхъ, смежныхъ съ принадлежащими королю Сардинскому. Владѣльцы поработены тамъ всякимъ возможнымъ притѣсненіемъ клубовъ. Пишутъ оттуда, что скоро выдетъ приказъ о размежеваніи земель по равности, называемой loi agraire. Въ ожиданіи сего, вымучиваютъ изъ нихъ чрезвычайные налоги, дабы наполнить недостатокъ публичныхъ поборовъ, отъ платежа которыхъ большая часть поселянъ отказывается. Какъ на этихъ напасть не смѣютъ, то придираются къ владѣльцамъ въ городахъ и штрафуютъ ихъ, когда вздумается, 300 ливрами, ежели они доказать не могутъ пріобщенія къ какому нибудь клубу. Многіе изъ нихъ, не захотѣвшіе откупиться, засажены въ темницы или раззорены, и все это называется дѣяніями патриотизма. Пресловутый Журданъ, два раза освободившійся отъ узъ черезъ двукратную амнистію, предводителствуетъ теперь въ тѣхъ округахъ національною гвардіею и большою сволочью крестьянъ. Судьи мира и командующіе войсками не токмо не имѣютъ духа стать противъ ея разбойническихъ дреколій, но часто не смѣютъ даже объ нихъ и доносить. Изъ ужаснаго сего безпорядка, дошедшаго до отчаянія, слѣдуетъ то, что противная конституціи партія повседневно умножается по городамъ. Но по селамъ этого еще нельзя примѣтить. Крестьяне восхищены ея именемъ и увѣрены, что пока такъ будетъ продолжаться, то податей они почти совсѣмъ давать не будутъ; а сверхъ того всегда имъ сподручно

*) Отсутствіе гражданскихъ свойствъ.

будеть дѣлать набѣги по городамъ и за свое удалство дѣлать корысти.

Фрауенфельдскій сеймъ кончилъ свои засѣданія. Онъ опредѣлилъ формально объявить воинствующимъ державамъ вооруженный нейтралитетъ Швейцарскаго корнуса съ включеніемъ Женевы, Порантрию и Нефшателя. Газеты, съ жадностію хватая въ сіе время фанатизма и лютоости все то, что можетъ поразить воображеніе, разгласили, будто король Сардинскій едва не отравленъ былъ однимъ изъ своихъ поваровъ, по наущенію Якобинскаго клуба. Я могу увѣрить в. с., что въ нихъ ни слова нѣтъ справедливаго. Поводъ къ этой глупой сказкѣ подало то, что одинъ изъ придворныхъ поваровъ арестованъ былъ съ недѣлю за нѣкоторыя своевольныя рѣчи, но послѣ того возвращенъ на прежнее свое мѣсто.

18.

Туринъ, 5 (16) Іюня 1792 года.

Съ нѣкоторыхъ дней появились на высотѣ Ницы два Французскихъ фрегата и одинъ катеръ, которые день и ночь въ виду разъѣзжаютъ. Катеръ однажды подъѣхалъ на пушечный только выстрѣлъ, а въ рейдъ не вошелъ. Командующій его дерзнулъ осмотрѣть одно Гишпанское судно, шедшее въ Ницу, съ тѣмъ чтобы узнать, не имѣетъ ли оно военныхъ припасовъ. Онъ съ такимъ же было намѣреніемъ пошелъ и къ Англійскому судну, называемому «Послушаніе» и возвращающемуся изъ Сардиніи; но какъ оно выставило Англійскій флагъ, то онъ кончилъ осторожностію и далъ ему свободный проходъ. Сардинскій король хотя и не находится въ миру съ Барбарійскими правительствами, совсѣмъ тѣмъ держитъ онъ въ Вилла-Франкѣ только два фрегата, изъ которыхъ одинъ въ худомъ состояніи, да 4 большія вооруженныя шлюпки. Маленькая эта флотилія служитъ только для перевоза войскъ туда и сюда. Морская торговля владѣній короля Сардинскаго производится на иностранныхъ судахъ.

Гарнизонъ въ Ницѣ умноженъ недавно двумя баталіонами. Сверхъ того приказано всѣмъ поселянамъ вооружиться подъ именемъ милиціи.

19.

Туринъ, 12 (23) Іюня 1792 года.

Король послалъ указъ тремъ новымъ полкамъ идти къ Савойской арміи, которой главныя квартиры находятся въ Шамбери и около Женевы. Близъ Монмельяна пойманы два національныхъ гвардейца, которые то деньгами, то зажигательными словами старались солдатъ и жителей возбудить къ неподчиненности. Они будутъ повѣшены. Сардинскій дворъ занимаетъ въ Генуѣ 6 милліоновъ Генуезскихъ ливровъ по $\frac{1}{2}$ процента, что составляетъ около милліона 600,000 рублей. Сегодня мнѣ сказали, что его величество негосируетъ въ Бернѣ о наймѣ новаго полка въ свою службу. Статься можетъ, что Эрнестскій полкъ, возвращающійся изъ Франціи, ему данъ будетъ. Франція же всякій день представляетъ больше раздора. Здѣсь извѣстно, что

противъ Людовика XVI и наипаче противъ несчастной его супруги заводится новое адское умышленіе. Холодность князей Бурбонскаго дома, нерасторопность и несогласіе роялистовъ, отдаленность чужестранной помощи, подають тому ужасную злонадежду. Со всѣмъ тѣмъ, король Французскій далъ недавно нѣкоторый знакъ чувствительности. Онъ отказалъ укрѣпить коварное опредѣленіе о новомъ наборѣ 20,000 національныхъ гвардейцевъ близъ Парижа: это для него немало смѣлости. Онъ оказалъ еще и отважность въ отрѣшеніи всѣхъ своихъ Якобинскихъ министровъ, исключая г. Дюмурье, который это присовѣтывалъ и вдругъ сталъ главою у партіи Фельянтовъ, въ ожиданіи пока явно составитъ другая, въ защиту здраваго разсудка. Король по сему дѣлу писалъ къ Народному Собранію очень негладкое письмо, что и было яблокомъ раздора и знакомъ порчей. Весь Парижъ теперь сотрясается. Граждане сами не знаютъ чего хотятъ. Шумъ часъ отъ часу возрастаетъ. Скоро, говорятъ, слышенъ будетъ звукъ какого нибудь ужаснѣйшаго удара.

20.

Туринъ, 16 (27) Іюня 1792 года.

Къ величайшему всѣхъ удивленію, Французскій король опять перемѣнилъ все свое министерство, начиная съ г. Дюмурье, который теперь лежитъ подъ развалинами собственныхъ своихъ интригъ. Сказываютъ, что новое Французское министерство есть совершенно монархическое, т. е. равно противное и республиканской, и роялистской партіи. Въ Тулонскомъ портѣ теперь стоятъ три линейныхъ корабля и 4 фрегата, готовыхъ идти въ море по первому повелѣнію. Сверхъ того тамъ строятъ 6 другихъ фрегатовъ. За нѣсколько дней появился передъ Ницею опять Французскій флотъ. Онъ, сказываютъ, состоитъ изъ 7 судовъ, какъ фрегатовъ, такъ и катеровъ. Военныя приготовленія здѣсь съ величайшимъ жаромъ приготовляются; завтра отправится къ Савойской арміи новая подмога, состоящая изъ артиллеристовъ, инженеровъ, множества пушекъ и ядеръ. Впрочемъ Туринскій арсеналъ состоитъ въ совершенномъ порядкѣ; онъ снабженъ столь довольно, что болѣе 50.000 человекъ можетъ вооружить, да и смѣнить пушки со всѣхъ Пьемонтскихъ крѣпостей.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ изъ Вѣны курьеръ съ важнымъ извѣстіемъ, что Богемскій король поручаетъ 10,000 войска въ повелѣнія его Сардинскаго величества съ предоставленіемъ на его волю употребить ихъ и даже въ нейтральной войнѣ. Сіи поступки, кажется, произвели новое дѣйствіе надъ духомъ короля, который повидимому наклоняется самъ наступить на Французовъ въ то время, когда соединенныя арміи войдутъ во Францію. О семъ въ тайнѣ хранимомъ предпріятіи короля можно догадаться изъ довольно явнаго тона, съ какимъ онъ говоритъ о семъ бѣснующемся народѣ и изъ сорокочаснаго молебствія, которое онъ наложилъ на всѣ Пьемонтскіе монастыри, препроводивъ каждому изъ нихъ по 200 ливровъ на нужныя къ этому дѣлу свѣчи. Вотъ смыслъ окружнаго повелѣнія объ этомъ молебствіи, диктованнаго, какъ сказываютъ, принцемъ Пьемонтскимъ,

который очень набоженъ: «Пойте молебень сорокъ часовъ сряду имени короля о ниспосланіи отъ Всевышняго благословенія на все вообще начинанія его величества». Я сіе сообщаю в. с. для того, чтобы вы могли судить о духѣ здѣшняго двора и о вліяніи, которое можно получить на теперешнія дѣла. Сардинскій дворъ негосируетъ въ Женевѣ о новомъ займѣ 4 милліоновъ Пьемонтскихъ ливровъ, что составляетъ такую же сумму, какая требуется отъ Генуи. Она доставлена сполна будетъ не иначе, какъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, за четыре процента. Графъ д'Артуа писалъ къ королю, чтобы онъ позволилъ его двумъ сыновьямъ ѣхать къ нему въ Кобленцъ для принятія службы въ арміи эмигрантовъ, которою онъ командовать будетъ.

21.

Туринъ, 19 (30) Іюня 1792.

Королю, наконецъ, несносно стало видѣть наглость, съ каковою разѣзжаютъ Французскія суда въ виду Ницы и Вилла-Франки, и онъ принялъ недавно твердую и отважную рѣшимость. Вотъ что происходило въ Ницѣ по его повелѣнію. 12 (23) сего мѣсяца г. де-ля-Планарджія, пригласивъ къ себѣ на чрезвычайный совѣтъ всѣхъ первостепенныхъ офицеровъ своего вѣдомства, также Ницскаго и Вилла-Франкскаго портовъ, потомъ потребовавъ Французскаго консула, спросилъ у него о причинѣ крейсированія Французскихъ военныхъ судовъ въ виду этихъ двухъ портовъ уже болѣе 20 дней. Консулъ отвѣчалъ, что онъ о томъ ничего не знаетъ, но думаетъ, что они преслѣдуютъ одинъ Неаполитанскій фрегатъ, который недѣли три потопилъ близъ Прованскихъ береговъ двѣ Алжирскихъ шебеки; или де-можетъ статья прикрываютъ собою купеческія суда, которыя идутъ на ярмарку въ Бойеру. Какъ этотъ отвѣтъ показался не очень удовлетворительнымъ, то комендантъ далъ ему выразумѣть, чтобы онъ о семъ дѣлѣ навѣдался гораздо обстоятельнѣе. Французскій консулъ сказалъ на то, что какъ отвѣтъ изъ Тулона по сему можетъ быть подверженъ сомнѣніямъ, то-де надобно его требовать отъ Національнаго Собранія; но что онаго ожидать должно не иначе какъ черезъ 25 дней. «Когда такъ, возразилъ ля-Планарджія, то срокъ этотъ вамъ дается; но ежели отвѣтъ будетъ обоюдень или срокомъ опоздастъ, то пребываніе ваше здѣсь будетъ ненужно, и вамъ придется выѣхать». Пораженъ будучи такою неожиданною рѣшимостью, консулъ спросилъ: отъ имени ли короля это ему говорятъ? Я вамъ говорю официально, отвѣчалъ ля-Планарджія и въ качествѣ главнаго правителя графства Ницскаго. Не знаю, отъ этого ли разговора, только съ нѣкоторыхъ дней не стало военныхъ судовъ въ виду Ницы. Однажды только появились они передъ Вилла-Франкою, но тотчасъ удалились за Антибскій мысъ. Ежели же эти суда опять подойдутъ подъ пушки Вилла-Франки, то коменданту дано позволеніе въ нихъ стрѣлять. Здѣсь нетерпѣливо ожидаютъ, какой дастъ отвѣтъ Народное Собраніе по поводу этой новой зацѣпки. Дворъ получилъ достовѣрныя извѣстія изъ Кобленца. Содержаніе ихъ почти такое: что эмигранты къ войнѣ еще неготовы, что у нихъ многого не-

достааетъ изъ муниции, особливо денегъ; что у гр. д'Артуа въ личности теперь состоитъ близъ 11,000 офицеровъ, которые еще не организованы, ни поверстаны въ полки и что графъ д'Артуа пишетъ ко всѣмъ выѣзжающимъ, чтобы они болѣе къ нему не приходили, затѣмъ, что негдѣ ихъ ставить постоемъ, да и нечѣмъ кормить. Р. С. Изъ Пармы и Піаченцы пришли извѣстія, что герцога, съ дозволенія Папы и короля Гишпанскаго, возстановилъ опять Іезуитовъ въ своихъ областяхъ. Думаютъ, что вскорѣ и самъ Гишпанскій король послѣдуетъ сему примѣру.

22.

Туринъ, 19 (30) Іюня 1792 года.

Извѣстія изъ Парижа приходятъ поразительнѣйшія, такъ какъ я имѣлъ честь предсказать в. с. въ послѣдней моей депешѣ. Якобинцы, будучи смѣнены умѣренными людьми при особѣ короля, отъ злости и досады пустились на всякія ухищренія, для восхищенія сего минутнаго торжества надъ монархистами*). Я говорю минутнаго, потому что якобинство глубокіе пустило корни по всему пространству Франціи, да оно же есть неминуемымъ послѣдствіемъ самой конституціи, т. е. политическаго равенства людей, дѣятельнаго самодержавія народа, уничтоженія королевства въ особѣ короля, изъ котораго теперь сдѣланъ простой только чиновникъ или наемникъ изъ платы денегъ, поруганія древняго и наслѣдственнаго дворянства, презрѣнія и неуваженія къ общественному богопочитанію, установленія буйныхъ празднествъ, называемыхъ патріотическими етс. Когда такая система правленія объявляется, когда вооружаются для защищенія оной, когда принятіе оной называется вольностью, а другіе народы, оной не принимающіе, называются рабоченными; когда имъ наносится еще и война по той только причинѣ, что не хотятъ они терпѣть въ нѣдрахъ Европы такого зловораго горнила политическаго пожара: то каждый Французъ рано или поздно сдѣлается Якобинцемъ. Далѣе я еще утверждаю, что хотя бы по примѣру принятыхъ Вѣнскимъ дворомъ мѣръ и изгнаны были изъ Парижа и изъ всей Франціи Якобинцы, то если у оставшихся не отнята будетъ свобода умствовать, они все изъ тѣхъ же своихъ политическихъ началъ такія же будутъ выводить послѣдствія, какія Якобинцы. Доколѣ причина будетъ существовать, то и дѣйствіе быть не перестанетъ. По этой-то причинѣ сіи бѣснующіе показались взвращающими съ равнодушіемъ на изгнаніе изъ министерства своихъ креатуръ; но наконецъ мсть свою обнаружили самымъ жестокимъ и лицемѣрнымъ образомъ. 21 сего мѣсяца, сволочъ самой подлой черни, совокупившись съ нѣкоторыми національными гвардейцами, числомъ отъ 13 до 14,000 человекъ, приступили къ Тюллерійскому дворцу съ копьями, топорами, кочергами, разломали топорами три двери, ворвались въ королевскіе покои, обступили короля, ухватили и угрожали стрѣлять по немъ изъ подвезенныхъ къ комнатѣ его

*) Кн. Бѣлосельскій хотѣлъ сказать, что торжество монархистовъ было минутное. П. Б.

двухъ пушекъ, если онъ въ ту же минуту не отмѣнитъ своего несогласія на опредѣленія о полахъ и о разставкѣ 20-тысячнаго лагеря около Парижа и тотчасъ не возвратитъ тѣхъ трехъ министровъ, которыхъ Національное Собраніе судило достойными быть сожалѣнія народа. Король взиравъ тогда на ихъ чудовищныя лица изъ амбразуры окна, стоя на стулѣ; королевскій принцъ стоялъ въ ближайшей комнатѣ на столѣ, окруженный всѣми придворными дамами и держащій въ рукахъ національныя кокарды. Мертвенность изображена была на всѣхъ лицахъ. Король неистовствующему народу сказалъ, что онъ на петицію ихъ пошлетъ отвѣтъ въ Національное Собраніе. Онъ промолвилъ содрагающе, что онъ нимало не боится стоять среди добраго Французскаго народа, его окружающаго; онъ еще взялъ и руку у одного вблизи стоявшаго безштаника, подвелъ ее къ своей груди и сказалъ: «Пощупай, бьется ли у меня сердце? У кого совѣсть такъ чиста какъ у меня, тому нечего страшиться». Буи надѣли тогда на него красную большую шапку называемую вольность и, его величество возопилъ: *Vive la liberté!* Королевскій принцъ повторилъ въ боковой комнатѣ этотъ же напѣвъ, и всѣ окружавшія его дамы тоже кричали. Нѣкоторая часть этого народа пробралась въ покой королевы, которую они застали уже совсѣмъ наряженную въ красную шапку, а притомъ еще и трудившуюся надъ множествомъ національныхъ кокардъ для раздачи оныхъ народу, который съ своей стороны прикалывалъ ихъ къ ея платью. Въ семь-то ужасномъ и смѣшномъ положеніи застали королевскую фамилію депутаты отъ Національнаго Собранія. Лицемѣрный Парижскій правитель тудаже, въ концѣ уже, пришелъ и именемъ закона велѣлъ народу разойтись. Народъ послушался; но онъ держалъ короля и его фамилію въ сей ужасной тревогѣ съ пятого часа по полудни даже до одинадцатаго. Сія поразительная сцена кончилась тѣмъ, что король упротребилъ этихъ сумасшедшихъ гражданъ показаться передъ собою въ розницу, и такъ проходили они черезъ его покои по два человѣка въ рядъ. Защищать столь неслыханныя наругательства, кажется, есть дѣло нѣсколько трудноватое и для той части Національнаго Собранія, которая слыветъ Якобинскою; со всѣмъ тѣмъ, можно навѣрно полагать, что она и тутъ уловками своими выправится. Лукнеръ взялъ Менень и Куртрей, мѣста прежде славныя по сраженіямъ Лудовика XIV и маршала Саксонскаго; но съ нѣкотораго времени они разгромлены и остались почти безъ укрѣпленія. Сію ужасную картину недавно произшедшихъ во Франціи изувѣрствъ кончу я тѣмъ, что Орлеанскій верхній національный судъ объявилъ графа д'Артуа и принца де-Конде измѣнниками отечеству и осудилъ ихъ потерять голову.

23.

Turin, ce 23 Juillet (4 Août) 1792.

Je soumets à v. e. quelques détails de plus au sujet de la scène scandaleuse arrivée le 20 du mois à Paris. Je les tiens de source. J'ai déjà eu l'honneur de lui dire que le parti des Monarchistes a

prévalu pour le moment sur les autres. Les nouveaux ministres sont de ce parti; mr. de la Jarre même est ami intime du général de la Fayette, de Roederer, du comte de Noailles ci-devant ambassadeur à Vienne, et ils sont sous la direction sourde du comte de Montmorin et surtout de la reine.

La fameuse lettre de la Fayette contre les jacobins, est arrivée à l'Assemblée Nationale dans le même temps que Roederer revenant de l'armée criait que tout est perdu, qu'il faut s'accommoder à tout prix. Mr. de-Noailles répétait ce cri d'effroi. Alors Pétion, maire de Paris et le scélérat le plus consommé de la France, dit qu'il est temps que le peuple se lève. Effectivement, deux jours après, il émeuta près de 20 mille hommes appelés sans-culottes, armés de piques et de haches, qui, après avoir défilé dans l'Assemblée Nationale, se transportèrent tumultueusement au château des Tuileries. Entre autres emblèmes ridicules, on leur a vu porter, en manière d'oriflamme, une vieille culotte noire toute déchirée, attachée à une perche, avec cet écriteau en grands caractères: avis à Louis XVI. Le peuple est las de souffrir. La liberté ou mourir! Cette tourbe infâme, ivre de vin et de fureur, brisa trois portes des appartements du roi, où se trouvaient 200 gardes nationaux avec mr. de Montmorin, le fameux chapelier, et les maréchaux de Mouchi, de Reauveau et de Mailly. Le roi à ce bruit affreux les fit retirer tous; le maréchal de Mouchi resta seul avec sa majesté, malgré ses ordres. Cependant le bruit augmentait par deux canons chargés que le peuple traînait jusque dans les appartements. Le roi prit alors le parti de se montrer et d'aller à sa rencontre. Un enragé, nommé Santerre, harangua le roi avec la plus extrême insolence et lui présenta deux cocardes: l'une blanche et l'autre rouge. Il prit, comme de raison, la dernière. On lui offrit un grand bonnet rouge, il s'en coiffa aussitôt, en disant: Charles V a mis le chapeau rond. Un Jacobin lui enfonça durement le bonnet sur la tête, et sa majesté se mit à crier: Vive la nation! La pétition de ces malheureux roulait sur la sanction des derniers décrets, sur le rappel de trois ministres patriotes et sur le renvoi des gardes suisses. Le roi demanda 24 heures pour y répondre. Alors on le mit debout sur une chaise pour entendre mieux ce qu'il disait. Quelques grenadiers fidèles qui se sont trouvés à côté de lui, frémissaient à cette scène d'horreur et d'indignité. L'un d'eux tomba en faiblesse. Madame Elisabeth, soeur du roi, que le courage n'a jamais abandonné, le ranima avec des eaux de senteur. Le roi déguisa fort bien ses frayeurs. La déportation des prêtres non assermentés lui paraissait un sacrilège, et ce sentiment a soutenu sa résolution de périr plutôt sous les coups de ces barbares que d'y accéder. Il les flatta cependant par des paroles de confiance et de plaisir de se trouver au milieu d'eux. Bientôt après, il étouffait de chaleur. On lui porta une bouteille de vin,

et un des sans-culottes eut l'impertinence de trinquer avec lui. Sarterre alla ensuite haranguer la reine. Deux grenadiers, pistolets à la main, se mirent tout d'un coup entre elle et le croquant. La reine, touchée de leur zèle, les prit par les bras, en leur disant affectueusement: je suis bien sensible. Ils se précipitèrent à genoux pour baiser sa robe. Elle leur tendit ses mains avec la grâce la plus touchante, et ces braves gens les couvrirent d'ardents baisers en fondant en larmes. Sa majesté reprenant ensuite un ton plus digne, dit à Sarterre: „J'aime la constitution, j'aime la liberté; mais je n'aime point les factieux“. Le reste est comme j'ai eu l'honneur de l'écrire à. v. e. dans ma dernière dépêche.

L'ambassadeur d'Angleterre déguisé a assisté par curiosité à toutes ces horreurs et ne s'est retiré du château qu'à la nuit, à la suite de la tourbe effrénée. Le lendemain le peu de ministres étrangers qui se trouvent actuellement à Paris ont complimenté leurs majestés. Le parti des monarchistes espère triompher à cette heure; mais je crains qu'ils ne soient bientôt trompés. Les Jacobins forment une hydre; il y a apparence que leur nombre va à plus d'un million dispersé sur toute la surface de la France sans compter les troupeaux d'imbéciles qu'ils font agir à leur gré au moment qu'ils s'en doutent le moins. C'est ce qui rend problématique l'effet des armées étrangères, quand même le succès le plus prompt couronnerait leurs entreprises. Car où iront-elles chercher la tête de cette épouvantable congrégation? Ils en trouveront une sans doute à Paris, et il leur sera facile de l'écraser, mais les autres siffleront à l'envi de toutes parts et surtout dans le midi de la France, où la corruption la plus audacieuse règne avec la plus cruelle impunité. C'est là, où, selon toute apparence, les Jacobins veulent entraîner la famille royale, lorsque Paris sera menacé. C'est du moins le sentiment général, et alors quel sentiment public peut-on apporter à la chose publique! Les Espagnols, à force d'avoir peur de la contagion française, sont paralysés. Les Piémontais, avec plus d'ardeur que de puissance, ne pourront guère y prendre une part active. L'été se passe, et à la fin de Décembre la neige tombant à gros flocons sur les montagnes qui entourent le Piémont, rendra probablement les chemins impraticables pour les troupes, les munitions et l'artillerie. Les 12.000 hommes qui sont en Savoie et les 6 à Nice ne sont pas même suffisants pour défendre les frontières de Genève à la Méditerranée. Les fourrages, les vivres y viennent du Piémont. La cherté y est excessive. La cour ne peut pas y envoyer toutes ses forces dans l'incertitude où elle se trouve et dans l'impossibilité de les faire revenir avant la fonte des neiges qui n'a lieu qu'au mois de Mai. Telles sont les considérations qui font de nouveau flotter sa majesté sarde sur le parti à prendre dans cette guerre si légitime, mais qui commence si tard. Le secours de la cour de Vienne de 10.000

hommes ne paraît pas d'ailleurs suffisant. On est, je crois, à négocier une augmentation de troupes, mais difficilement on l'obtiendra. Le marquis Gherardini, ministre de la cour de Vienne, est allé passer une quinzaine de jours dans la Lombardie, sa patrie *).

24.

Туринъ, 23-го Іюля (4-го Іюля) 1792 года.

Мадамъ Елизабетъ пишетъ къ принцессѣ Пьемонтской, своей сестрѣ, что изъ всѣхъ ужасовъ, каковыя она видѣла во Франціи съ начала революціи, происшедшая сцена 9-го (20-го) Іюня была самая поразительная и соблазнительнѣйшая; что хотя порядокъ, повидимому, кажется и восстановленъ, однако все еще непримѣтно скопляются тучи новой грозы и удара, можетъ быть, гораздо сильнѣйшаго предъ тѣмъ, отъ котораго королевская фамилія уклонилась; что мятежники разсѣялись по всѣмъ ближнимъ къ столицѣ департаментамъ для возмущенія народа и призванія его въ Парижъ etc. etc. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ Франція бѣдствуетъ, подвигнута будучи собственными навѣтами, Дюмурье простретъ знамя войны въ чужихъ краяхъ. Она и внутри удручается зломъ, можетъ быть, еще горшимъ. Безпокойство о доставленіи съѣстныхъ припасовъ, раздоръ во мнѣніяхъ о религіи, самое необузданное своевольство во всѣхъ состояніяхъ, безпримѣрная наглость Якобинцевъ, волнуютъ народъ туда и сюда такъ, какъ буря играетъ морскими волнами. Предводители войскъ равно во мнѣніяхъ своихъ расторглись. Лукнеръ теперь держится партіи Якобинцевъ, а впредъ наровитъ себя къ той, которая превозможетъ. Лафаетъ рѣшительно остался при монархической, а Мон-

*) Переводъ. Туринъ, 23 Іюля (4 Августа) 1792. Предлагаю вашему сіятельству еще нѣсколько подробностей о наглостяхъ, происшедшихъ въ Парижѣ 20 числа. Они почерпнуты мною изъ вѣрнаго источника. Я уже имѣлъ честь сообщить вамъ, что на нѣкоторое время монархисты возобладали надъ другими партіями. Къ монархистамъ принадлежатъ новые министры. Даже г. Делажаръ—искренній другъ генерала Лафаета, Редерера, графа Ноайля (передъ тѣмъ посланника въ Вѣнѣ); въ тайнѣ ими управляетъ графъ Монморень и въ особенности королева. Знаменитое письмо Лафаета противъ Якобинцевъ получено въ Народномъ Собраніи въ то самое время, какъ возвратившійся изъ арміи Родереръ кричалъ, что все погибло и что надо, во что бы ни стало, приравливаясь къ обстоятельствамъ; Ноайль вторилъ этому крику ужаса. Тогда Петіонъ, меръ города Парижа и самый отъявленный злодѣй во Франціи, сказалъ, что наступила пора подняться народу. И дѣйствительно, черезъ два дня онъ взбунтовалъ до 20 тысячъ человекъ, такъ называемыхъ *санкюлотовъ*. Вооруженные пиками и топорами, они явились въ Народное Собраніе и оттуда буйною толпою направились къ Тюльерійскому замку. У нихъ странные значки, и въ числѣ ихъ, какъ священное знамя, носили они на палкѣ старые рваные штаны чернаго цвѣта, и съ надписью огромными буквами: «Пусть знаетъ Людовикъ XVI-й: народъ усталъ терпѣть. Свобода или смерть!» Эта нечестивая толпа, въ пьянствѣ и буйствѣ, разломала трое дверей въ покояхъ короля, гдѣ находилось 200 человекъ народной стражи, и съ ними Монморень,

тескью, командующій полуденною арміею, есть изъ числа республиканской, но и тутъ на свой образецъ. Здѣсь узнали, что сей послѣдній подучаетъ армію и народъ взбунтоваться и противъ короля и даже противъ конституціи, отдѣлиться и себя, по примѣру Кромвеля, провозгласить покровителемъ. Но его замыслы не имѣли до сихъ поръ успѣха. Поселяне отвѣтствовали на его внушенія, что они любятъ конституцію для того, что по ней они только тогда даютъ дань, когда имъ вздумается, да и не отбрасываютъ короля, затѣмъ что онъ имъ худаго не дѣлаетъ.—Его Сардинское величество приказалъ еще набрать рекрутъ по 10 человекъ на роту; сверхъ того, намѣренъ усилить провинціальныя полки, состоящіе изъ 700 человекъ. Желаніе есть довести ихъ до 1000 двухъ сотъ, такъ какъ впредь состоятъ будутъ напольныя полки. Срокъ въ приѣмѣ солдатъ въ службу уменьшенъ. Впредь назначенъ онъ только на 6 лѣтъ. Кажется, что мнѣніе о наймѣ новаго Швейцарскаго полка отмѣнено. Сардинскій король выѣхалъ для житія за городъ, только очень близко.

При семъ имѣю честь предложить в. с. любопытное донесеніе о разговорѣ между королемъ Французскимъ и Парижскимъ правителемъ Петіономъ, который пришелъ къ его величеству 22-го Іюня въ 8 часовъ вечера. Разговоръ этотъ доказываетъ, что король находитъ нѣсколько ободренія въ своемъ отчаяніи. По всему кажется, что эта искра бодрости будетъ причиною новаго пожара въ Парижѣ.

знаменитый Шанпелье и маршалы Муши, Рово и Малъи. Всѣмъ имъ король приказалъ уйти, какъ скоро послышался страшный шумъ. Муши остался одинъ съ его величествомъ, вопреки его приказанію. Между тѣмъ шумъ усиливался, такъ какъ народъ втащилъ двѣ заряженныя пушки въ самые покои. Тогда король рѣшился показаться и вышелъ къ народу на встрѣчу. Одинъ изъ взбеленившихся, по имени Сантеръ, держалъ къ королю самую наглаую рѣчь и подалъ ему двѣ кокарды, одну бѣлую, а другую красную; конечно, король взялъ послѣднюю. Ему поднесли большой красный колпакъ, и онъ тотчасъ надѣлъ его, говоря: «Карль V носилъ круглую шляпу». Одинъ Якобинецъ безъ всякой церемоніи надвинулъ ему на голову колпакъ, и его величество принялся кричать: «Да здравствуетъ народъ!» Эти несчастные потребовали отъ него, чтобы онъ утвердилъ послѣдніе декреты, назначилъ вновь трехъ министровъ-патріотовъ и уволилъ Швейцарскую стражу. Король просилъ, чтобы ему дали 24 часа на размышленіе. Тогда его поставили на стулъ, чтобы лучше слышать, что онъ говорилъ. Нѣсколько находившихся подлѣ него вѣрныхъ гренадеровъ трепетали отъ ужаса и негодованія. Съ однимъ изъ нихъ сдѣлалось дурно. Мадамъ Елисавета, сестра короля, ни на минуту не терявшая присутствія духа, давала этому гренадеру нюхать спиртъ. Король весьма удачно подавлялъ въ себѣ ощущеніе страха. Ссылка неприсягнувшихъ священниковъ казалась ему святотатствомъ, что и поддержало въ немъ рѣшимость лучше погибнуть подъ ударами этихъ варваровъ, нежели согласиться. Между тѣмъ онъ льстилъ имъ, выражая довѣріе и говоря, что онъ радъ находиться посреди ихъ. Вскорѣ онъ сталъ задыхаться отъ жару. Ему принесли бутылку вина, и одинъ изъ санкюлотовъ имѣлъ дерзость чокнуться съ нимъ. Потомъ Сантеръ отправился держать

Петіонъ. Мы узнали, государь, что вамъ предварительно дано извѣстіе о имѣющемъ придти къ вашему дворцу новомъ собраніи народа; мы для этого пришли увѣдомить васъ, что оно состоятъ будетъ изъ безоружныхъ гражданъ, которые хотятъ поставить Ман-листевъ вѣнокъ). Я знаю, государь, что поступокъ муниципалитета обнесенъ былъ передъ вами на 20-е число; однакоже онъ извѣстенъ вамъ будетъ.

Король. Онъ долженъ быть извѣстенъ и цѣлой Франціи. Теперь не обвиняю я никого. Но я все видѣлъ, все примѣтилъ.

Петіонъ. Онъ такимъ и будетъ; а ежели бы не приняты были благоразумныя мѣры муниципалитетомъ, то могли бы случиться гораздо опаснѣйшія происшествія, хотя не для вашей особы, потому что, какъ вы и сами знаете, она всегда будетъ уважаема, но.....

Король. Молчи! Какъ! Взойти ко мнѣ съ оружіемъ, разломать, опрокинуть мои двери, разогнать мою стражу, держать меня въ самомъ унижительномъ и несносномъ положеніи чрезъ цѣлые 7 часовъ! Это ли значить уважать меня? Третьяго дня позоръ есть настоящій соблазнъ для всей Франціи и для всей Европы. Ты лицемеръ!

Петіонъ. Но я знаю обширность моихъ должностей, за которыя мнѣ надобно отвѣтствовать.

рѣчь къ королевѣ. Два гренадера, вооруженные пистолетами, тотчасъ стали между нею и негодяемъ. Королева, тронутая ихъ усердіемъ, взяла ихъ за руки и съ чувствомъ сказала: «Очень признательна!» Они бросились на колѣна цѣловать ея платье. Съ трогательною прелестью протянула она имъ руки, и эти храбрые люди покрывали ихъ горячими лобзаніями и плакали. Тогда ея величество, принявъ на себя болѣе важный видъ, сказала Сантеру: «Я люблю конституцію, люблю свободу, но не люблю мятежа». Остальное происходило такъ, какъ я имѣлъ честь писать в. с. въ моей послѣдней депешѣ. Англійскій посланникъ, переодѣвшись, присутствовалъ изъ любопытства при всѣхъ этихъ ужасахъ и удалился изъ дворца уже ночью, вслѣдъ за обезумѣвшей толпою. На другой день немногіе иностранные посланники, находящіеся теперь въ Парижѣ, пріѣзжали къ ихъ величествамъ съ изъявленіемъ привѣтствія. Партія монархическая надѣется теперь восторжествовать; но я боюсь, что она скоро разочаруется. Якобинцы—точно гидра; есть основаніе думать, что ихъ болѣе милліона разсѣяно по всему пространству Франціи; да кромѣ того множество невѣждъ дѣйствуютъ по ихъ волѣ, сами того не подозрѣвая. Вотъ почему, еслибы даже быстрый успѣхъ увѣнчалъ предпріятіе иностранныхъ войскъ, польза отъ того окажется сомнительною; потому что, гдѣ искать руководителей этого страшнаго скопища? Безъ сомнѣнія, они найдутся въ Парижѣ, и легко будетъ ихъ захватить; но очутятся другіе на всѣхъ концахъ Франціи, особенно на Югѣ, гдѣ господствуетъ самая наглая испорченность, пользующаяся самою вопіющею безнаказанностью. По всему видно, что Якобинцы намѣреваются увезти туда королевское семейство, какъ скоро Парижу будетъ грозить опасность. Таково по крайней мѣрѣ общее ощущеніе, и тогда что станетъ съ общимъ дѣломъ? Испанцы бездѣйствуютъ, страшась Французской заразы; Піемонтцы, болѣе усердные, нежели

Король. Исполни́й лучше свою должность; ты отвѣтствуешь за спокойствіе Парижа и молчи. Прощай.

Его Сардинское величество часто дѣлаетъ мнѣ честь говорить со мною о теперешнихъ дѣлахъ и даже сообщаетъ мнѣ новости. Третьяго дня, когда былъ я у него съ моимъ почтеніемъ, изволилъ онъ бесѣдовать со мною о нынѣшнемъ состояніи Польши. «Поляки, сказалъ онъ, хотятъ обезьянствоватъ, смотря на Французовъ; но, благодаря вашему сосѣдству, въ томъ не успѣютъ. Я терпѣть не могу сильныхъ перемѣнъ въ политикѣ. Пусть всякій остается на своемъ мѣстѣ, пусть самодержавства пребудутъ самодержавствами, а республики—республиками. Микстура хороша только въ аптекахъ, да и тамъ ея дѣйствіе часто бываетъ сомнительно». Потомъ говорилъ онъ объ изданномъ отъ нашего двора манифестѣ въ Польшу. «Это—самый шедевръ *) редакціи, самая сущность мудрости и политики, сказалъ его величество, и соединеннымъ арміямъ противъ бѣснующейся партіи Французовъ стѣдуетъ почти только разослать съ него копии для произведенія желаннаго дѣйствія на здравую часть Французскаго народа».

(Продолженіе будетъ).

сильные, не будутъ въ состояніи принять въ немъ дѣятельнаго участія. Лѣто проходитъ, въ концѣ Декабря горы, окружающія Пиемонтъ, покроются снѣгомъ, и дороги, по всему вѣроятію, сдѣлаются непроходимы для войскъ, обозовъ и артиллеріи. Въ Савойѣ 12,000 человѣкъ, въ Ницѣ 6000; но этого мало даже для того, чтобы оборонять границы отъ Жены до Средиземнаго моря. Фуражъ, съѣстные припасы идутъ туда изъ Пиемонта. Дороговизна тамъ чрезвычайная. Дворъ, въ теперешней неизвѣстности, не можетъ послать туда всѣ свои силы: ему нельзя будетъ имѣть ихъ обратно до того времени, пока растаятъ снѣга, что бываетъ въ Маѣ. Вотъ соображенія, изъ-за которыхъ его Сардинское величество снова колеблется, какъ ему быть въ этой войнѣ, столь законной, но столь поздно начинающейся. Помощь двора Вѣнскаго, въ 10,000 человѣкъ, повидимому недостаточна. Думаю, что начнутъ переговариваться о прибавкѣ войска, но врядъ ли добьются оной. Министръ Вѣнскаго двора, маркизь Жерардини, отправился недѣли на двѣ въ Ломбардію, откуда онъ родомъ.

*) Т. е. chef-d'oeuvre, образцовое произведеніе.

Сардинія въ эпоху первой Французской революціи.

Письма князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Россійскаго посланника при Сардинскомъ дворѣ, къ вице-канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману *).

1.

Туринь, 26 Іюня (7 Іюля) 1792 года.

Церемоніймейстеръ его Сардинскаго величества далъ знать письменно иностраннымъ министрамъ, что король, по выѣздѣ своемъ за городъ на мызу, называемую Королевскою Винницею, принимать ихъ не будетъ. Послѣ представленія, учиненнаго Французскому консулу въ Ницѣ, не видны болѣе стали Французскія военныя судна передъ симъ портомъ. Со всѣмъ тѣмъ, сказываютъ, что вооруженія въ Тулонѣ производятся съ болѣею дѣятельностію, нежели прежде. Равно и въ Ницѣ работаютъ день и ночь, не разбирая даже воскресныхъ и праздничныхъ дней, надъ укрѣпленіями, и между прочимъ надъ постройкою печей для раскаливанія ядеръ или брандтугелей. Пребывающій въ семъ послѣднемъ городѣ Французскій консулъ сряжается какъ бы для отъѣзда въ свое отечество по отвѣту, что ожидается изъ Парижа. Извѣстія изъ Франціи отъ 22-го до 30-го Іюня ничего еще такъ громкаго не гласятъ, что бы достойно было или конституціональныхъ или анти-конституціональныхъ буйствъ. Все еще продолжаютъ дивно-утонченной философіи умозаключенія, которыя тамъ почитаются плодомъ жени **), но въ самой вещи не иное что суть, какъ атеизмъ, матеріализмъ и олигархія, прикрытыя личиною красноглагольствія 745-ти сумасшедшихъ, которыхъ невѣжество въ политикѣ до такой надменности дошло, что они почитаютъ себя превыше свѣта дознанной черезъ все вѣки мудрости. 29-го, г. де-Лафаетъ, вдругъ оставивъ свою армію и представъ предъ Національное Собраніе, началъ упрекать его за смуту 20-го дня и за незаконную терпимость при себѣ Якобинцевъ. Засѣдающіе тутъ Нумы и Солоны, больше похожіе на Англійскихъ жокеевъ, сперва встрѣтили его съ великими рукоплесканіями; но какъ выслушали и выразумѣли его, что онъ все кладетъ на счетъ ихъ терпѣнія (что по совѣсти должны они только класть на свое безсиліе), то подняли шумъ,

*) См. вторую книгу Русскаго Архива сего года, стр. 369.

**) Génie, т. е. генія.

ропотъ, гамъ. И такъ, по платью встрѣтили и по уму проводили. Можно предвидѣть однакоже, г. Лафаетъ прямо рѣшился идти на все, только чтобы возстановить порядокъ во Франціи, не въ смыслѣ Французскихъ принцевъ, но въ смыслѣ монархистовъ, которыхъ число несравненно болѣе, даже и между эмигрантами, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Въ этомъ имѣю честь увѣрить в. с—во, полагаясь на мои наблюденія, такъ какъ и на неоднократные мои разговоры съ самими эмигрантами. Что касается до самой Франціи, то можно навѣрно положить, что теперь тамъ только двѣ партіи: одна изъ тѣхъ, кои держатся конституціи и которую Якобинцы толкуютъ какъ хотятъ, такъ какъ Испанскіе Доминиканцы толкуютъ иррациональное и инквизиціи; а другая изъ монархистовъ, главою надъ которой (хотя это и очень невѣроятно покажется) поставлю короля, Монмореня, Бретеля и наипаче самую королеву. Ваше с—во около половины Августа сами узнаете, имѣлъ ли я причину такъ думать. Я не знаю, въ угодность ли в. с—ву дѣлаю я, если занимаюсь Французскими дѣлами, и могутъ ли вѣсти мои послѣ Франкфуртскихъ и Брюссельскихъ благопріятны быть со стороны новизны или разсужденія? Я прошу в. с. сдѣлать мнѣ честь увѣдомить, долженъ ли я продолжать трудиться по плану моей ревности или замкнуться въ кружкѣ мелкихъ извѣстій той земли, гдѣ я нахожусь.

2.

Туринъ, 30 Іюня (11 Іюля) 1792 года.

Я уже имѣлъ честь доложить в. с—ву въ свое время, что общій Фрауенфельдскій сеймъ объявилъ вооруженный нейтралитетъ и кордонъ, состоящій изъ 1.400 человекъ. Этотъ кордонъ не иное что есть, какъ повѣстка для 60.000 набраннаго уже войска, которые, при помощи сигналовъ, разставленныхъ по всѣмъ Швейцарскимъ высотамъ, могутъ, сказываютъ, вооружиться и выступить въ походъ къ назначенному всѣмъ мѣсту черезъ шесть только часовъ. Замыселъ этотъ тѣмъ болѣе прекрасенъ, что тутъ порядокъ и расторопность совокупно дѣйствуютъ въ воинскомъ урядствѣ. Далѣе, сеймъ этотъ утвердилъ, что, какъ теперь невозможно вывести своихъ войскъ изъ Франціи, то представить королю тѣ трактаты, которыми Гельветическій корпусъ обязанъ не воевать наступательно съ Французами противъ Австрійцевъ, что тамъ Швейцарскія войска исполнить и должны. Въ противномъ же, да еще въ томъ случаѣ, когда они понесутъ какой-нибудь противный своимъ статьямъ поступокъ, повелѣвается имъ силою возвратиться въ свое отечество, которое съ своей стороны не преминетъ прикрывать возвратъ ихъ всѣми нужными мѣрами. Говорятъ, что заподлинно намѣреніе есть возстановить Іезуитовъ въ Пармѣ, Пьяченцѣ, Моденѣ, Миланѣ и даже, какъ увѣряетъ здѣшнее духовенство, въ самой Испаніи. Папа кому-то сказалъ, что философскія начала, колеблющія теперь католическими государствами, должно приписать уничтоженію сего братства. Однако его святѣйшество, видно, не разсудитъ за благо предложить о томъ самъ, но дастъ знать только изъ-подъ руки Италіанскимъ принцамъ, что

сіе возстановленіе будетъ ему очень пріятно. По примѣру множества Майевъ, которые поставлены были въ Парижѣ передъ Национальнымъ Собраніемъ, передъ королевскимъ дворцомъ и передъ всѣми караульнями, чернь во всѣхъ мелкихъ городахъ, примыкающихъ къ Альпамъ, наперерывъ такіе же Маи ставитъ передъ муниципальными домами. На верхушкѣ этихъ деревъ надѣта большая красная шерстяная шапка, коея блистаніе (такъ глаголятъ подневные витіи) помрачаетъ блистаніе коронъ.

Поселянамъ графства Ницскаго и другихъ Пьемонтскихъ округовъ дано повелѣніе вооружиться огнестрѣльнымъ оружіемъ и готовымъ быть къ оборонѣ по первому требованію, подъ именемъ національной милиціи.

Порты Ницскій и Вилла-Франкскій приведены въ состояніе отражать недолговременную осаду, тѣмъ болѣе, что тамошнія воды почитаются неспособными къ удержанію на долгое время неприятельскихъ судовъ въ виду суши. Его величество на винницѣ своей почти никого не принимаетъ по причинѣ малости дома. Принцъ и принцесса Пьемонтскіе переѣхали въ Монпелье. Беременность герцогини Аостской приходитъ къ концу весьма благополучно и составляетъ величайшее удовольствіе всей королевской фамиліи. Дней восемь тому назадъ настали здѣсь несносные жары; мы скоро увидѣть надѣмся Реомюровъ термометръ на 32 градусъ теплоты.

3.

Туринъ, 21-го Іюля (1-го Августа) 1792 года.

Сыновья графа д'Артуа отправляются сегодня въ дорогу, сколь ни удерживалъ ихъ отъ того Сардинскій король. Они отъѣзжаютъ въ Эвианъ, Савойскій городокъ, что лежитъ при озерѣ Леманѣ; а оттуда продолжать будутъ путь водою въ Лозанну. Его в—во велѣлъ препроводить къ Лозанскому правителю предъизвѣстительное письмо съ прошеніемъ, чтобы подъ нихъ выслана была вооруженная барка для прикрытія переѣзда. Эта предосторожность тѣмъ болѣе нужна, что тутъ переѣзжаютъ близъ Версуа, Французскаго города, коего жители могутъ покуситься на большія наглости. Послѣ объявленія отъ Национальнаго Собранія, что отечество находится въ опасности, безчиніе, бѣшенство, необузданность дошли по Французскимъ границамъ до крайности. По всѣмъ городамъ и деревнямъ сего несчастнаго королевства прибиты цыдулки, которыя доказываютъ мучительное его бѣснованіе. Въ нихъ прописано, что каждый Французъ и каждый иностранецъ, путешествующій во Франціи, долженъ впредъ носить трехцвѣтныя кокарды за исключеніемъ однако же пословъ; въ противномъ же случаѣ, кто пойманъ будетъ въ другой кокардѣ, тотъ, какой бы онъ націи ни былъ, долженъ быть заарестованъ въ муниципалитетѣ того мѣста, судимъ и казнимъ смертію. Сумашедшая сцена, происшедшая 22 Іюля въ палатѣ Национальнаго Собранія по поводу суда надъ Лафаетомъ, подала новую пищу народному изумленію. Нѣкоторые люди, нарочно Якобинцами разставленные, вдругъ закричали: къ ружью, въ набатъ,

патріотовъ рѣжутъ! Обаятельное слово патріотъ и Якобинецъ произвело обыкновенное свое дѣйствіе и, какъ электрическая искра, подвинуло всѣхъ. Безчисленная сволочь подлости сбѣжалась къ Тюльери и хотя дворецъ этотъ не былъ назначенъ мѣстомъ позорища, со всѣмъ тѣмъ должностію поставлено разломать его двери. Королевская семья опять было сдѣлалась жертвою; но меръ Петіонъ, видно разсчитавши, что злодѣяніе въ томъ случаѣ неприбыльно бы ему было, угасилъ въ самомъ началѣ искру сего новаго бунта. Такое множество злопорядковъ, одни ужаснѣе другихъ, нисколько не перемѣнили обыкновенной личины Парижа. Все тѣже забавы, тѣже веселья, тѣже кощунства противъ короля, противъ поставленныхъ властей. Театры также наполнены, какъ и прежде; шинки гобзять національными гвардейцами, солдатами, безштаниками; достаточные люди ни о чемъ не думаютъ, а чернь править, обжорствуютъ и выдаютъ законы. Такая безпечность, такое забвеніе объ опасности отечества, происходятъ отъ многихъ причинъ. Во первыхъ, отъ крайней вѣтренности Парижанъ, которыхъ умы, страсти подобно колесу, превратны; отъ ихъ невѣжества столько же непонятнаго въ публичныхъ дѣлахъ, невѣжества соразмѣрнаго съ тѣмъ утвердительнымъ тономъ, съ какимъ они объ нихъ говорятъ, отъ невѣроятной на себя надежности (они въ самомъ дѣлѣ чтутъ себя героями), отъ презрѣнія иностранцевъ, наконецъ отъ утомленности, отъ усталости, въ каковыя обыкновенно впадаютъ духи слабые, легкіе, пылкіе, горячіе, сварливые при видѣ приближающейся и неминуемой бѣды. Во всей Франціи народъ такъ себя ведетъ, какъ бы эта бѣда совсѣмъ была пустая и, допуская нѣкоторое только исключеніе, каждый умствуетъ, мечтаетъ, страшится, угрожаетъ, надѣется, негосируетъ, и все это въ видѣ, въ смыслѣ, въ началахъ революціи, въ то самое время, когда министерство, всѣ извѣстія, дѣлая Европа гласятъ о вооруженіи 300,000 чел. противъ этихъ безмозглыхъ рогатиноносцевъ, коихъ все оружіе состоитъ въ острогѣ, мечтательности и въ объявленіи загадокъ, по мнѣнію ихъ, философскихъ. Непонятіе и сего еще есть то, что партія Якобинцевъ, видя невозможность воспротивиться иностранной силѣ, сама разсыпаетъ сѣмена раздора и неподчиненности во Французскихъ арміяхъ. Надобно думать, что это дѣлаетъ она изъ опасности, чтобы Французскія войска, ежели онѣ будутъ въ порядкѣ, не соединились съ иностранными противъ Національнаго Собранія. Въ ожиданіи же этого, Якобинцы внушаютъ черни, что войска измѣнили, или скоро измѣнятъ и что защита отечества зависить единственно отъ собственныхъ усилій частно каждаго Француза обоихъ половъ. Можно положить навѣрное, что Французскія войска легко побѣждены и разсѣяны быть могутъ; но весьма чрезвычайно трудно будетъ покорить и преклонить подлый народъ, коего голова запорошилась такими бреднями, коихъ нѣтъ примѣра ни въ какой исторіи человѣческихъ буйствъ. Извѣстія, пришедшія сюда изъ Кобленца, очень любопытны; утверждаютъ, что графъ д'Артуа отчаялся видѣть во Франціи возстановленіе самодержавства и что онъ чрезъ тайныя сношенія

преклоняется къ партіи королевы, Монмореня и Бретеля, т. е. къ той, которая во Франціи хочетъ завести образъ Англійскаго правленія. Военныя приготовленія продолжаются здѣсь все съ такимъ же жаромъ, хотя заемъ денегъ въ Генуѣ набирается не съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ бы желательно было. Король часто пріѣзжаетъ въ городъ для присутствія въ Совѣтѣ; но иностранные министры его не видятъ. Марки Герардини, министръ Вѣнскаго двора при здѣшнемъ, вчера возвратился сюда изъ Ломбардіи, гдѣ онъ, съ позволенія, препроводилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ.

4.

Туринъ, 21 Іюля (1 Августа) 1792 года.

Французская армія, стоявшая на границахъ Савойи, уменьшилась, такъ что изъ 23 баталіоновъ, ее составлявшихъ, осталось только 20; однако она умножена будетъ новымъ наборомъ національныхъ гвардейцевъ. Эмиграція продолжается во Франціи еще съ болѣею противъ прежняго скоропоспѣшностью. Офицеры, монахи, попы не присягавшіе бѣгутъ со всѣхъ сторонъ. Первые, проходя черезъ земли короля Сардинскаго, идутъ въ Кобленцъ; а вторые расходятся по Савойскимъ деревнямъ, гдѣ имъ опять позволено селиться. Г. Вентимилль, генераль-поручикъ и кавалеръ Св. Духа, представленъ былъ вчера королю въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Французскихъ принцевъ. Марки Брезе, генераль-поручикъ Сардинской арміи, сего дня отправился въ Миланъ. Ему приказано осмотрѣть Австрійскихъ войскъ, данныхъ въ королевское расположеніе и коихъ число, по строгому счету, простирается только до 7700 человекъ и до 30 пушекъ. На него также возложено учредить какъ маршъ для этихъ войскъ, такъ и доставленіе провіанта и условіе въ случаѣ дезертеровъ. Его Сардинское величество часто настаивалъ объ умноженіи войскъ Австрійскихъ и особенно о прибавкѣ 2000 гусаръ; но до сихъ поръ Вѣнскій дворъ несклоненъ на эту просьбу. Отказъ этотъ нѣсколько огорчаетъ короля противъ Вѣнскаго двора; со всѣмъ тѣмъ не погашаетъ еще его ревности къ теперешнимъ интересамъ Европы. Напротивъ того, еще жаръ его воевать противъ Франціи усиливается, кажется, день отъ дня. Но самая тонкая осторожность прикрываетъ его поступки и чертежи. Изъ оныхъ теперь заключить можно: 1) что онъ лагеремъ поставитъ армію, когда весь хлѣбъ убранъ будетъ съ полей; 2) что онъ данныя въ его распоряженіе Австрійскія войска тогда только двинетъ, когда соединенныя арміи нанесутъ Французамъ нарочитые удары; 3) что онъ раздѣлитъ свои войска на три колонны, въ Понъ-Бовуазенъ, въ Салюсъ и въ Ницу; что Ницкая колонна останется въ оборонительномъ состояніи, потому что въ Провансѣ, землѣ гладкой, не можетъ занять надежно никакого поста; что такое же почти расположеніе будетъ въ разсужденіи корпуса и въ Понъ-Бовуазенѣ, но что Салюскій корпусъ атакуетъ Французовъ для занятія горжей въ Дофинѣ, для завладѣнія этою провинціею и для полученія изъ оной хлѣба Савойи и въ ней находящимся войскамъ. Скоро наступитъ время, которое не позволяетъ пересматъ

туда припасы изъ Пьемонта. Герцогъ Аостскій назначенъ командовать дѣйствующимъ корпусомъ, что въ Сузѣ. Герцогъ Шаблезскій, братъ его величества, будетъ имѣть полную команду надъ корпусомъ что въ Ницѣ.

5.

Туринь, 28 Іюля (8 Августа) 1792 года.

Что я предсказалъ в. с-ву о Марсели, то такъ и сбылось. Муниципалитетъ этого города опредѣляя составить совершенно отдѣльную отъ Французскаго правительства республику. Эзъ и Тулонъ, послѣ нѣкотораго кровопролитія, по поводу сего происшедшаго, тудаже пристали. Семь полуденныхъ департаментовъ почти уже совѣщались объявить себя соединенною республикою, которая, начинаясь отъ Воанса, что въ Дофинѣ, протягиваться будетъ цѣпью до Бордо. Сіе приключеніе разстраиваетъ случайную систему Сардинскаго двора. Онъ было совсѣмъ думалъ, что, въ случаѣ наступательной войны, найдетъ онъ въ Провансѣ и въ Дофинѣ множество роялистовъ. Даже и позволено уже было нѣкоторымъ выселившимся офицерамъ остановиться здѣсь, дабы потомъ помѣстить ихъ въ Сардинскую армію волонтерами. Г. Нарбоннъ-Фицларъ, Французскій генералъ-поручикъ, поставленъ у нихъ здѣсь начальникомъ; но опредѣленное въ Марсели республиканство можетъ отклонить отъ нихъ большое число единомышленниковъ. Г. Монтескье возвратился къ своей арміи, что близъ Гренобля и, повидимому, не участвовалъ въ самовольномъ рѣшеніи города Марселя. Даже кажется, что, послѣ этой поѣздки въ Парижъ, онъ перемѣнилъ систему и присталъ къ партіи монархистовъ.

Армія его Сардинскаго в-ва теперь простирается до 40,000 человекъ: 12 тысячъ въ Савойѣ, 7000 въ Ницѣ и одинъ корпусъ отъ 12 до 13,000 человекъ собирается близъ Салюса; а прочіе разставлены по крѣпостямъ и важнымъ мѣстамъ въ Пьемонтѣ и Сардиніи. Сверхъ сего, поселяне въ Ницѣ и Пьемонтѣ вооружены для защищенія своихъ жилищъ. Вотъ то, что король могъ только сдѣлать до сихъ поръ, для исполненія тѣснаго обязательства съ Вѣнскимъ дворомъ, который требовалъ отъ него держать себя по крайней мѣрѣ въ благовидной защитѣ. Вооруженіе его в-ва произвело уже въ Парижѣ такое дѣйствіе, какого онъ самъ не чаялъ. Въ полномъ Национальномъ Собраніи сказано было, что Сардинскій король угрожаетъ Франціи болѣе нежели 60,000-ю арміею. Такое извѣстіе должно было произвести нарочитую остановку. Но дѣло въ самой вещи идетъ такъ, что ежели власть обстоятельствъ и подвиги герцога Брауншвейгскаго требуютъ отъ короля плана наступательной войны, то одинъ только Салюскій корпусъ будетъ дѣйствовать. Этотъ корпусъ, соединившись съ Австрійцами, состоятъ тогда можетъ изъ 21,000 человекъ.

6.

Туринь, 31 Іюля (11 Августа) 1792 года.

Въ Ницу все еще прѣзжаютъ большими гурьбами попы и монахи, которые бѣгутъ отъ теперешнихъ смятеній во Франціи. Изгнаніе

и смертоубійства производятся тамъ какъ наперерывъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ. Въ одномъ только городѣ Ницѣ считаютъ теперь близъ 2000 жертвъ всякаго состоянія, которыя ускользнули отъ такого варварства. Его Сардинское в-во позволило самимъ имъ усадьбы въ разныхъ мѣстахъ своихъ владѣній. Вчера держанъ былъ здѣсь чрезвычайный совѣтъ, который состоялъ, подъ предсѣдательствомъ короля, изъ принца Пьемонтскаго, герцога Аостскаго, герцога Монтфератскаго, герцога Шаблезскаго, брата его в-ва, трехъ штатскихъ министровъ и главнѣйшихъ генераловъ, всего на всего изъ тридцати особъ. Дѣло еще до сихъ поръ хранится въ тайнѣ; одно можно положить, почти не опасаясь ошибки, что на ономъ совѣтѣ трактовано было окончательное распредѣленіе войскъ, почти такъ, какъ я имѣлъ честь означить въ послѣднемъ номерѣ моихъ депешъ, развѣ съ прибавкою только войскъ къ находящимся въ Ницѣ. Надобно думать, что умножены они будутъ тремя полками, изъятыми изъ гарнизоновъ разныхъ крѣпостей; а на мѣсто ихъ поставлено будетъ такое же число вооруженныхъ поселянъ, которымъ даны уже и мундиры. Король теперь и самъ чувствуетъ, что такія издержки и поставки на военныя приготовленія весьма изнуряютъ земледельцевъ и вообще всѣхъ гражданъ, потому что припасы становятся со дня на день дороже. По сей причинѣ его в-во употребляетъ всевозможныя средства для разсѣянія между народомъ необходимыхъ поводовъ и причинъ къ этимъ приготовленіямъ и еще не щадитъ и всякой ласки для утѣшенія своихъ подданныхъ въ жестокости обстоятельствъ. Герцогъ Шаблезскій тотчасъ отправится принять команду надъ войсками, что въ Ницѣ. Проводникомъ данъ ему человекъ весьма вѣрный, генералъ Куртенъ, Швейцарецъ. Герцогъ Аостскій вскорѣ выѣдетъ въ Салюсъ ставить лагерь для собираемаго тамъ корпуса. Графъ де-Сентъ-Андре находится будетъ при немъ спутникомъ, тайнымъ совѣтникомъ и настоящимъ командиромъ, пока самъ король до случая не пріѣдетъ принять команды. Герцогъ Монтфератскій, сынъ его в-ва, не замедлитъ также выѣхать въ Савойю и принять для виду въ команду тамошнія войска, которыя въ самой вещи состоятъ будутъ подъ повелѣніемъ графа Лазари. Выборъ сихъ генераловъ вообще одобряется публикою. Поелику эта земля въ самомъ дѣлѣ находится въ опасности, какъ по причинѣ ожидаемыхъ набѣговъ отъ Французовъ, такъ и по мятежнымъ расположеніямъ, хотя и скрытнымъ, Савояровъ: то его в-во заблагоразсудило принять гласъ народа въ уваженіе. Сіа-то причина побудила здѣшній дворъ перемѣнять неоднократно свои повелѣнія, какъ въ разсужденіи перехода различныхъ войскъ, такъ и смѣны генераловъ, долженствующихъ командовать оными. Это не есть слѣдствіе нерѣшимости, и сильное напряженіе, съ каковымъ Сардинскій король вдругъ возсталъ, при полученіи извѣстія о разрывѣ Франціи и Австріи, отъ состоянія недѣятельности и долговременнаго и счастливаго мира, неоспоримымъ образомъ доказываетъ, что нерѣшимость и безпечность въ сердцѣ его мѣста не имѣютъ.

7.

Туринь, 11 (22) Августа 1792.

Уже повѣщено было, что дворецъ Тюльери осажденъ будетъ по причинѣ разнесшагося слуха, будто король раздавалъ деньги Швейцарцамъ, которые, напившись пьяны, кричали: *Vive le roi, vive Brunswick*. Вслѣдствіе сего сдѣланы были къ защитѣ Тюльери распоряженія, коими король доволенъ былъ; но многія непредвидѣныя причины сдѣлали эти распоряженія ненужными. Тутъ-же вмѣшалась и измѣна. Назначенные къ защищенію дворца канонеры были, между прочими, еще подкуплены; они послѣ перваго выстрѣла разбѣжались. 40 тысячъ человекъ, изъ числа которыхъ многіе были національные гвардейцы, приступили ко дворцу съ 18 пушками. Ворота и заборы были разметаны, и дворецъ взятъ былъ силою. Всѣ въ ономъ находившіеся были переколоты или выброшены за окна и побиты на улицѣ. Изъ числа сихъ суть генералъ д'Афри, полковникъ Швейцарской гвардіи, и Бахманъ, его полка майоръ. Думаютъ, что мадамъ Лямбаль, неразлучная собесѣдница королевы, такой же участи подпала. Дворецъ весь разграбленъ и остался надолго недоможилымъ. Швейцарцы защищались, сколько можно. Издержавъ весь при себѣ порохъ и свинець, отступили они въ сады; но были преслѣдуемы и перебиты врозь. Нѣкоторые изъ нихъ, числомъ около 60, сдались и положили ружья; однако, не смотря на то, приведены были на площадь Ля-Гревъ и съ хладнокровіемъ перерѣзаны; да и приказано было, чтобы никого изъ нихъ не опущать, ниже изъ тѣхъ Швейцарцевъ, которые служатъ приворотниками. Число убитыхъ полагаютъ до четырехъ тысячъ. Между защищавшими дворецъ считаютъ 150 однихъ только кавалеровъ Св. Лудовика, до 200 национальныхъ гренадеровъ и проч. Определеніемъ отъ 14 числа король изъ Люксембурга переведенъ (по его требованію) въ Тамплевую башню, гдѣ онъ и останется съ фамиліею своею для житья, за присмотромъ и отчетомъ Петіона, пока определено о семъ будетъ иначе. Въ 83 департамента разосланы курьеры для раздачи повелѣній Народнаго Собранія, такъ какъ и для созыва чрезвычайнаго и немедленнаго всей націи. Новые повѣренные, которыхъ она имѣетъ выбрать, должны явиться въ Парижъ къ 20 числу слѣдующаго мѣсяца, для окончательнаго повелѣнія надъ королемъ. Национальное Собраніе отправило также 12 повѣренныхъ изъ своего сословія въ четыре арміи, которые имѣютъ вручить тамъ разныя повелѣнія и судить кого за благоразсудятъ. Другіе повѣренные отъѣхали въ главные Французскіе города для ободренія Якобинскаго духа; и сказываютъ уже, что почти весь городъ Лионъ присталъ къ этому клубу, возрастающему ужаснымъ образомъ. Кажется, что какъ въ союзническихъ, такъ и въ эмигрантскихъ арміяхъ, понятія о Парижѣ и о провинціяхъ очень легки. Это доказано наипаче военнымъ поискомъ надъ Ландомъ, въ который городъ г. Кюстинъ вошелъ съ 1000 человекъ подмоги. Принцъ де-Конде увѣрялъ, будто имѣетъ доброжелателей себѣ въ

этой крѣпости, но на дѣлѣ не такъ оказалось. Даже хотя бы эмигранты имѣли и много единомышленниковъ во Франціи, то пользы мало: они нигдѣ сойтись не могутъ, они разтасованы по всей Франціи, они разлучены страхомъ или междоусобіями. Впрочемъ же они совершенно извѣстны Якобинской партіи и, при малѣйшей неосторожности, побиваются. Въ ближнихъ къ Парижу департаментахъ кровь проливается, такъ какъ и въ Парижѣ. Напротивъ того, словіе Якобинцевъ все держится величайшаго единомыслія и глубокой политики. Его сравнить можно съ обществомъ Іезуитовъ. При первомъ знакѣ генерала, который теперь есть этотъ пресловутый Петіонъ, цѣлый милліонъ исполненныхъ отважности, краснорѣчія и проворства людей зашевелится по всѣмъ ущелиямъ Франціи, и производимое ихъ напряженіемъ движеніе дѣлается всеобщимъ почти. Кажется, что манифестъ герцога Брауншвейгскаго вышелъ слишкомъ скоро, и, можетъ быть, тонъ въ немъ таковъ, что вмѣсто того чтобы поразить, подвинулъ онъ заводчиковъ мятежа къ чрезвычайному остервененію и отчаянію. Покореніе Французовъ становится отъ того нѣсколько недоумительнымъ. Онъ навѣрно побѣдитъ встрѣтившіяся ему на пути арміи; но можетъ ли имѣть всегда такую же удачу при укрѣпленныхъ городахъ, а особливо когда будетъ сражаться съ гурьбами отъ отчаянія остервенившагося народа? Пишутъ изъ Парижа, что за голову императора, короля Прусскаго, его дѣтей, герцога Брауншвейгскаго и всѣхъ выселившихся Французскихъ князей, положена цѣна. Оцѣнка головы короля Сардиніи еще не объявлена, по той причинѣ, что неизвѣстно, куда онъ наклонится. Это предложеніе сдѣлано въ тайнѣ и утверждено, сказываютъ, въ Якобинскомъ клубѣ. Выходъ публичнымъ листамъ изъ Парижа теперь запрещенъ, контора аристократическихъ газетъ сожжена и Серизье, сочинитель газеты «*Universelle*», повѣшенъ.

8.

Туринь, 11 (22) Августа 1792.

Здѣсь ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, какую сторону приметъ Гельветическій корпусъ, по полученіи извѣстія о убійствѣ Швейцарцевъ въ Парижѣ. Поговариваютъ о собраніи новаго всеобщаго сейма; однакоже послѣдствіе онаго, кажется мнѣ, кончится не въ общій интересъ Европы. Бернскій кантонъ, имѣющій предъ прочими наибольшую силу при совѣтованіяхъ Гельветическаго корпуса, по полученіи Эрнестскаго полка себѣ обратно, не охотно вмѣшивается во Французскія дѣла. Ужасное происшествіе, случившееся въ Парижѣ, разстроило многіе богатые дома въ Женевѣ, отъ чего заемъ на счетъ его Сардинскаго величества встрѣчаетъ новыя препятствія. Король разослалъ новыя повелѣнія къ генераламъ трехъ своихъ армейскихъ корпусовъ, чтобы они усугубили осторожность и осмотрительность въ разсужденіи Французскихъ границъ, чтобы никакъ не плошали, но также и чтобы отражали силу силою. Но хотя примѣчаются ежедневно движенія въ походахъ Сардинскихъ войскъ и во всѣхъ военныхъ приготовленіяхъ, со всѣмъ тѣмъ я все остаюсь на прежней моей мысли,

которую я уже прежде имѣлъ честь подвергнуть изслѣдованію в. с—ва, т. е. что этимъ дѣломъ миръ, сколько онъ ни удобопревертенъ, разорванъ не будетъ, если только сами Французы не задерутъ своими набѣгами на земли короля Сардинскаго, что кажется невѣроятнымъ. Австрійскій корпусъ, находящійся въ расположеніи здѣшняго двора, еще не получилъ повелѣнія выступить, да и квартиры ему въ Пьемонтѣ еще не назначены.

9.

Turin, ce 14 (25) d'Août 1792.

Les cassetes du roi et de la reine de France ont été ouvertes à l'Assemblée Nationale. On va imprimer toutes les lettres qui s'y trouvent et les transformer en crime de lèse-nation. Les députés de l'Assemblée Nationale arrivés à l'armée de m-r Montesquieu ont destitués plusieurs officiers à la volonté des soldats, et ceux-ci ont été autorisés à nommer d'autres à leurs places. M-r de Montesquieu vient de former deux camps, l'un aux environs du Pont Beauvoisin et l'autre au fort de Barrau, chacun de 9 à 10 mille hommes; mais il y règne déjà, à ce qu'on dit, beaucoup de maladies *).

10.

Turin, 21 Августа (1 Сентября) 1792.

Французская эскадра, состоявшая изъ одного корабля въ 84, изъ двухъ фрегатовъ 40 пушекъ, изъ бригантины и катера, всякій почти день показывается въ виду Ницы. Французскій консуль, на вопросъ по сему, все одно отвѣчаетъ, что онъ не знаетъ причины. Я думаю, что это можно отнести къ пронесшемуся въ Марсели слуху, будто Неаполитанская эскадра уже вышла въ море для поисковъ надъ Французами и будто она получила позволеніе приставать къ Ницкому или Виллафранкскому портамъ. Парижскіе Якобинцы отложили организацію полуденной республики до времени, пока узнаютъ, чѣмъ рѣшится участь столицы и короля. Вслѣдствіе сего Марсель и приставшіе къ оному города еще продолжаютъ составлять членъ Французской монархіи, пока Петіонъ, который теперь кажется быть регентомъ оной, даетъ вещамъ новый видъ. В. с—во навѣрно изволили получить достаточное извѣстіе чрезъ Франкфуртскія и Брюссельскія письма о происшествіяхъ въ Парижѣ и на сѣверной границѣ; по моему обыкновенію и по положенію моего отдаленнаго мѣста, могу я, можетъ

*) Переводъ. Туринъ, 14 (25) Августа 1792. Шкатулки короля и королевы Французскихъ были вскрыты въ Народномъ Собраніи. Нанечатаютъ всѣ находящіяся въ нихъ письма и придадутъ имъ такое значеніе, что они оскорбительны для величества народнаго. Выборные отъ Народнаго Собранія, прибывъ въ армію Монтескье, по волѣ солдатъ отрѣшили многихъ офицеровъ и предоставили солдатамъ опредѣлить другихъ на мѣсто прежнихъ. Монтескье учредилъ два лагеря, одинъ въ окрестностяхъ Понъ-Бовуазеня, а другой у крѣпости Барро, въ каждомъ отъ 9 до 10 тысячъ человѣкъ; но говорятъ, въ нихъ уже распространено много болѣзней.

быть, только прибавить къ нимъ нѣкоторое разсужденіе. Въ Парижѣ взято подъ караулъ множество людей обоюга пола королевской партіи; теперь надъ ними производится судъ въ военной палатѣ. Мадамъ де Лямбаль, напрасно причтенная къ числу убитыхъ 10-го Августа, допрашивается была уже два раза; всѣ жены и дѣти эмигрантовъ забраны въ залогъ; а между тѣмъ Парижская чернь, въ ожиданіи опредѣленія сего страшнаго суда, ставитъ висѣлицы на площадяхъ. Не смотря на то, что многія важныя письма найдены въ шкатулкѣ ихъ величествъ и представлены предъ судомъ Национальнаго Собранія, я думаю, что низверженіе короля ухищреніемъ политики не сбудется. А вотъ для чего: ниспадшій король, очутившись простымъ гражданиномъ во Франціи, не будетъ натурально за стражею, однакоже станеть въ Европѣ носить свой священный и неизгладимый характеръ и черезъ это у возмутителей все отнимать будетъ одно изъ самыхъ большихъ пособій къ случайной негодіи съ княземъ Брауншвейгскимъ. А теперь, въ положеніи аманатства почти, будучи не только самъ онъ, но королева и дофинъ поминутною жертвою закланія, король дѣлается средоточіемъ всеобщаго вниманія. Ежели герцогъ, наконецъ, осадитъ Парижъ, то извергамъ все еще останется средство отозваться, чтобы онъ любое избиралъ: или жизнь, или смерть трехъ королевскихъ особъ. Изъ сего, мнѣ кажется, выходитъ нѣсколько важныхъ политическихъ вопросовъ: будетъ ли продолжать герцогъ Брауншвейгскій предпринятый подвигъ, зная заподлинно неминуемую бѣду сей порфирородной троицы, подъ однимъ своимъ предложомъ, что все еще останутся члены государевой фамиліи? Пожертвуетъ ли онъ вѣщенными главами за ихъ наследниковъ, или не осмѣлится ли онъ взять на себя такой необъятный отчетъ, или откроетъ онъ путь къ переговорамъ? Ежели-же посредники не сыщутся, то съ кѣмъ онъ будетъ говорить? Ежели вступить онъ въ переговоры съ Национальнымъ Якобинскимъ Собраніемъ, то не признаетъ ли онъ на самомъ дѣлѣ законность онаго? А въ такомъ случаѣ какой образъ правленія останется во Франціи? Каждый день имѣю я удовольствіе слышать вокругъ меня, какъ люди сравниваютъ манифестъ герцога Брауншвейгскаго съ вышедшимъ для Польши манифестомъ же *). Правду сказать, что тотъ произвелъ совсѣмъ противное дѣйствіе въ сердцахъ Французовъ: вмѣсто страха, остервененіе. Они же его протолковали и довели до того, что будто имъ только и осталась одна альтернатива: или быть совсѣмъ истребленными отъ иностранцевъ, или уничтожить королевскую династію и преобразить Францію въ республику федеративную. Лафаетъ объявленъ измѣнникомъ отечества, почему и дано повелѣніе выдать его живаго или мертваго. Онъ, сказываютъ, ускользнулъ и ушелъ изъ своей арміи, со всѣмъ маіорскимъ штатомъ, въ Голландію. Видно, что ему придется кончить свою щекотливую славу въ Американскихъ степяхъ.

*) Екатерина выдала передъ тѣмъ манифестъ, разосланный ко всѣмъ державамъ, о причинахъ вступленія Русскихъ войскъ въ Польшу (на помощь Тарговицкой конфедераціи). П. В.

Непонятная на себя надбѣтельность согнала Французовъ къ Парижу въ такомъ состоянїи, что они не имѣютъ самыхъ нужныхъ къ своей защитѣ вещей. Арсеналь, говорятъ, почти весь опорожненъ, и всѣ военныя потребности въ такой же бѣдности. Но съ другой стороны и то правда, что весь народъ стоитъ какъ на караулѣ съ пѣною у рта. Мудрено будетъ его побѣдить теперь совершенно и привести предпрятый покой. Особенныя извѣстія отъ корпуса герцога Брауншвейгскаго передаютъ, что онъ взялъ Сиркъ, маленькую крѣпость, послѣ довольно сильнаго сопротивленія и что онъ разорилъ жителей. Въ нихъ же находятся анекдоты, которые, ежели справедливы, то достойны вашего вниманія. Сказываютъ, будто герцогъ выговаривалъ принцу де-Конде за то, что онъ присовѣтывалъ ему издать толь жестокій манифестъ, и что онъ обнадежилъ его, будто найдеть вездѣ доброжелателей, имѣющихъ способствовать ему въ завоеванїи, а какъ сей послѣдній отвѣчалъ колко и съ пренебреженіемъ, то онъ приказалъ ему быть подъ арестомъ на 24 часа; будто графъ д'Артуа, пришедшій для отмѣны этого приказа, ничего не могъ сдѣлать и вышелъ очень золъ и до такой крайности, что, встрѣтивъ офицера, котораго онъ всегда удостоивалъ своей довѣренности, но который на этотъ случай не одного былъ съ нимъ мнѣнія, вдругъ избузился и далъ ему пощечину.

11.

Туринъ, ce 21 d'Août (1 Septembre) 1792.

M-r de la Fayette s'est enfui en Hollande. On l'appelle à Paris le singe de Cromwel. Il a mis un moment la ville de Sédan dans une insurrection complète contre les décrets du 10 et la Convention Nationale. Cette commotion n'a pas été de durée, et la municipalité de cette ville vient de s'humilier de nouveau aux pieds de l'Assemblée qui soutient, comme tout le monde croit, avec une herculéenne dignité le fardeau de l'état. Elle a fait le serment actuel de mourir pour la liberté et l'égalité. Il n'y a que Strasbourg qui s'oppose au nouvel état des choses, qui tient encore à l'ancien serment de la constitution, et personne ne se souvient de plus ancien de tous. Tous les départements ont envoyé leurs adhésions aux nouveaux décrets des Jacobins; absolument attentatoires à la constitution dont m-r de la Fayette était le Coriphée. Aussi son intrigante défection a-t-elle excité la plus extrême indignation à l'Assemblée. On y a arrêté que sa maison sera rasée, et que sur le sol de la demeure de ce traître (hier le meilleur des citoyens), il sera élevé une colonne où seront inscrits ses crimes (avant hier les vertus).

Le général Arthur Dillon et le maréchal Luckner, si vantés pour leur patriotisme, ont été soupçonnés d'en être devenus las et viennent d'être rappelés du commandement en chef des armées. Le premier se plaint hautement de cette injustice; le second en est heureux tout bas et a pris le chemin de Hambourg, sa patrie. Kellerman lui

succède dans le commandement, ainsi que le duc de Biron à m-r Dillon. L'Assemblée a décrété un projet d'adresse aux puissances de l'Europe qui sont neutres à l'égard de la France. Pour entretenir leurs liaisons on y dispense auprès d'elles la nation française que des relations calomnieuses pourraient représenter comme livrée à l'anarchie, tandis qu'elle déploie, avec un ordre parfait et un accord sans exemple, toute la force d'un peuple magnanime et généreux. Cette adresse honorera l'Espagne, le Portugal, l'Angleterre, la Suisse, la Hollande dont l'ambassadeur reste encore à Paris, Venise, Gènes, le Danemark, la Suède, la Saxe, les Villes Ansatiques et quelques princes de l'empire de l'Allemagne, et ne fera pas cet honneur là aux souverains qui sans être déclarés contre, ont l'air d'y penser. Cependant la cour de Londres a fait dire à Paris qu'elle ne croit pas enfreindre les sentiments de la plus entière neutralité, en réclamant toute sûreté pour Louis XVI et sa famille, en témoignant qu'elle s'attend à voir ces augustes personnes à l'abri de toute violence qui ne manquerait pas d'exciter une indignation universelle. Je viens d'apprendre qu'on a arrêté 700 mille livres qui émigraient à la suite de m-r de Lafayette. Si cet argent, comme on le pense, était de la caisse militaire, il n'y a pas plus de civisme que de délicatesse, et les vers de m-r Voltaire reviennent aujourd'hui trop souvent à la mémoire.

„Je vois, de tous côtés, la fourbe et la fureur“.

L'Assemblée est résolue de porter différents décrets extraordinaires avant de faire place à la Convention Nationale fixée au 20 de Septembre, tels que sur la vente des biens de l'ordre de Malte, de ceux des émigrés, de la déportation des prêtres non assermentés etc., etc., et probablement elle en aura tout le temps. La malheureuse ville de Paris est dénuée comme un désert depuis les événements du 10. Le nombre des tués au siège des Tuilleries est porté à cette heure à six mille. Tous les étrangers sont partis. Il n'y reste guerre que l'ambassadeur d'Hollande, le chargé d'affaires de Turin et notre prêtre avec sa famille. L'ambassadeur d'Angleterre est de retour chez lui, celui de Venise allait le suivre, mais ayant été soupçonné, avec raison, amener des émigrants français, couverts de sa livrée, il a été arrêté et ramené à Paris. L'obstacle a été bientôt levé, mais il a été obligé de diminuer beaucoup de la suite qui était d'abord au nombre de quarante valets vrais ou supposés. Après le paroxysme du 10, la tranquillité est rétablie en apparence; le calme et le silence règnent à Paris; mais c'est le silence des cimetières où les cadavres sont couchés côte à côte, et où les vivants ne se promènent qu'en réfléchissant avec amertume que le même sort les attend. Le roi et sa famille sont dans une vieille tour au château du Temple; ils n'ont plus ni chevaliers, ni dames, ni valets de chambre pour les servir. La municipalité a

donné deux laquais au roi et quelques servantes à la reine et à ses enfants. Tout ce qui les entourait, hommes et femmes, sont dans la prison de l'Hôtel de Laforce. La garde nationale veille à la porte de leurs obscurs appartements. Les murs ont des oreilles autour d'eux. La fermeté de la reine succombe à tant d'indignités: elle souffre des violents maux de nerfs. L'heureuse apathie du roi le soutient. Ce qui le peine davantage c'est de n'avoir pas son confesseur ordinaire à son côté, mais ils oublient tous ces chagrins à ses repas. Madame Elisabeth, ayant toujours montré une grande fermeté et toute la dignité du malheur, ayant l'âme pure comme un diamant et une conscience sans la moindre reproche dans ces temps si difficiles, attend sa délivrance ou sa destruction avec une quiétude presque consolante pour sa famille. Elle a trouvé le secret, par sa noble conduite, de se faire respecter même par les démagogues. Elle ordonne et se fait obéir dans sa captivité. En dernier lieu, le roi s'étant plaint de l'obscurité de ses appartements, elle a fait sur-le-champ agrandir toutes les fenêtres, et quand elle s'y montre, les gens du peuple ôtent leurs chapeaux en passant.—Tel est le résultat d'une conversation que j'ai eu hier avec un noble Génois, qui revient, ou qui se sauve de Paris.

P. S. M-r de Zinowiew, ministre de l'Impératrice à Madrid, est ici depuis quelques jours. Je l'ai présenté au roi, à sa famille, à madame et à madame la comtesse d'Artois; il compte aller d'ici à Pise pour prendre les eaux *).

*) *Переводъ.* Туринъ, 21-го Августа (1-го Сентября) 1792 г. Господинъ де-Лафайетъ бѣжалъ въ Голландію. Въ Парижѣ его зовутъ обезьяною Кромвеля. Въ городѣ Седанѣ онъ произвелъ было полное возмущеніе противъ постановленій 10-го числа и Народнаго Конвента. Но возмущеніе продолжалось не долго, и муниципалитетъ этого города снова раболѣпствуетъ Народному Собранію, которое, по общему мнѣнію, несетъ на себѣ съ Геркулесовскимъ достоинствомъ всю тяжесть государства. Седанъ принесъ нынѣшнюю присягу умирать за свободу и за равенство. Только одинъ еще Страсбургъ противится новому порядку дѣлъ и держится прежней конституціонной присяги. А о присягѣ самой прежней никто и не думаетъ. Изъ всѣхъ департаментовъ прислано согласіе на новыя Якобинскія постановленія, открыто посягающія на конституцію, коею Лафайетъ былъ корифеемъ. Поэтому коварное бѣгство сего послѣдняго возбудило въ Народномъ Собраніи крайнее негодованіе. Постановили снести съ лица земли его домъ; на мѣстѣ, гдѣ жилъ этотъ измѣнникъ (вчера лучший изъ гражданъ), воздвигнется колонна, на которой будутъ прописаны его преступленія (вчерашнія добродѣтели). Генераль Артуръ Диллонъ и маршалъ Люкнеръ, столь прославленные за свою любовь къ отечеству, подозреваются въ томъ, что любовь эта имъ надоѣла, и потому у нихъ отнимаютъ главное начальство надъ арміями. Первый изъ нихъ громко жалуется на такую несправедливость, а второй втихомолку радуется и направился къ Гамбургу, своему родному городу. Его мѣсто заступаетъ Келлерманъ, а мѣсто Диллона—герцогъ Биронъ. Народное Собраніе опредѣлило составить проектъ

Turin, ce 25 d'Août (5 Sept). 1792.

On écrit que trois guillotines sont établies d'une manière permanente sur la place du Caroussel. On appelle guillotine une machine avec un fer suspendu extrêmement tranchant, qui coupe de lui-même une tête sans que le bourreau se donne la moindre peine. Elle a été inventée par un médecin, nommé Guillotin. Le chevalier d'Aigremont vient de subir cet ingénieux supplice pour avoir enrôlé du monde à l'armée des émigrés. On dit que m-r de Montmorin, cousin de l'ex-ministre, doit l'éprouver aussi sous peu de jours et que plusieurs autres victimes dévouées au parti de leurs majestés seront sacrifiées de même. Un poëte, nommé du Rosoi et qui a été autrefois gouverneur d'enfants en Russie, a été condamné à perdre la tête, pour

адреса къ Европейскимъ державамъ, которыя сохраняютъ нейтралитетъ относительно Франціи. Въ этомъ адресѣ, для поддержанія сношеній, Французскій народъ оправдывается противъ клеветниковъ, которые могли разгласить про него, будто онъ преданъ безначалію, тогда какъ онъ обнаруживаетъ, съ сохраненіемъ полного порядка и съ безпримѣрнымъ единодушіемъ, всѣ силы націи благородной и великодушной. Такого адреса удостоены будутъ Испанія, Португалія, Англія, Швейцарія, Голландія (посланникъ которой до сихъ поръ еще остается въ Парижѣ), Венеція, Генуя, Данія, Швеція, Саксонія, Ганзеатическіе города и нѣкоторые князья Нѣмецкой имперіи. Честъ сія не будетъ оказана тѣмъ государямъ, которые хотя себя и не объявили противъ, но подозреваются въ томъ. Однако Лондонскій дворъ далъ знать въ Парижѣ, что онъ не нарушитъ полнѣйшаго нейтралитета, но потребуетъ полной безопасности для Людовика XVI и его семейства, и выражаетъ надежду, что сіи августѣйшія лица будутъ находиться въ безопасности отъ всякаго насилія, каковое будетъ встрѣчено всеобщимъ негодованіемъ. Я узналъ, что захвачено 700 тысячъ ливровъ, которые увозились вслѣдъ за Лафайетомъ. Говорятъ, будто это деньги изъ полковаго казначейства; если это такъ, то тутъ нѣтъ ни гражданскаго, ни благороднаго чувства, и въ эти дни мнѣ слишкомъ часто приходитъ на память стихъ Вольтера: «Вижу со всѣхъ сторонъ плутню и бѣшенство». Народное Собраніе рѣшилось выдать нѣсколько чрезвычайныхъ постановленій, прежде 20-го Сентября, когда оно должно будетъ уступить мѣсто Народному Конвенту: таковы продажа имущества Мальтійскаго ордена, имущества эмигрантовъ, ссылка неприсягнувшихъ священниковъ и проч.; но всему вѣроятію оно будетъ имѣть для того время. Несчастнѣйшій Парижъ послѣ событій 10-го числа сталъ походить на пустыню: число убитыхъ при осадѣ Тюльери насчитываютъ теперь до 6.000. Всѣ иностранцы выѣхали; остаются только посланникъ Голландскій, повѣренный въ дѣлахъ Туринскій и нашъ священникъ съ своей семьей. Англійскій посланникъ возвратился домой; тоже хотѣлъ сдѣлать и Венеціанскій, но какъ его заподозрили, что съ нимъ ѣдутъ Французскіе эмигранты, переодѣтые въ его ливрею (что и дѣйствительно было), то онъ задержанъ и привезенъ назадъ въ Парижъ. Препятствія были скоро устранены, но онъ принужденъ былъ значительно сократить

avoir intrigué en faveur des princes; mais il s'est avisé d'un très-singulier moyen pour suspendre au moins le jour de son exécution. Il a écrit à l'Assemblée qu'elle devrait abolir la peine de mort à l'égard des vieillards comme lui, pour éprouver sur eux l'ingénieuse invention de la transfusion du sang d'un jeune animal dans les veines d'un vieil homme; qu'il s'offrait le premier à cette expérience délicate afin d'être utile à l'humanité de toutes les manières possibles. Ensuite il a traité l'Assemblée de fontaine de jouvence, et dit que comme le chirurgien national doit naturellement être plus dextre que tous les anciens chirurgiens du roi, il devra aux augustes représentants non seulement la vie, mais aussi le retour de toutes les grâces de l'adolescence *).

число своихъ сопутниковъ, между которыми сначала было 40 человекъ лакеевъ, настоящихъ или подставныхъ. Послѣ припадка 10-го числа, порядокъ, повидимому, возстановился; тишина и молчаніе господствуютъ въ Парижѣ, но это молчаніе кладбища, на которомъ трупы лежатъ одинъ возлѣ другаго, а живые люди ходятъ удручаемые мыслию, что ихъ ждетъ та же участь. Король и его семейство находятся въ старой башнѣ замка Тампль; при нихъ нѣтъ ни кавалеровъ, ни дамъ, ни камердинеровъ для услуженія. Городское управленіе дало двухъ лакеевъ королю и нѣсколько человекъ служанокъ королевѣ и ихъ дѣтямъ. Все, что ихъ окружало прежде, мушины и женщины, заключено въ темницу въ отелі Лафорсъ. Народная стража поставлена у дверей ихъ мрачныхъ покоевъ. Самыя стѣны подслушиваютъ ихъ. Твердость духа королевы не выноситъ такихъ униженій: она страдаетъ отъ сильныхъ нервныхъ болей. Короля поддерживаетъ его счастливое равнодушіе. Наболѣе огорчаетъ его то, что съ нимъ нѣтъ его обыкновеннаго исповѣдника; но когда онъ кушаетъ, то забываетъ всѣ эти горести. Мадамъ Елизаветъ, всегда отличавшаяся великою твердостью духа и сохраненіемъ достоинства въ несчастіи, имѣя душу чистую какъ бриллиантъ и совѣсть безъ малѣйшаго упрека, въ эти тяжкія времена ждетъ своего освобожденія или своей гибели съ спокойствіемъ, которое служитъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ для остальнаго семейства. Благороднымъ образомъ дѣйствій своихъ она очаровываетъ даже и демагоговъ. Въ заточеніи своемъ владѣетъ она тайною заставляя себя слушаться. Недавно король жаловался, что комнаты его темны; она тотчасъ приказала передѣлать и увеличить окна, и когда она передъ ними показывается, проходящій народъ снимаетъ шляпы. Все это я узналъ изъ разговора съ однимъ благороднымъ Генуэзцомъ, который возвращается или, вѣрнѣе, спасается изъ Парижа. Здѣсь нѣсколько дней г-нъ Зиновьевъ, министръ Императрицы при Мадридскомъ дворѣ. Я его представлялъ королю, его семейству, королевѣ и графинѣ д'Артуа; онъ думаетъ ѣхать отсюда въ Пизу на воды.

*) Переводъ. Туринъ, 25-го Августа (5-го Сентября) 1792 г. Пишутъ, что на Карусельской площади устроены три постоянныя гильотины. Гильотиною называютъ машину съ всякимъ остриемъ, которое падая однимъ разомъ отрѣзываетъ голову, такъ что палачу при томъ нѣтъ никакого труда. Она изобрѣтена врачомъ по имени Гильотенъ. Шевалье Дегремонъ потерпѣлъ эту замысловатую казнь за то, что набиралъ людей въ армию эмигрантовъ.

Туринъ, 25 Августа (5 Сентября) 1792 г.

26 Августа Национальное Собраніе подтвердило неслыханный военный проектъ противъ королей и непріятельскихъ предводителей. 1200 волонтеровъ, подъ именемъ тиранидъ, хотятъ подъ клятвою идти для умерщвленія ихъ всѣми возможными средствами. Кинжалы и пистолеты будутъ ихъ оружіемъ *). Дѣло уже было шло о назначеніи жалованья этимъ 1200 извергамъ; но, по представленію трехъ депутатовъ, что этотъ способъ навлечетъ адскую войну, собраніе отослало опредѣленіе оное на разсмотрѣніе комитета. Жители департамента Жюра, думая, что примѣчаемая въ Швейцаріи движенія могутъ быть непріятельскими, выслали большую часть своей черни на границу; они не просятъ войскъ, надѣясь сами собою сдѣлать отпоръ нападеніямъ Швейцарцевъ. Изъ Берна пишутъ, что Эрнестскій полкъ съ двумя стами, не помню, другаго какого-то полка, получилъ повелѣніе идти въ Порантрию, выжить наконецъ Французскія войска, которыя тамъ давно находятся. Якобинцы совокупились съ новыми силами, и вотъ смыслъ адресовъ, что они распустили въ народѣ: «Ежели не поспѣшите погубить вашихъ непріятелей, то они васъ погубятъ. Ежели убоитесь вы смерти, то пропадете всѣ. Напротивъ того, ежели вы ее презрите, ежели пойдете ей навстрѣчу, то большинство все при насъ останется: потому что пусть непріятель искуснѣе, но мы многочисленнѣе и храбрѣе. Мы будемъ сражаться за нашихъ женъ, дѣтей, и въ ряду съ ними. Ежели хотя положить, что каждый Нѣмецкій солдатъ убьетъ пятерыхъ Французовъ, то самъ не уцѣлѣетъ отъ шестаго. Эта побѣда, можетъ, стоитъ намъ будетъ милліона людей; но за то непріятельская армія вся разсыпется. Теперь надобно

Говорятъ, что черезъ нѣсколько дней такой же казни подвергнется Монморенъ, двоюродный братъ бывшаго министра, и что та же участь ожидаетъ многихъ другихъ людей, приверженныхъ къ ихъ величествамъ. Одинъ поэтъ, по имени Розуа, бывший нѣкогда въ Россіи гувернеромъ, осужденъ на лишеніе головы за проски въ пользу принцовъ; но онъ придумалъ весьма странное средство, чтобы по крайней мѣрѣ отсрочить день своей гибели. Въ письмѣ къ Народному Собранію онъ заявилъ, что слѣдуетъ отмѣнить смертную казнь для такихъ, какъ онъ, стариковъ, дабы испробовать надъ ними замысловатую выдумку переливанія крови изъ молодаго животнаго въ жилы стараго человека и что онъ первый предлагаетъ себя для произведенія такого тонкаго опыта, имѣя въ виду всѣми способами оказать пользу человечеству. Потомъ онъ приписывалъ Народному Собранію свойства такъ называемаго ключа молодости (fontaine de jouvence), говоря, что хирургъ народный долженъ быть безъ сомнѣнія искуснѣе всѣхъ прежнихъ королевскихъ хирурговъ, и что такимъ образомъ онъ будетъ обязанъ августѣйшимъ представителямъ народа не только жизнью, но и тѣмъ, что снова попользуется всѣми утѣхами молодости.

*) Тогда и въ Россію поѣхалъ съ умысломъ на жизнь Екатерины нѣкто Басевиль. (См. Храповицкаго, подъ 8-мъ Апрѣля 1792). П. Б.

знать, чего вы неотмѣнно хотите? Того ли, чтобы Франція была населенною 24 или только 23 милліонами жителей? Въ первомъ случаѣ народъ истребленъ будетъ весь, во второмъ — 23 милліона спасутся и останутся вольными. Теперь уже вы сами примѣтите можете, что собраніе для конституціи васъ обольстило и что законодательное спасти васъ не можетъ; и такъ осталось вамъ только объявить, что народъ силу самодержавія, объявленіемъ правъ утвержденную, возвращаетъ къ себѣ опять, какъ дѣло такое, которымъ собранію совладѣть нельзя. Когда же самодержавіе единожды присвоено народомъ будетъ себѣ, то не останется никакой другой власти, кромѣ сопряженной съ первобытными сеймами; самое Національное Собраніе не иначе будетъ продолжать какую нибудь власть, какъ по мѣрѣ вашей довѣренности. Но какъ отечество находится въ опасности, то не отмѣненъ срокъ созвать общенародное сословіе, которое имѣетъ преобразить всю машину правленія. Почему и нужно сыскать всевозможныя средства, удаляющія развратъ отъ онаго, превратить исполнительную силу и обуздать Національное Собраніе. Это вѣнценосное сословіе имѣетъ судить короля, который намъ измѣнилъ, вслѣдствіе чего всѣ публичные чиновники, поставленные королемъ, удалены быть должны отъ первобытныхъ сеймовъ, такъ какъ и всѣ вообще избирательные корпуса. Добровольные же выборы производимы будутъ народомъ, всѣмъ народомъ, никѣмъ другимъ кромѣ народа. Легко можно подкупить въ какомъ нибудь департаментѣ триста или четыреста изборщиковъ; но подкупить 80 тысячъ—это дѣло несбыточное.

Вотъ тактика, за которую принялись Якобинцы для произведенія новаго народовозстанія, для уничтоженія конституціи 1789 года и для основанія новаго безпорядка, въ чемъ уже они по большей части успѣли. Ежели позволено прорекать въ такихъ замѣшанныхъ дѣлахъ, то по присловицѣ милорда Чатама: настоящее чреватое будущимъ, скажу я, что герцогъ Брауншвейгскій, правда успѣхами своими хотя можетъ отвести въ сторону принятія Французскимъ народомъ мѣры, но будетъ ли онъ въ состояніи ихъ уничтожить? Возстановить силою монархическое урядство, предполагаемое въ его манифестѣ, теперь уже поздно; а дожидаться того, чтобы этотъ народъ, образумившись отъ опустошающаго его состоянія, самъ началъ стараться о возстановленіи своего порядка, то еще рано. Да хотя бы предположить, что герцогъ Брауншвейгскій навѣрно сломитъ сумашедшую борзость Французскаго народа и что возвратитъ хотя тѣнь сего толь желаннаго покоя для всѣхъ: то на долго ли это продолжится? Надѣется ли онъ справедливо, такъ какъ говорятъ эмигранты, пробывать одну только зиму во Франціи для успокоенія ея? И двухъ и трехъ лѣтъ на то мало.

14.

Туринъ, 1 (12) Сентября 1792 г.

2-го Сентября произошла въ Парижѣ новая, а не послѣдняя катастрофа. Гонецъ отъ Люкнера прискакалъ съ извѣстіемъ, что обложенный непріателями городъ Вердюнь не выдержитъ и 8 дней осады.

Повсюду разошлись слухи. Народъ возсталъ. Забили въ набатъ. Ужасная толпа заклокотала: насъ грозятъ рѣзать, такъ предупредимъ мщеніемъ! Изверги пустились по всѣмъ темницамъ, разломали у всѣхъ двери и, составя между собою уродственное судилище, казнили и жаловали, какъ въ буйную голову попадалось. Демократовъ освободили, а прочихъ всѣхъ безъ изъятія перекололи штыками. Сколь ни старались нѣкоторые депутаты спасти нѣсколькихъ заключенныхъ, какъ-то: двухъ Монморенъ, мадамъ Турсель съ дочерью, гофмейстерину дофина и мадамъ Лямбаль, принцессу крови его Сардинскаго величества, но было тщетно. Всѣ они перерѣзаны. Число можетъ простираться до 2000. Голова мадамъ Лямбаль принесена была на пикѣ предъ окна королевы съ ужаснымъ воемъ, но мѣстопробываніе королевской семьи осталось неприкосновеннымъ. Вскорѣ потомъ все утихло, и театры загобзились по прежнему. Определено собрать новую армію изъ 150 тыс. человекъ, изъ коихъ 60 тыс. идутъ уже въ Шалонъ.

15.

Туринъ, 4 (15) Сентября 1792 года.

Его Сардинское величество препроводилъ два дня въ лагерь при Салюсѣ. Въ Ницѣ все продолжаютъ принимать предосторожности противъ нечаяннаго нападенія Марсельской вольницы. Тамошнія войска почти всѣ разставлены вдоль долинъ, горъ и береговъ Вара, простирающихся по границѣ. Въ городѣ осталось только два баталіона. Лагерь при Салюсѣ, бывший только что учебнымъ, теперь, сказываютъ, переведенъ будетъ на берега Вара, какъ скоро Дофнейскія горжи отъ снѣга сдѣлаются непроходимыми. Марки де-ля Планарджія, напередъ сего командовавшей Ницскими войсками, отозванъ, и впредъ начальствовать будетъ въ Конѣ. Послѣ неслышаннаго свирѣпства, происшедшаго 2-го числа Сентября въ Парижѣ, вселился раздоръ между Петіономъ, атаманомъ Якобинцевъ и Робеспьеромъ, помогающимъ его мѣста. Это несогласіе, разстроивая ужасное Якобинское скопище, можетъ наилучшимъ образомъ послужить политическимъ видамъ противъ сумазбѣжной Франціи. Женевскій 60-й совѣтъ недавно собрался и далъ повелѣніе удвоить городскую стражу, по причинѣ опасности отъ столпленія Французскихъ гвардейцевъ въ Ферне и во всемъ Женевскомъ уѣздѣ. Округъ Пей-де-Во получилъ отъ Бернскаго правленія повелѣніе вооружиться по этой же причинѣ. Гельветическій сеймъ далъ позволеніе Австрійскому генералу Эстергази, командующему 20 тыс. войскъ, проходить черезъ Бернскій кантонъ. Онъ, сверхъ того, объявилъ, что держать союза съ демократическою Франціею не можетъ. Сказываютъ, что въ Валанженѣ, въ княжествѣ Невшательскомъ, произошелъ бунтъ, при которомъ сожженъ портретъ короля Прусскаго. Бернскій кантонъ послалъ туда нѣсколько войска. Разныя Французскія арміи собираются между Парижемъ и Шалономъ; но фронтовыхъ войскъ, сказываютъ, считается не болѣе 50 тысячъ, а прочее все неучъ и сволочь. Герцогъ Брауншвейгскій къ Парижу приближается исполнскими шага-

ми. Въ его руки пали уже многія важныя мѣста. Отъ Французскихъ генераловъ (такъ въ похвалу теперь называемыхъ безштанниками) то и дѣло что прискакиваютъ курьеры въ Парижъ. Чернь догадывается о содержаніи извѣстій изъ улыбающихся или пасмурныхъ лицъ у народоводцевъ. Среди сей безпрестанной неизвѣстности, колесо неустройства все попрежнему вертится. Хитрыя средства Якобинцевъ для обмороченія черни, разные мечтательные проекты ихъ, недостатокъ крѣпкихъ и мужественныхъ головъ во всѣхъ партіяхъ, все это такой туманъ наводитъ для наблюдателя, что ничего довольно проникнуть не можно. Изъ четырехъ образовъ правленія, протекающихъ отъ Французской конституціи, три существовали съ самаго начала революціи во всемъ королевствѣ, которые, послѣ происшествія 10-го Августа, слились въ четвертый. Монархическое правленіе было только въ начертаніи ума; аристократическое въ Национальномъ Собраніи, а голое демократическое въ народѣ. Какъ это послѣднее навѣрно болѣе всего подвержено политическимъ коловратностямъ, то необходимо и слѣдовало произойти грубѣйшему деспотизму, тѣмъ больше насильственному, тѣмъ больше слѣпому, что этотъ деспотизмъ находится въ рукахъ всѣхъ. Начиная отъ послѣдняго изъ безштанниковъ и доходя до Бриссота, Петіона и Кондорсета, каждый, ошалѣвъ, безъ страха, приступаетъ къ злодѣянію. Подлодушная чернь почитаетъ за прибыль пользоваться слѣдствіемъ всѣхъ такого рода законопреступленій; а честнымъ, но, къ сожалѣнію, робкимъ и трусоватымъ душамъ достается только молчать и терпѣть все съ наружнымъ удовольствіемъ. Слухъ идетъ здѣсь, что графъ Прованскій намѣренъ объявить себя регентомъ. Это можетъ переменить состояніе арміи эмигрантовъ и ускорить походомъ. Национальное Собраніе, между тѣмъ, опредѣлило не быть впредь королямъ во Франціи. Пишутъ изъ Ліона, что и тамъ произошелъ примѣръ не хуже Парижскаго, надъ всѣми арестантами, содержащимися въ Пьеръ-Ансизѣ и въ прочихъ темницахъ. Всѣ они перерѣзаны 9-го сего мѣсяца. Между бредомъ горячки, которая совсѣмъ высушаетъ мозгъ у Французской націи, поставить въ число можно тѣ радостныя плесканія, которыхъ удостоенъ былъ Анахарсисъ Клоцъ, витія человѣческаго рода. По прочтеніи въ Собраніи похвальнаго слова опредѣленію о 1200 тиранисадахъ, кажется, что и фуріи едва ли породить могутъ такого безобразнаго чудовища развратности, нахальства и кощунства. Никогда еще не слыхано, чтобы съ такою наглостію шло смѣхотворство вмѣстѣ съ ужасъ наводящимъ ожесточеніемъ сердца.

16.

Туринъ, 8 (19) Сентября 1792 г.

По кончинѣ ея свѣтлости, княгини де-Лямбаль, урожденной Кариньянской, замученной 9-го Сентября въ Парижѣ, Сардинскій дворъ наложилъ трауръ на три недѣли. Кажется, что она была предназначена жертвою такому кровосійству, по найденнымъ въ королевской шкатулкѣ двумъ ея руки письмамъ о смутныхъ нынѣшнихъ дѣлахъ.

Но слухъ о насильственной смерти мадамъ Турсель, ея дочери, двухъ королевскихъ горничныхъ открылся ложнымъ: онѣ спаслись. На третій день послѣ того началось было волненіе близъ Тампля; но протянутая трехцвѣтная лента, знакъ того предѣла, который народу не должно было переходить, была уважена и удержала отъ дальнѣйшаго буйства. Это ясно доказываетъ, что какъ Парижская чернь ни нагла и ни своевольна въ своей горячкѣ, однако все она наводится какою-то спрятанною рукою, которая назначаетъ жертвы и соображаетъ происшествія. 11-го сего мѣсяца Марсельскій муниципалитетъ отобралъ силою у подозрѣваемыхъ обывателей все оружіе и все серебро, какъ въ монетѣ, такъ и въ посудѣ; а на обмѣнъ имъ далъ ассигнаты. Многіе купцы притомъ схвачены и посажены въ тюрьму. На этихъ дняхъ услышимъ мы, что они всѣ перерѣзаны, такъ какъ это случилось въ Ліонѣ, въ Парижѣ и въ Версали, гдѣ недавно замучены 52 арестанта, везенные изъ Орлеана въ Парижъ для представленія на новый верхній національный судъ. Герцогъ Бриссакъ есть изъ числа оныхъ, такъ какъ и отставной министръ Делессаръ, который навѣрно былъ искуснѣйшій между поборниками революціи; но въ это непостижимое время прежде бывшіе зѣлыми оказываются будто агнцами и подьютъ участь слабости и мягкодушія. Родъ купцевъ во Франціи, такъ какъ и въ сосѣднихъ съ нею земляхъ (въ каковой, на примѣръ, я нахожусь) въ тайнѣ потворствовалъ усилю демократичества, замечавъ, что богатство доставитъ имъ скоро преимущества и почести; но съ нѣсколькихъ дней большая часть негоціантовъ поговариваетъ другимъ образомъ. Безпорядокъ въ политикѣ спустился до торговли. Многіе банкиры въ Парижѣ, въ Ліонѣ, въ Бордо оставили или остановили всѣ свои дѣла съ чужими краями, а многіе и совсѣмъ разорились. Чернь зачинаетъ уже почитать ихъ заодно съ аристократами, и громоносная буря часъ отъ часу ближе къ нимъ приближается. Торговля въ Пьемонтѣ великій уже чувствуетъ ущербъ отъ новаго злопорядка 10-го Августа. Напередъ сего ежегодно здѣсь получали за вывозы шелковъ около пяти миліоновъ Французскихъ ливровъ, а нынѣшнимъ лѣтомъ почти ничего. Ліонскія фабрики теперь издерживаютъ остатокъ изъ заготовленныхъ шелковъ, а отсюда, по причинѣ ужасной перспективы, ничего не выписываютъ, такъ что здѣшніе купцы не знаютъ, что дѣлать съ приумножающимися въ ихъ кладовыхъ шелками. Вооруженная и необузданная сволочь опять умножается на границахъ Савойи и Ницы и причиняетъ новые страхи Сардинскому правительству. Къ несчастію, день ото дня становится вѣроятнѣе, что народъ въ Савойѣ находится въ скрытномъ волненіи, т. е. въ состояніи такого раздраженія, которое отъ малѣйшей искры можетъ родить пожаръ. Французскія шайки то знаютъ совершенно и каждый день требуютъ позволенія ворваться въ Савойю. Генераль Монтеке до сихъ поръ успѣлъ ихъ удерживать; но слухъ носится, что скоро совладѣть не можетъ, и что уже грозятъ поступить съ нимъ какъ съ аристократомъ; онъ и самъ ожидаетъ сей общей участи. Опасно, чтобы, отъ приближенія герцога Брауншвейгскаго, разсыпанныя толпы Фран-

цузовъ, подвинувшись къ Савойскимъ границамъ, ихъ не перешли и не выместили своего стыда грабительствомъ надъ землями тестя графа д'Артуа. Навѣрно Сардинскій король не въ силахъ оборонять все пространство своихъ границъ. Ежели 50 тыс. безштаниковъ въ бѣшенствѣ ворвутся въ Савойю, то она потеряна; однако на это принимаютъ здѣсь всякія предосторожности. Но такъ какъ я имѣлъ честь сказать самому королю, умѣреннѣйшая и безопаснѣйшая ухватка для него есть не та, чтобы онъ готовился къ оборонѣ (потому что это невозможно), но самъ бы предупредилъ Французовъ, потому что это одно и остается средство годнымъ и благовременнымъ къ защитѣ его земли, занимая Французовъ въ ихъ собственной. До сихъ поръ еще не видно, чтобы это мнѣніе брало верхъ, хотя и самъ онъ чувствуетъ всю важность онаго. Искренняя досада его на неучастіе въ совѣтываніяхъ, а можетъ быть и на неуваженіе своей особы при Вѣнскомъ дворѣ, въ походѣ такомъ, въ которомъ бы и самъ онъ желалъ показать себя; непрочность помощи, данной ему за этимъ; надежность, что этимъ лѣтомъ не будетъ атакованъ Французами; часто повторяемый совѣтъ нѣкоторыхъ министровъ не пускаться на отважный случай (безъ крайней нужды обороны) потерять Савойю, чрезъ бунтъ, укрощаемый доселѣ только присутствіемъ войскъ: всѣ сіи обстоятельства измѣняютъ, кажется, характеръ его величества, каковой онъ сперва обнаружилъ, и дѣлаютъ его нерѣшительнымъ, безпокойнымъ и даже слабымъ въ здоровьѣ.

17.

Туринъ, 11 (22) Сентября 1792 г.

Его Сардинское величество рѣшился выпустить еще ассигнаціи на восемь милліоновъ ливровъ. Изъ Турина недавно послано въ Савойю и Ницу еще нѣсколько военныхъ снарядовъ. Лагерь при Салюсѣ начинается распускаться, двѣ тысячи человекъ отправляются въ Савойю, да двѣ же въ Ницу. Здѣсь вообще опасаются нападенія отъ Французскихъ шаекъ, и уже дано повелѣніе посланникамъ при Мадридскомъ и Лондонскомъ дворахъ сноситься на случай о помощи. На сихъ дняхъ, въ разныхъ мѣста Савойи перебѣжало болѣе 600 неприязненныхъ Французскихъ поповъ. Ихъ теперь тамъ считается близъ двухъ тысячъ, да почти столько же въ полуденныхъ провинціяхъ короля. 4-го (15-го) сего мѣсяца спустившіяся по Ронѣ два судна съ національными гвардейцами выгрузились было для грабительства на Савойскій край, противъ Пьерръ-Шатель. Нѣсколько Пьемонтскихъ гренадеровъ съ офицеромъ побѣжали къ нимъ на встрѣчу, и зачалась сильная драка, которая кончилась въ честь Пьемонтцевъ. Нѣсколько ранено съ обѣихъ сторонъ. Французы, отступивши въ Пьерръ-Шатель, выстрѣлили нѣсколько разъ изъ пушекъ и повредили дома той Савойской слободы, гдѣ они хотѣли выступить на берегъ. Французскій комендантъ Пьерръ-Шательскій выслалъ тотчасъ съ извиненіями, охудая безштаниковъ, поступившихъ такъ безъ повелѣнія. Извѣстно, что Французскія при Форъ-Барро войска оказываютъ сумашедшую нетерпѣливость внасть въ Савойю, что гене-

ралъ Монтескье самолично уговаривалъ ихъ недавно и имъ сказалъ, что онъ для истребованія на то повелѣнія отнесся къ Национальному Собранію. Въ самой вещи, пишутъ изъ Парижа, что это требованіе предложено и отослано на разсмотрѣніе дипломатическаго комитета. Здѣшній дворъ очень безпокоенъ; вчера по этому же дѣлу отправленъ курьеръ въ Миланъ, чтобы Австрійскій корпусъ привести въ состояніе выступить въ походъ по первому знаку. Гельветическій сеймъ рѣшился вторично, такъ какъ я имѣлъ честь предсказать вашему сіятельству, держаться вооруженнаго нейтралитета, какъ ни представлялъ напротивъ Вѣнскій посланникъ. Маленькіе кантоны, правда, очень добивались нарушить оный и идти противъ Французовъ силою; но мнѣніе Цюриха, Фрибура, а особливо Берна превозмогло. Всенародное сословіе сходится уже въ Парижѣ. Дѣло начнется судомъ надъ королемъ, и для этого переведенъ онъ во второй этажъ Тампльской башни, гдѣ близъ его комнаты отдѣлана зала для комиссаровъ, имѣющихъ каждый день собираться для предложенія его величеству разныхъ вопросовъ. Онъ навѣрно приговоренъ будетъ на смерть, если герцогъ Брауншвейгскій не подоспѣетъ благо- временно. Королева и остатокъ разсѣянной въ Парижѣ королевской партіи ожидать должны такой же участи. Но сказываютъ, что королева твердо рѣшилась не поддаться такому посрамленію, и для того имѣетъ завсегда при себѣ кинжалъ и самый зѣльный ядъ. Между тѣмъ, данныхъ муниципалитетомъ ей, ея дочери и мадамъ Елизабетѣ служительницъ она отослала. И такъ, сія порфирородная семья принуждена теперь сама на себя работать.

18.

Туринъ, 14-го (25) Сентября 1792 г.

Со вчерашняго дня всѣ погрузились здѣсь въ глубокое уныніе. Писемъ изъ Шамбери совсѣмъ нѣтъ. Одинъ только дворъ получилъ извѣстія изъ С. Жано, и слухъ ужасный вмигъ разнесся, что стояшіе въ Форъ-Барро Французы ворвались близъ Монъ-Мельяна и Апремона въ Савойю, что они производятъ уже насильства въ Шамбери, что національные гвардейцы также кинулись въ Понъ-Бовуазень, что мостъ Монмельянскій на Изерѣ, по приказанію генерала Лазари, разобранъ, что потому всякое сообщеніе пресѣклось, что стоящіе въ Савойѣ войска, находя себя не въ состояніи сражаться съ Французами, безъ боя отступаютъ назадъ и выдуть, если Богъ поможетъ, черезъ Конфлянъ, черезъ Тарантезу въ Моріенну и герцогство Аостское, гдѣ гора Сенъ-Бернаръ Малый служить имъ будетъ мѣстомъ сообщенія съ Туринномъ, и поэтому останется вся Савойя отъ береговъ Изера до Понъ-Бовуазена на своеволии непріятелей, которые суть двоякіе: Французскіе демагоги и самый Савойскій народъ. Курьеръ стремглавъ поскакалъ въ Миланъ, и его Сардинское величество надѣется, что Австрійскіе гренадеры, тамъ стоящіе, такъ какъ и тѣ войска, кои находятся въ Павіи, выступятъ сюда въ походъ 17-го (28-го) числа.

Туринь, 15 (26) Сентября 1792 г.

8-го (19-го) и 9-го (20-го) сего мѣсяца Савойскій губернаторъ и командующій Сардинскими войсками генералъ Лазари прислали ко двору эстафетовъ съ увѣдомленіемъ опасности отъ непріятельскихъ намѣреній Французовъ. Они, между прочимъ, писали, что какъ король въ манифестѣ Французскихъ принцевъ упоминается въ числѣ непріятелей Франціи, то и прошелъ слухъ, что генералъ Монтескье получилъ отъ Національнаго Собранія повелѣніе предупредить и учинить нападеніе самъ въ благовременный случай. 10-го (21-го) числа Шамберійскій губернаторъ, видя, что молва о близкомъ нашествіи Французовъ вездѣ разошлась, приказалъ остановить всѣхъ городскихъ лошадей и употребилъ ихъ для перевоза архива, казны и другихъ государственныхъ вещей въ Лебожъ, такъ называемый довольно великій по своему положенію между скалами замокъ, весьма крѣпкій. Премножество благородныхъ, оставивъ городъ, убѣжали, нѣкоторые въ Швейцарію, а другіе въ Сень-Жанъ де-Моріеннъ. Въ самомъ дѣлѣ, 22-го числа двадцать тысячъ Французовъ со множествомъ пушекъ, вышедши изъ Форъ-Барро и окрестностей, вступили двумя колоннами въ Савойю съ обѣихъ сторонъ Монъ-Мельяна. Шестъ баталіоновъ Сардинскихъ войскъ, разставленныхъ по берегу Изера, ужаснувшись такой многочисленности, заблагоразсудили, въ приближеніи ихъ, отступить; они разорили Монмельянскій, что на Изерѣ, мостъ, перешедши сперва по оному въ Моріенну, чрезъ что сообщеніе съ Туриномъ, весьма важное и нужное, пресѣклось, и мы до сихъ поръ ничего еще положительно и подробно не знаемъ. Одинъ мужикъ, переплывшій черезъ рѣку Изеръ и пришедшій въ Сень-Жанъ де-Моріеннъ, донесъ, что гвардейскій королевскій баталіонъ и одинъ напольный полкъ хотѣли было попротивиться Французамъ близъ Монмельяна, но по короткомъ сраженіи, на которомъ они потеряли много людей, отступили въ Шамбери, гдѣ тамъ стоявшія войска, соединившись съ ними, не разсудили бесполезно защищаться и вмѣстѣ удалились въ Лебожъ. Французы тогда, какъ стремительный потокъ, наводнили всю Савойю; въ Шамбери разставили множество деревъ вольности съ красною наверху шапкою и заставили кричать гражданъ и мужиковъ, совершенно мыслившихъ заодно съ ними: *vive l'égalité!* Потомъ они плясали вокругъ этихъ шестовъ и пѣли: *ça ira, ça ira!* Сказываютъ, что до сихъ поръ они еще не дѣлали никакого разоренія и жестокости въ Савойѣ. Здѣсь ожидаютъ съ величайшею нетерпѣливостью обстоятельство сего страшнаго происшествія. Удивительнѣе всего то, что и самый дворъ не болѣе объ этомъ знаетъ. Король вчера послалъ двухъ офицеровъ для освѣдомленія, одного черезъ Монъ-Сени, могущаго дойти только до береговъ Изера, а другаго черезъ Сень-Бернаръ Малый (проходъ ужасно трудный, но который одинъ только теперь остается для полученія извѣстія изъ арміи). Куда дѣвалась эта армія? Зачѣмъ съ пяти дней не приходитъ оттуда никакого извѣстія? Такъ здѣсь другъ друга

спрашиваютъ, и удивленіе, ужасъ, уныніе въ Туринѣ неописанны. Меня увѣрили очень достовѣрные люди, что генералъ Лазари нарочно расположилъ еще заранѣе отступать назадъ, т. е. подаваться съ своею арміею сперва въ Лебожъ, дабы всѣ маленькіе отряды, разставленные тамъ и сямъ, съ нимъ, сколько возможно, соединились и потомъ вмѣстѣ отступали къ Сень-Віалю, къ Конфлансу, а наконецъ черезъ Тарантезскій округъ пришли въ Моріенну. Черезъ это прикрывать онъ будетъ Пьемонтъ, который, кажется, и безъ того очень хорошо защищается своими Альпами и крѣпостями; но всю собственно называемую Савойю, отъ Изера до моста при Бонвуазенѣ, безъ спора оставить на своеволие сумашедшихъ Французовъ. Отъ отрядовъ, заставленныхъ подлѣ Понбувазена, такъ какъ и подлѣ Каружемъ и въ окрестностяхъ Женевы, не приходило также никакого извѣстія. По всему надобно думать; что они схвачены.

Презрѣніе генерала Лазари къ Французамъ, пустая надежда, что они не будутъ умѣть напасть урядственными колоннами и что набѣги ихъ будутъ производиться мелкими гурьбами, заставили его принять защитительныя распоряженія, совсѣмъ военному искусству противныя. Онъ разбилъ почти всю армію на премножество отрядовъ, какъ будто для кордона; теперь долженъ онъ изъ силы выбиться отъ сзыва своихъ войскъ въ одно мѣсто и сгорѣть со стыда, не могши нигдѣ сдѣлать отпора. Здѣсь даже говорятъ, что онъ и самъ того не хотѣлъ. Такъ на что было и посылать 12-ти тысячную армію въ Савойю? Развѣ для того, чтобы очевидно посморгнуть торжество мерзкой шерстяной шапки? Признаюсь вашему сіятельству, что Русскому стыдно даже и писать такія извѣстія.

Туринь, 18 (29) Сентября 1792 года.

Наконецъ пришло сюда нѣсколько вѣрныхъ извѣстій изъ загорной здѣшней арміи. Сокращеніе оныхъ есть мечтаніе, ужасъ, смятеніе, побѣгъ; а выложеніе ¹⁾—стыдъ безпримѣрный въ исторіи. Едва только Французы, въ числѣ не болѣе десяти тысячъ, но въ хорошемъ порядкѣ, показались двумя колоннами, одною при Апремонѣ, а другою при Камарильянѣ, какъ передовые Сардинскіе отряды, растянувшись кордономъ, опрокинулись на другіе; эти на слѣдующіе и такъ далѣе даже до Монмельяна, даже до Шамбери, гдѣ цѣлый полкъ стоялъ въ ружьѣ. Часа три довольно было на такую непонятную и стремительную тактику. Одно и есть тому подобно или примѣрно, но не въ Ксенофонтѣ, а именно тѣ карты, что ребята ставятъ дыбомъ въ долгую шеренгу: лишь только ударить кто щелчкомъ по первому городку, то прочіе другъ отъ друга, разъ за разъ, и валятся затылкомъ до послѣдняго. Графъ Лазари, главнокомандующій, далъ тотчасъ повелѣніе частнымъ командирамъ разныхъ отрядовъ спѣшить къ нему; но вдругъ ужасное смятеніе объяло, какъ пламя, всѣхъ офицеровъ; вдругъ услышанъ былъ крикъ: спасайся, кому

¹⁾ Т. е. слѣдствіе.

дасть Богъ ноги въ Лабожъ и въ Тарантезу. Богъ одарилъ ихъ всѣхъ ногами, такъ что напрасно непріятельскіе егеря и гусары пустились въ погоню. Ужасомъ пораженные Пьемонтцы мчались цѣлыхъ двадцать лье почти безъ отдыха и цѣлые семнадцать часовъ безъ пищи и безъ души, такъ какъ бы стремились они всѣ отъ огненнаго меча Ангела-Карателя, а это просто были безштаники. Наконецъ, пѣхота остановилась въ Мутье, столицѣ Тарантезіи; а конница проскакала черезъ скалы и горы и очутилась въ Аостской землѣ. Экипажи у нихъ потеряны всѣ. Пушекъ перехвачено множество; а ни одного человѣка, сказываютъ, не убито. Но голь и горе приступили ко всѣмъ. Его Сардинское величество наслалъ повелѣніе генераламъ, чтобъ они по очереди отпускали офицеровъ къ ихъ родственникамъ для поправки военныхъ потребностей. Прилагательное имя «военныхъ» доказываетъ, что намѣреніе есть еще продолжать войну, но проникнуть планъ оной никому не дано. Государевъ совѣтъ съѣзжается всякій день, но изъ онаго мало выходитъ. Только что и знаемъ, что войска останутся на теперешнемъ мѣстѣ въ Тарантезіи, въ которой они стѣснились и которая для нихъ есть Иосафатова юдоль. Сверхъ того, почти всѣ мужики Сузской провинці охотно вооружились для отпора Французовъ, ежели они покусятся перейти Альпы. Хотя въ публикѣ и говорятъ, что всѣ составляющіе армію баталіоны, исключая одного, который въ полону, нашлись въ Тарантезіи; но въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что они всѣ больше или меньше разстроены какъ отъ дезерціи, такъ и отъ переема Французами малыхъ отрядовъ. Австрійскаго корпуса ожидаютъ сюда первую колонну къ 4-му, а послѣднюю къ 12-му Октября. Вѣроятно, что съ командующимъ надъ онымъ генераломъ Страсольдо сдѣлано будетъ сношеніе о новомъ планѣ; но этимъ срокомъ Французы очень легко могутъ пробраться въ Моріенну до подошвы Монъ-Сени и, можетъ быть, въ самый Пьемонтъ черезъ Ницу, а еще ближе черезъ Шато-Дофинъ, что близъ Салюса. Отъ этого же вся торговля во владѣніяхъ короля Сардинскаго по сушу и по водѣ останется заперта, до тѣхъ поръ, пока возстановится или порядокъ во Франціи, или выгнаны будутъ Французы изъ Савойи, что мудрено будетъ сдѣлать, какъ за возмущеніемъ тутошняго народа, ими подученаго, такъ и за занятіемъ имиже наилучшихъ постовъ въ такой землѣ, которая наполнена скалами и природными редутами. Одно только обстоятельство можетъ исторгнуть Савойю изъ непріятельскихъ рукъ: сказываютъ, что какъ Женева того и ожидаетъ, что Французы подступятъ подъ нее, то Гельветическій корпусъ по неволѣ долженъ взять ее подъ защиту и такъ объявить войну Франціи. Тогда и сами Швейцарцы найдутъ выгоды соединиться съ Пьемонтцами, которые, хотя по примѣру Австрійцевъ, станутъ мужаться и стоять. По выступленіи изъ Ломбардіи даннаго Сардинцамъ корпуса, останется тамъ только тысячъ 5 человѣкъ. По нынѣшнимъ сумашедшимъ обстоятельствамъ, это очень мало важитъ, особливо ежели Французы выгрузятся въ Генуѣ, дабы нахлынуть въ Миланскую землю, такъ какъ есть ихъ намѣреніе. Народъ въ Миланѣ, и

безъ того, сказываютъ, обуялъ отъ Французскихъ задачъ. Здѣсь тоже, и часто полиція находитъ прибитыя къ стѣнамъ возмутительныя слова. Наканунѣ Французскаго набѣга въ Савойю найдена у одной церкви слѣдующая пасквиада: «Помолимся Богу, да избавитъ насъ отъ ига мерзкихъ поповъ, проклятаго дворянства и негоднаго нашего правительства». Надобно знать, что Пьемонтцы изъ всѣхъ Итальянскихъ народовъ ярѣе, и можно примѣтить, что недостаетъ имъ только случая и близкаго примѣра для отличенія себя въ самомъ лютомъ звѣрствѣ, котораго каждый почти день видимъ мы частыя доказательства въ убійствахъ кинжаломъ и въ разныхъ измѣнахъ.

21.

Туринъ, 19 (30) Сентября 1792.

На дѣлѣ только узнаютъ дѣлателя. И подлинно, на дѣлѣ выходитъ, что Сардинскія войска, по стремглавномъ побѣгѣ своемъ въ Савойю, потеряли всю довѣренность у степенныхъ людей, обманувшихся рыцарскою ихъ наружностію. Страхъ наводящія слухи начинаютъ даже въ Туринѣ дымиться. Одни говорятъ, что Французы, замечавъ отъ такой неожиданной побѣды, простираютъ уже борзо мысли свои на самый Пьемонтъ; другіе, что уже они бомбардируютъ Ницу и Вилла-Франку и въ тоже время опрокидываютъ войска и редуты по сію сторону рѣки Вара, а въ Генуѣ или въ Миланѣ высаживаютъ отважную сволочь для впаденія въ Миланезъ и для взбунтованія черни по всей Ломбардіи. Уже льстивый поступокъ ихъ, по завоеваніи Савойи, съ искреннимъ удовольствіемъ разсказывается здѣсь между простымъ народомъ и купцами. Увѣряютъ, что Французы, подъ предводительствомъ Монтескье, нашедши въ монастыряхъ около пятидесяти тысячъ ливровъ, раздѣляли ихъ по бѣднымъ людямъ и что никому никакого притѣсненія не дѣлаютъ. Прискакавшій вчера эстафетъ ко двору распустилъ слухъ, что Французы пытаются войти въ Пьемонтъ черезъ Монъ-Сени, чрезъ долину С. Мартенъ, что въ Пиньеролѣ и чрезъ дефилеи Кастель Дельфина, что въ провинціи Салюсской. Лагерь этого же имени по большей части растасованъ въ Конѣ, въ Фенестреллѣ и по другимъ мѣстамъ. Славныя Пьемонтскія крѣпости до сихъ поръ были очень плохо снабжены людьми, муницею и съѣстными припасами, и ежели бы не снѣгъ въ горахъ сталъ недавно за Пьемонтъ, то бы ихъ справедливо можно было ожидать сюда. Король Сардинскій, въ самой вещи, соединяетъ прекрасную душу съ просвѣщеннымъ разумомъ, но имѣетъ качество, хотя также доброе, однако опасное и, можетъ быть, пагубное для государя: онъ не знаетъ наказывать виновниковъ. Король, говорю я, былъ до сихъ поръ, по всѣмъ докладамъ, обманываемъ и въ рыцарствѣ своихъ офицеровъ, и въ искусствѣ и мужествѣ своихъ генераловъ, и въ обнадеживаніяхъ большей части совѣтниковъ своихъ. Марки Краванцанъ, военный его министръ, съ ужасною неспособностію связываетъ крайнюю нерѣшимость духа, а слѣдовательно часто доходитъ до трусости и до лжи. Туринскій губернаторъ, пре-

старѣлый генералъ графъ Сальмуръ, можетъ быть, въ свое время и былъ хорошимъ, но теперь часто завирается. Внутреннихъ дѣлъ министръ, графъ Гранери, имѣетъ болѣе мечтательности, нежели основанія, болѣе бѣглыхъ идей, нежели связанныхъ мыслей, болѣе царедворства, нежели твердоразумія; а если же онъ не безъ ума, то, по крайней мѣрѣ, умъ его походить на глухой фонарь, который освѣщаетъ только хозяина своего. Наконецъ графъ Готвилль, занимающій мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, есть человекъ просвѣщенный, чрезвычайно трудолюбивый, но не смѣлый, хлопотливый, нерѣшительный въ важныхъ дѣлахъ. Природный этотъ недостатокъ его, возрастающій при теперешнихъ обстоятельствахъ почти до порока, по большей части происходитъ отъ непривычки въ большомъ свѣтѣ, отъ малоимущества и отъ боязни лишиться своего мѣста. Вотъ особы, которыя обыкновенно составляютъ совѣтъ короля Сардинскаго. Кардиналъ, архіепископъ Туринскій, мужикъ добрый, иногда также туда пріѣзжаетъ, но развѣ только для того, чтобы съ важнымъ лицомъ сказать нелицу. Братъ и дѣти его величества также иногда бывають въ совѣтѣ; но только одинъ принцъ Пьемонтскій, наполненный острою, можетъ дать высокое или сообразное мнѣніе, что однакоже при королѣ онъ чрезвычайно рѣдко дѣлаетъ. Герцогъ Аостскій гораздо чаще мѣшается, когда дѣло идетъ о урядствѣ и военныхъ докладахъ. Онъ недавно и самъ было вызвался командовать арміею, но послѣ непонятнаго происшествія въ Савойѣ поменьше, сказываютъ, сталъ горячиться. Пьемонтская армія по наружности состоитъ изъ довольно ученыхъ солдатъ; но по большей части, офицеры или слишкомъ молоды, или незначительны, или не свѣдуци; а генералы почти всѣ, или лучше сказать, всѣ безъ изъятія дурны.

22.

Туринъ, 20 Сентября (1 Октября) 1792 года.

Вчера пріѣхалъ сюда Шевалье Перонъ, ех-главнокомандующій въ Савойѣ, какъ надобно думать, съ рапортомъ о побѣгѣ, въ которомъ онъ первую роль игралъ, уѣхавъ изъ Шамбери 36 часовъ прежде нежели пришли Французы. Мы любопытствовали было видѣть въ Туринѣ и польнаго генерала Лазари; но онъ трудится теперь надъ переводомъ черезъ Альпы въ Пьемонтъ разставленныхъ своихъ войскъ, Они оба слыли до сихъ поръ достойными людьми, а теперь только слывуть въ публикѣ счастливыми, для того что въ Савойѣ не пали въ руки Французовъ, а здѣсь въ руки палача. Есть еще здѣсь главнокомандующій генералъ въ Ницѣ, именемъ Куртенъ, Швейцарецъ, который сопрягаетъ съ ними совершенный триумвиратъ. Сегодня прискакалъ отъ него курьеръ съ самымъ жалкимъ извѣстіемъ. Я нѣсколько разъ писалъ в—му с—ву, что къ оборонѣ береговъ Вара и города Ницы употреблены были заблаговременно всякія возможные предосторожности: ни силъ человеческихъ, ни денегъ не пощажено. Окопы были подѣланы, лѣсъ частью сваленъ, редуты разставлены, батареи взгроможены, пушки введены, 6000 солдатъ стояли въ ружьѣ, 2000

вооруженныхъ поселянъ, подъ именемъ милиціи, ожидали только непріятеля; сверхъ того, данъ былъ приказъ всеѣмъ мужикамъ, по первому знаку тревоги, спѣшиться съ оружіемъ, что они, услышавши набатъ, въ который били нарочно для испытанія ихъ доброхотства, вѣрно исполнили. Вмигъ они слетѣлись, ополченные ружьями, рогатинами, а наипаче своимъ мужествомъ. За такую ихъ любовь, за такое ихъ усердіе къ Сардинскому правительству, за ненависть, возбужденную въ простыхъ, но благородныхъ ихъ сердцахъ къ Французамъ, они теперь оставлены на ихъ своеволие. Ница и Вилла-Франка отъ побѣга Сардинскихъ солдатъ опустѣли, а эти опять срамили себя постыднымъ образомъ. Вотъ какъ по рассказамъ это произошло. Г. де-ла-Тушъ, шефъ Французской эскадры изъ пяти линейныхъ кораблей, 6-ти фрегатовъ и нѣсколькихъ катеровъ, приставъ 28 пуотру близъ Ницкаго порта, потребовалъ у генерала Куртена, командующаго городомъ и Сардинскими войсками, прислать къ нему какого нибудь полномочнаго. Тутошній плацъ-маіоръ тотчасъ сѣлъ въ шлюпку и явился передъ нимъ. Французскій адмиралъ напередъ всего требовалъ выдачи своего консула, которому правительство не позволило выѣхать. Пьемонтскій офицеръ отвѣчалъ, что выдать его одинъ только король воленъ. «Такъ я», перехватилъ рѣчь генералъ, «велю тотчасъ бомбардировать городъ». — «Когда такъ», отвѣтствовалъ полномочный, «то я теперь же вамъ пришлю его». — «Вовторыхъ», продолжалъ де-ла-Тушъ, «я требую, чтобы Сардинскія войска выступили и опорожили Французамъ все Ницское графство, да и исполнить это тотчасъ». — «А я», отвѣтствовалъ офицеръ, «прошу васъ сдѣлать милость дать по крайней мѣрѣ 16 часовъ сроку, для выноса королевскихъ вещей». — «Я даю вамъ только шесть, болѣе не ожидайте», сказалъ непріятель. Пьемонтскій офицеръ возвратился; весь городъ затрясся; генералъ Куртенъ приказалъ своимъ войскамъ оставить занятые ими посты и убираться какъ можно скорѣй въ Соспело и Саоржъ. Двѣ колонны, сказываютъ, Марсельцевъ, довольно въ хорошемъ порядкѣ, предшествуемые ужасомъ, тогда же переправились черезъ Варъ и заняли всю полуденную сторону около Ницы. Послѣ происшествія въ Савойѣ, королевскій совѣтъ уже колебался надъ планомъ сдачи и Ницы; наконецъ рѣшился, не знаю, на какихъ-то условіяхъ; но знаю только, что этотъ планъ не прежде былъ посланъ какъ 29-го Сентября; а уже 1-го Октября пришло извѣстіе, что генералъ Куртенъ предупредилъ повелѣніе его Сардинскаго в—а, что онъ находится въ Соспело и что его подкомандующіе всѣ въ добромъ здоровьѣ обрѣтаются.

Упомянувъ, сколько можно было, объ этомъ постыдномъ отступленіи, котораго страшное и ужасное послѣдствіе для Пьемонта и, можетъ быть, для всей Италіи живопису я при другомъ случаѣ, теперь опять приступаю къ историческому извѣстію еще срамнѣйшаго подвига въ Савойѣ. Шесть баталіоновъ, перешедшихъ Изеръ и разорившихъ за собою Монмельянскій мостъ, дабы не нагнали ихъ Французы, въ тотъ же день убѣжали въ С.-Жанъ-де-Моріеннъ; но, не находя и тамъ себя внѣ опасности, отступили далѣе еще въ Лансбургъ

при подошвѣ Монъ-Сени, умирая съ голоду и холоду. Имъ недавно послано повелѣніе убираться черезъ горы, потому что Французы хотѣтъ завладѣть и всею Моріенною. Наконецъ, собравшіяся въ Тарантезѣ войска, послѣ стремглавнаго побѣга черезъ 17 смертельныхъ часовъ, въ преужасную непогодицу, по дорогамъ кремнистымъ, представляютъ себя въ самомъ жалкомъ видѣ. У иныхъ испорчены ноги, у другихъ лица исцарапаны и сковерканы не отъ непріятельскихъ сабель, а отъ сучьевъ лѣсныхъ и отъ разныхъ ущелій, между которыми они мчались какъ вихрь. По счастью въ Мутьѣ попался имъ магазинъ съ мукою, но болѣе ничего нѣтъ. Половины палатокъ какъ не бывало. Шляпъ, ружей множество потеряно. Теперь отсюда посылаютъ офицерамъ бѣлье, а солдатамъ обувь. Но какъ Французы могутъ еще захватить ихъ невзначай, ворвавшись въ Тарантезу, то послано повелѣніе выпроводить ихъ обратно въ Пьемонтъ, гдѣ всѣ войска собираются около Турина. Конница, изъ около 2000 рейтаровъ, бѣжавшихъ черезъ Малый С. Бернаръ даже до Аоста, нашлась также въ невѣроятномъ разстройствѣ. Она потеряла близъ четверти лошадей и людей, отъ перелома ногъ, и отъ разброда по лѣсамъ, и отъ усталости смѣшанной со стыдомъ. Я надѣюсь, что генералъ Лазари, приведши въ Туринъ эту уродливую армію, не скажетъ какъ Францискъ Первый въ Павіи: «все пропало, кромѣ чести». Сардинія теперь навѣрно отъ Французовъ выдерживаетъ нападеніе, которыхъ успѣхи надъымаютъ голову до несносной крайности. Какъ Сардинія есть островъ, то я не могу проникнуть, какъ тамъ находящіяся 4 или 5 Пьемонтскихъ батальоновъ могутъ убѣжать по данному призыву.

23.

Туринъ, 25 Сентября (6 Октября) 1792 года.

17 (28) Сентября Сардинскія войска принуждены были оставить все Ницское графство. Трепетъ и стыдъ въ запуски предводительствовали ими въ этомъ выступѣ. Злосчастные эмигранты, будучи увѣрены Пьемонтцами, что они мужественно будутъ оборонять городъ, никакъ не изготовились въ дорогу и, вдругъ побѣжавъ, растеряли остатки своихъ пожитковъ. Тоже случилось и съ болѣею частью зажиточныхъ гражданъ и духовенства. Такую ужасную сумятицу можно только уподобить изображенію страшнаго суда Микель-Анжелло. Стоявшіе при Варѣ Сардинскія войска, услышавъ, что надобно безъ боя отступить, съ горестію сперва зароптали, но вмгъ потомъ пошли двойнымъ шагомъ назадъ, оставляя на мѣстѣ всѣ свои припасы и палатки. Поселяне, видя себя ободиноченными, разрывались отъ досады и бѣжали, не зная сами куда. Ворота Ницы и Вилла-Франки подавлялись отъ несчастнаго множества Французскихъ эмигрантовъ, отъ поповъ, судей, дворянъ, женщинъ всякаго состоянія, и много съ грудными младенцами. Толпа эта, простиравшаяся до 20 тысячъ душъ, безъ памяти бѣжавъ по дорогѣ въ Пьемонтъ, представляла самое жалостное зрѣлище. Бѣдные эмигранты и жены ихъ полунагія, простирая къ небу блѣдныя и дрожащія руки, похожи были на жертвъ за-

кланія, бѣгущихъ отъ послѣдняго удара жрецовъ. Вотъ плодъ нерѣшимости въ большихъ случаяхъ, слабаго правительства, не имѣющаго ни къ кому полной довѣренности и всѣхъ одинаково жалующаго государя; министерства сволочнаго и рыхлаго; воинства не видавшаго огня съ полъ вѣка; офицеровъ вскормленныхъ только на самохвальствѣ; генераловъ выжившихъ изъ лѣтъ, а не имѣющихъ понятія ни о воеводительствѣ, ни о кастраментаци, ни объ оборонѣ, ни объ атакѣ укрѣпленій. Генералъ Куртенъ сперва привелъ свои войска къ Соспеллѣ, посту очень важному, составляющему почти непреодолимый, между двумя крутизнами, перешеекъ; но теперь оставилъ его и пришелъ въ Саоржъ, мѣсто также очень крѣпкое, на скалахъ въ видѣ амфитеатра, при подошвѣ котораго пролегаетъ дорога изъ Ницы въ Кони, такъ что армія изъ ребятъ защититъ этотъ проходъ. Онъ оставилъ тутъ три баталіона, а съ прочими пошелъ въ славную крѣпость Кони. Французы не преминули занять оставленный постъ Соспелло. Ежели бы эти Французы не были безштатники, да вздумали бы преслѣдовать Пьемонтцевъ въ безпорядкѣ, то могли бы они вбѣжать въ Пьемонтъ и въ самый Туринъ; потому что въ Кони и въ городкахъ не доставало людей и припасовъ, а въ Туринѣ половина жителей желаетъ, чтобы Французы принесли къ нимъ искру мятежа. Король пріѣхалъ вчера изъ загороднаго дома въ Туринъ; чужестранные министры имѣли честь засвидѣтельствовать его величеству свое почитаніе. Между прочимъ онъ изволилъ мнѣ сказать, что правда, что войска не въ состояніи были выдержать нападенія, но могли бы отступить другимъ порядкомъ; что деньги становятся очень рѣдки, но что еще онъ, по счастью, не видитъ необходимости умножать подати и что надѣется пребыть такъ еще нѣсколько времени; что онъ ожидаетъ отъ союзныхъ державъ помощи въ силѣ трактатовъ; что въ Туринѣ есть, кажется, много злонамѣренныхъ людей, но есть также много и добрыхъ; и что Пьемонтская земля населена ратными крестьянами, которыхъ вѣрность къ законному государю и ненависть къ Французамъ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, весьма спасительны. Его величество показался мнѣ не совсѣмъ здоровымъ, но довольно твердымъ. Я думаю, что набожность есть первая подпора въ этой твердости. Принцъ Пьемонтскій продолжаетъ жить съ супругою въ Монмельярскомъ селѣ.

24.

Туринъ, 29 Сентября (10 Октября) 1792 г.

Третьяго дня сбирь поймали двухъ Французскихъ лазутчиковъ: одинъ обольщалъ чернь деньгами, а другой снималъ планы съ междугорныхъ проходовъ и съ крѣпостей. Возмутительныя плакарды день ото дня появляются чаще въ Туринѣ; а какъ полиція здѣсь очень плоха, то до сихъ поръ еще виноватыхъ не отыскано. 8-го числа, поутру, часть первой Австрійской колонны вступила въ Туринъ; двѣ другія за непогодою опоздали. Нѣмцы здѣсь приняты какъ спасители. Въ Женевѣ рѣшено дѣло тѣмъ, чтобы требовать Швейцарскаго гарнизона, вслѣдствіе чего 1.600 Бернцевъ туда уже и всту-

нили. Ежели теперь Французы понахалются атаковать Женеву, то Гельветическій корпусъ принужденъ будетъ вступить открытою силою противъ Франціи. Г. Монтескье содержалъ свои войска въ Савойѣ въ строгой дисциплинѣ; но теперь посаженъ подъ арестъ, и для произведенія надъ нимъ суда прибыли уже въ Шамбери два повѣренныхъ отъ Народнаго Собранія. Онъ подозрѣваемъ и почти обличенъ въ измѣнѣ, затѣмъ, что не взялъ въ полонъ или не истребилъ Пьемонтскую армію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ къ тому всевозможныя средства, какъ то в. с—во изъ моихъ депешъ, конечно, усмотрѣть изволили; но онъ за остаткомъ стыдливости посовѣстился такъ поступить и слѣдственно учинится жертвою. Французы, подъ предводительствомъ генерала Ансельма, проживавшаго за нѣсколько тому времени цѣлые 4 мѣсяца въ Ницѣ подъ видомъ выселившагося попа, поступаютъ также съ хитрою умѣренностію и въ этомъ городѣ. Здѣсь сперва распустили было слухъ объ ихъ мучительствахъ, но вчера письма даже къ вышедшему Ницкому епископу сказываютъ, что полиція тамъ строго наблюдается и что доселѣ никому отъ нихъ истязанія не было. Всѣ проникательные люди почитаютъ эти поступки коварными и даже очень опасными, потому что побѣжденные мало по малу такъ свыкаются съ побѣдителями, что уже и случилось въ Савойѣ. Тамъ, между другихъ доказательствъ, тысячи двѣ молодыхъ людей вызвались добровольно служить въ ряду съ національными гвардейцами. Французская эскадра пошла къ Востоку. Здѣсь думаютъ, что она покусится отнять у Генуезцевъ Савонну. Но для злыхъ ея намѣреній лежитъ тутъ дорога претрудная и предальная. Мнѣ кажется, что съ навѣтами ея сходнѣе и на дѣлѣ навѣрно легче будетъ выгрузиться въ Сестри, также принадлежащемъ Генуѣ портѣ, дабы взбунтовать чернь въ Пьяченцѣ, въ Миланезѣ и во всей Ломбардіи. Противной же встрѣчи Французамъ почти нигдѣ тутъ не случится. Страхъ и ужасъ отъ ихъ прихода, такъ какъ и возмутительныя ихъ начала, поборствовать имъ будутъ во всей Италіи даже до Неаполитанскихъ границъ. Ежели Вѣнскій дворъ не ускоритъ выслать сильнаго корпуса въ Италію, то опасно, чтобы варвары Французы не сдѣлали того же, что варвары Готы и Визиготы. Сколь велико число и состояніе жалостно тѣхъ несчастныхъ, которые, отъ страха оставивъ Савойю и Ницу, перебираются сюда въ Пьемонтъ, того оживописать я не могу никакимъ образомъ. Дороги изъ Кони, Сузы и Аосты гобзятся ими; многіе съ голода и холода померли, а особливо женщины и малолѣтнія. Римскій министръ получилъ отъ двора своего повелѣніе снабжать тѣмъ нибудь Авиньонскихъ выходцевъ и отсылать ихъ въ папскія владѣнія. Мадамъ и графиня д'Артуа помогаютъ нѣсколько Французскимъ эмигрантамъ, попомъ и офицерамъ; но правительство ихъ болѣе не терпитъ, выгоняетъ ихъ съ чрезвычайною строгостію, тѣмъ паче жестокою и несносною, что вдругъ она послѣдовала за самымъ тихимъ покровительствомъ. Они все свое имѣніе оставили въ Ницѣ и теперь не знаютъ, куда дѣваться. Вѣроятно, что, вышедши изъ Пьемонта, многіе помрутъ съ голода и холода. Генералъ Лазари, видя себя одного

обвиняемаго въ ужасномъ разстройствѣ войскъ Пьемонтскихъ, самъ просить, чтобы король назначилъ военный судъ. Со всѣмъ тѣмъ я не думаю, чтобы по прошенію его было сдѣлано. Причина тому та, что само правительство одобрило худыя его расположенія кордономъ, что оно и само оказало смятеніе и страхъ въ письмахъ своихъ къ нему, что не одинъ только онъ въ Савойѣ располагалъ войсками, что шевадье де-Перронъ, Шамберійскій губернаторъ, почти столько же виноватъ, но которому король недавно простилъ все, такъ какъ и марки де-Кордону, второму генералу, который первый запретилъ канонерамъ стрѣлять по Французамъ, но котораго изстари король особенно жалуетъ. Многіе люди, и даже принцъ Пьемонтскій, подозрѣваютъ, что отъ нихъ вмѣшана была измѣна; но того навѣрно нѣтъ: эти начальники, будучи сами Савойяры, теряютъ черезъ то почти всѣ свои доходы. А впрочемъ они всѣ трое непріатели между собою, такъ что ни о чемъ никогда не слаживались, кромѣ, можетъ быть, побѣга войскъ. Кромѣ доходовъ съ Ницы и Савойи, король Сардинскій теряетъ вещами одними непонятно какъ много. Всѣ увѣряютъ, что потеря въ одной только Савойѣ можетъ простираться до одиннадцати милліоновъ Пьемонтскихъ ливровъ. Къ тому же приложить надобно ужасное иждивеніе, каковое перевозъ всѣхъ провизій стоилъ черезъ Альпы; а послѣ еще выложить потерю пороховыхъ и фуражныхъ магазиновъ, ружей, лошадей и проч. Что касается до графства Ницкаго, гдѣ, oprичъ другихъ припасовъ и военныхъ снарядовъ, оставлено въ добычу непріателю сто двадцать пушекъ, то потеря онаго вычтена до четырехъ милліоновъ. И такъ, не считая Сардиніи, о которой извѣстій и до сихъ поръ нѣтъ, король, сказываютъ, лишается пятнадцати милліоновъ. Потери офицеровъ, частно растерявшихъ свои экипажи, простираются слишкомъ до милліона. Число ново-выпущенныхъ ассигнацій будетъ, говорятъ по секрету, вдвое болѣе противъ объявленнаго въ указѣ; слѣдовательно, на восемь милліоновъ ливровъ. Здѣшніе Жиды и мѣнялы, узнавъ это, начинаютъ уже неохотно принимать новыя ассигнаціи и не иначе какъ со сбавкою четырехъ процентовъ.

25.

Туринъ, 6 (17) Октября 1792 года.

Изъ приложенныхъ здѣсь писемъ вы изволите увидѣть, что Женева находится въ прекрайней опасности быть бомбардированною. Тысячъ восемь Французовъ стоитъ теперь въ Каружѣ съ большою осадною артиллеріею, подъ начальствомъ г-на Монтескье, который недавно освобожденъ. Полученное здѣшнимъ государемъ извѣстіе объ объявленіи войны отъ Французовъ Швейцаріи, нашлось, по крайней мѣрѣ, скороспѣлымъ. Письма даже отъ 12 о томъ еще не упоминаютъ. А между тѣмъ можно примѣтить, что Швейцарцы не вызовутся сами разорвать свой нейтралитетъ, но что они только рѣшились защищаться до послѣдней капли крови, хотя и есть у нихъ округа, которые заразились язвою Французскаго духа, какъ напри- мѣръ Базель, Шафгаузъ, Пен-де-Во, почти половина Солюра и граф-

ство Невшатель. Савойскіе поселяне зачинають уже нѣсколько стонать отъ своихъ ужасныхъ гостей и сожалѣть о Пьемонтскомъ правительствѣ. Причины тому: 1) обмѣнъ Французскихъ ассигнатовъ на наличныя ихъ деньги; 2) страхъ, чтобы вдругъ не вздорожалъ хлѣбъ; 3) опредѣленіе, чтобы къ 1-му Января готовились 7 тысячъ охотныхъ рекрутовъ. Но въ Шамбери Якобинскій клубъ напрягаетъ всѣ свои обаятельныя силы къ ожесточенію ихъ противъ здѣшняго властелинства. И вотъ между прочимъ плакардъ, что по всѣмъ улицамъ прибить: Война деспотамъ, миръ и вольность народу. Скоро, сказываютъ, выдетъ тамъ же новое опредѣленіе, которымъ повелѣно будетъ выѣзжимъ Савоярскимъ владѣльцамъ возвратиться жить въ отечество; въ противномъ же случаѣ, имѣніе преслушника будетъ конфисковано въ народную казну, что чрезвычайно тревожитъ Савоярскихъ помѣщиковъ, а особливо тѣхъ, которые находятся въ дѣйствительной службѣ его Сардинскаго в—ва. Водяне (les Vaudois), всегда вѣрные и храбрые люди, вызвались стеречь многіе узкіе проходы по Альпамъ, что вдоль Пьемонта. Крѣпости же тутъ запасены теперь очень хорошо; и такъ съ этой стороны нечего, кажется, бояться отъ Французскихъ набѣговъ. Со стороны Ницы, главная дефилея при Саоржѣ оберегается тремя батальонами. Прочія войска, убѣжавши съ береговъ Вара, перешли въ Кольди-Тандъ и въ Кони. Сверхъ того, всѣ окольные мужики вооружены и чрезвычайно ненавидятъ Французовъ. Даже недавно между ними были и небольшія сшибки, которыя кончились въ честь земледѣльцевъ. Я примѣчаю, что публика и даже самъ король очень полагаются на вооруженныхъ Пьемонтскихъ мужиковъ, и болѣе нежели на самую войска. Въ самомъ дѣлѣ, какъ здѣшніе ратники не могли снести и вида огня въ самомъ началѣ войны, то опасно, чтобы сердца ихъ совсѣмъ не заплѣснѣвали отъ робости. Уже у нѣкоторыхъ, сказывали мнѣ, одно имя Французскаго безштаника кожу подираетъ, также какъ я примѣтилъ, тому три года, надъ нѣкоторыми Прусаками, когда упоминалъ о приближеніи нашихъ Башкирцевъ. Туринское мѣщанство получило на сихъ дняхъ позволеніе носить синюю кокарду, такую, кака у военныхъ людей, въ знакъ вѣрности и приверженности къ государю. Эта мелкая уловка, отличающая будто добрыхъ, не можетъ одобрена быть степенными людьми. Злонамѣренныя тоже въ состояніи нарядиться въ эту вывѣску. Она же пахнетъ какъ-то Парижскою теперешнею гнилью; а сверхъ того можетъ открыться и явно въ двѣ противныя партіи: кокардники и безкокардники, которые со временемъ оторвутъ междоусобную злобу, что, по причинѣ ехидной природы здѣшной націи, очень статься можетъ. Надлежало было или предоставить военный бантъ однимъ только вооруженнымъ и записнымъ охотникамъ, или приказать его носить всякому здоровому человѣку, безъ разбора состоянія, чина и рода. Теперь только одни черныя мастеровые и лавочные сидѣльцы въ кокардахъ щеголяютъ; а мужики, домовые люди, купцы, художники, дворяне или о томъ не думаютъ или насмѣхаются. Извѣстнаго плана войны здѣсь еще нѣтъ. Гово-

рятъ теперь, что скоро откроется, по мнѣнію принца Пьемонтскаго, военный совѣтъ, гдѣ судимы будутъ подвиги армейскихъ начальниковъ въ Савойѣ и Ницѣ. Ежели не подоспѣетъ Испанскій флотъ въ Средиземное море, то я не думаю, чтобы его Сардинское в—во осмѣлился до весны предпринять что нибудь противъ Французовъ въ Ницѣ; а изъ Мадрида еще не получено о томъ удовлетворительнаго извѣстія, и будетъ ли оное скоро, того никто не знаетъ. Кажется, что еще Испанскій дворъ съ ужасомъ оглядывается на молчаливыхъ Англичанъ.

26.

Туринъ, 9 (20) Октября 1792 года.

Здѣшній дворъ сообщилъ Римскому и Неаполитанскому жалобныя извѣстія о нашествіи Французовъ. Имъ внушено было, что ежели король Сардинскій за лучшее почелъ остаться въ оборонительномъ состояніи, отъ котораго онъ нашелся среди безднвсѣческихъ бѣдъ, то это было наипаче по совѣтамъ Бурбонскихъ дворовъ, вслѣдствіе чего Неаполитанскій изъявилъ чувствительность свою къ потерямъ короля, но что, по несчастію, онъ находится не въ состояніи сдѣлать съ Французами явнаго разрыва, что онъ и самъ имѣетъ нужду во всѣхъ своихъ силахъ для обороны собственныхъ владѣній противъ нечаяннаго ихъ нападенія, но что какъ вѣрный доброжелатель Сардинскому королю, приносить онъ ему въ подмогу сто тысячъ Неаполитанскихъ дукатовъ или четыреста тысячъ франковъ на каждые три мѣсяца. Папа отвѣтствовалъ плачевопльствіями, горячими молитвами къ Богу и обѣщаніями денежной подмоги; но не означилъ точно ни срока, ни числа на оную. Два судна, шедшія изъ Сардиніи съ хлѣбомъ и съ цѣлой ротой Пьемонтскихъ егерей, не зная о участи Ницы, прямо вошли въ портъ оной и были взяты Французами. Удивительно, какъ здѣшній дворъ до сихъ поръ еще не получилъ обстоятельныхъ извѣстій объ этомъ островѣ, хотя бы черезъ Ливорну. Пшутъ изъ Франціи, что 10/т. человѣкъ, подъ предводительствомъ генерала Паули, пошли уже для завоеванія Сардиніи. Со всѣмъ тѣмъ я не думаю, чтобы имъ удалось такъ легко, какъ въ Ницѣ и въ Савойѣ. Причина тому не та, чтобы тутъ командующій 2000 Пьемонтцевъ упорѣе былъ передъ прочими въ оборонѣ (ему же и нельзя ожидать отсюда никакой помощи), но та, что живущіе во внутренности острова Сардинцы суть люди сильные, напористые, простые, любящіе свою отчизну и свои обряды и которые конечно ничего не будутъ разумѣть изъ загадокъ естественнаго права и метафизическихъ Французскихъ логогрифовъ. Французы могутъ завладѣть набережными городами, которые по большей части населены Пьемонтцами и Испанцами; но когда они захотятъ вступить во внутрь острова, то вѣроятно, что найдутъ непримиримаго врага въ каждомъ жителѣ. Извѣстія изъ Женевы стали спокойнѣе. Твердая рѣшительность Швейцарцевъ произвела наилучшее дѣйствіе. Монтескье заблагоразсудилъ прекратить свои сборы къ осадѣ Женевы, а Національное Собраніе объявить, что оно никогда и не думало на-

рушать нейтралитетъ Гельветическаго корпуса и доброе согласіе, существующее между Франціею и Женевою съ 1784 года. Сардинскій король прекратилъ ту привилегію духовенства, по которой они платили только двѣ трети обыкновенной подати съ своихъ земель; и такъ всѣ попы обязаны впредь платиться наравнѣ съ прочими владѣльцами. Его величество объявилъ, что большой оперы на сей карнавалъ, такъ какъ и королевской охоты, имѣть не хочетъ. Сія два предмета празднуемы здѣсь были съ чрезвычайною пышностью. Оберъ-егермейстеръ получилъ повелѣніе убить двѣ трети гончихъ собакъ, выправить лошадей для продажи и распустить большую часть ловчихъ. Австрійская артиллерія уже пришла, стоитъ теперь на одну почту отсюда. Городъ Кариньянъ служить будетъ ей охраннымъ мѣстомъ до будущаго повелѣнія.

27.

Туринъ, 9 (20) Октября 1792 года.

Король запретилъ открывать на эту зиму Туринскій университетъ. Ученики, которые теперь на вакаціяхъ, оказали, тому годъ назадъ, духъ своевольства очень для настоящаго времени опасный. Кажется, что духъ возмущенія, укрощаемый только вооруженною рукою, часъ отъ часу болѣе здѣсь распространяется въ тайномъ образѣ. Какъ торговля въ Пьемонтскихъ городахъ, по отнятіи Савойи и Ницы, совсѣмъ пресѣклась, то сучильщики шелка и многіе мануфактурщики остались безъ работы и безъ хлѣба; и это также умножаетъ ужасную толпу нищихъ и недовольныхъ правленіемъ. Сегодня вышло повелѣніе обвести Туринъ и нѣкоторые другіе города крѣпкими палисадами.

28.

Туринъ, 27 Октября (7 Ноября) 1792 года.

Посланный отъ его Сардинскаго величества въ Англію курьеръ, послѣ наводненія Французовъ въ его владѣнія, третьяго дня сюда обратно пріѣхалъ. Чтобы не встрѣтиться въ Германіи съ войсками подъ предводительствомъ Кюстина, принужденъ онъ былъ объѣхать кругъ почти на сто миль, поворотилъ даже черезъ Кассель, гдѣ, сказываютъ, страхъ этъ приближенія Французовъ и желаніе большей части недовольнаго свсимъ государемъ народа составляли совершенный контрастъ. Дороги, по которымъ онъ ѣхалъ, гобзились людьми, спасавшимися изъ города въ городъ. Наконецъ пріѣхалъ онъ сюда черезъ Тироль съ отвѣтомъ отъ Лондонскаго двора немозначущимъ: кромѣ учтивостей, соболѣзнованій, состраданія и обѣщанія употребить при времени и при мѣстѣ свои доброжелательства, ничего болѣе нѣтъ. Это время подлинно очень критическое, и это мѣсто еще очень неизвѣстно. Ежели разные министры съѣзжаются для конгресса въ Люксамбургъ, то Французы не послали еще туда своего полномочнаго, да вѣроятно, что и не пошлютъ. Надменные и величавые своими успѣхами до крайности, они не иначе захотятъ трактовать, какъ стоя въ ружьѣ. Эксъ-министръ Серванъ заступилъ

мѣсто г-на Монтескье въ Савойѣ; а послѣдній посланъ съ его строевыми войсками усилить и командовать собирающеюся при Пиринейскихъ городахъ арміею. Ему также приказано предускорить вооруженіе Испанцевъ и вступить въ Каталонію. Въ тамошнихъ портахъ вооруженія производятся всѣми силами. Но по полученіи извѣстія о разстройствѣ Нѣмецкихъ войскъ, совершенно обученныхъ и приведенныхъ первостепеннымъ по военному искусству во всей Германіи генераломъ, наступилъ въ Испаніи всеобщій страхъ. Усиленный сухопутными войсками Французскій вице-адмиралъ Трюге заклался не возвращаться во Францію иначе, какъ когда зачумитъ многіе Италіанскіе города и порты. Онъ надѣется пройти или добровольно или силою черезъ Генуезскія земли и потомъ внести войну въ Миланезъ и Пьемонтъ. Здѣсь все еще отзывается тѣмъ страхомъ, которымъ правительство огромлено. Генералъ Сентъ-Андре, командующій пятью тысячами Пьемонтцевъ въ Саоржѣ, писалъ ко двору, что онъ передовые свои посты подвинулъ далѣе впередъ, что Французовъ не видалъ, и что надѣется отнять обратно важный постъ Коль-де-Крайсъ и Соспелло. Кажется, что Французы не надѣются удержать за собою графство Ницское; я начинаю думать, что они такого же мнѣнія и о Савойѣ. Земля не родитъ довольно хлѣба и на свои издержки, и такъ наконецъ станетъ и имъ самимъ въ тягость. Это самое, кажется, принудило Національное Собраніе отказать Шамберійскимъ депутатамъ на требованіе, чтобы Савойя составляла 84-й департаментъ, но притомъ и объявить, что на ихъ волю отдается сдѣлать особенную республику подъ покровительствомъ Франціи, вслѣдствіе чего въ Шамбери находящійся предумострительный совѣтъ объявилъ себя собраніемъ для конституціи. Первое его опредѣленіе касается до имѣнія Савойскихъ эмигрантовъ, а именно, что ежели они до 25 Декабря не возвратятся въ Савойю, то имѣніе ихъ конфисковано будетъ на республику.

29.

Туринъ, 30 Октября (10 Ноября) 1792 года.

Французы вступили и въ Геную, какъ нейтральный городъ. Это посѣщеніе даетъ поводъ къ новымъ безпокойствамъ. Здѣсь всѣ думаютъ, что они наравно ворваться въ Миланезъ и Пьемонтъ, почему въ Тортоно и въ Александріи съ поспѣшностью принимаются новыя мѣры къ оборонѣ. Здѣсь становится довольно холодно, но новый снѣгъ по горамъ еще не выпалъ, слѣдовательно и не заперъ еще тамъ проходовъ. Еслибъ Монтескье кончилъ свой споръ съ Женевою и Бернскимъ кантономъ, то могъ бы воспользоваться этимъ временемъ. Къ счастью нашему и то, что заключенныя между нимъ и Женевою статьи еще не подписаны его препоручителями; да и когда подпишутся, то много отмѣнено будетъ. Шамберійское собраніе для конституціи во всемъ обезьянствуетъ глядя на Французское. Каждый день выходитъ тамъ какое нибудь новое опредѣленіе, и каждое опредѣленіе отлучаетъ Савойяровъ отъ законнаго и древняго повиновенія его Сардинскому в—ву. Богъ знаетъ, удастся ли ему

опять присвоить эту землю. Ежели предположить, что Французы послѣ мирозаключенія принуждены будутъ очистить Савойю, то утѣха не великая. Тамъ все еще останется плевель ихъ начало, которое, въ собственно называемой Савойѣ, пустило уже глубокіе корни. Что касается до графства Ницскаго, то дѣло другое: Французы не умѣютъ ни голову восхитить, ни сердцею обласкать тамошнихъ жителей. Я еще думаю, что имъ и страшно тамъ гостить. Генераль Ансельмъ недавно открылъ заговоръ, который въ Ницѣ тайно производился на жизнь Французовъ. Нѣсколько Ниссаровъ за то повѣшены. Послѣдствіемъ изъ всего этого будетъ подозрѣніе и недовѣрчивость, а кончится жестокостью побѣдителя и отчаяніемъ побѣжденныхъ. Сардинія еще не взята; но этого здѣсь ожидаютъ съ часу на часъ, такъ какъ бы Французы должны были исполнять все, что имъ ни придется въ голову. Вся Италия стала теперь полупобѣждена съ одной стороны страхомъ, а съ другой тайнымъ ропотомъ. Секретарь посольства въ Россію назначенъ отсюда г. Босси, комми при иностранныхъ дѣлахъ; онъ отправленъ за нѣсколько дней, но объѣдетъ полуденную сторону Нѣмецкой земли и къ своему мѣсту поспѣетъ развѣ черезъ два или три мѣсяца. Человѣкъ этотъ очень не глупый, и графъ Готвилль просилъ меня повергнуть его къ милости вашего сіятельства.

30.

Туринъ, 27 Ноября (8 Декабря) 1792 года.

Его Сардинское величество приказалъ произвести военный судъ надъ арестованнымъ уже въ Кони Салюскаго полка маіоромъ Вилла-Марина, который, будучи командованъ графомъ Сентъ-Андре подъ Соспелло съ тремястами человѣкъ противъ Французовъ, но услыша на дорогѣ отъ идущаго оттуда крестьянина, что число Французовъ простирается до двухъ тысячъ, возвратился и не дошелъ до непріятелей. По послѣднимъ изъ Женевы извѣстіямъ, сей городъ вновь угрожается посѣщеніемъ Французовъ по причинѣ возставшей между чернью сильной партіи въ пользу безштанниковъ.

Слухъ здѣсь также носится, что Французы намѣрены ворваться въ Пьемонтъ вдругъ съ четырехъ сторонъ, то есть съ Савойской, Пиньерольской, Генуезской и Миланской, вслѣдствіе чего народъ и городъ находятся въ уныніи, вида наипаче тѣ мѣры, которыя и здѣшній городъ беретъ къ оборонѣ. 25 Ноября (6 Декабря) ея королевское величество герцогиня Аостская разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ принцессы, которой въ святомъ крещеніи наречены имена Marie-Josephie-Victoire-Béatrice. Третьяго дня приведены сюда двадцать два Француза, взятые въ полонъ здѣшними войсками подъ Соспелло.

31.

Туринъ, 11 (22) Декабря 1792 года.

Вчера прискакалъ сюда вѣстникъ, но все не съ радостною вѣстью. Онъ пріѣхалъ изъ крѣпости Кони или Кунео. Содержаніе его пи-

семъ есть слѣдующее: четверо молодыхъ офицеровъ, стоя въ церкви, хохотали столь-же громко, какъ въ театрѣ. Можетъ быть, кромѣ кошуна, издѣвались они надъ стоящимъ близъ нихъ съ благоговѣніемъ степеннымъ человѣкомъ. Онъ имъ выговорилъ. По окончаніи службы, офицеры, напавши на этого человѣка, требовали, чтобы онъ, павъ передъ ними на колѣни, просилъ прощенія. Невинный не хотѣлъ просить прощенія; свара умножилась. Подоспѣлъ объѣздъ, и невиннаго повели подъ караулъ. Граждане, узнавъ о томъ, отбили его силою; потомъ вооружившись, въ числѣ 800 человѣкъ, приступили еще съ бѣльшимъ остервененіемъ къ дому коменданта и требовали единогласно заарестовать и наказать кошуна и кошуновъ. Комендантъ заарестовалъ ихъ и успокоилъ нѣсколько гражданъ. Но какъ дѣло это очень колкое, то онъ заблагоразсудилъ отнестись къ королю въ дальнѣйшемъ судопроизводствѣ. Въ Кьери, городѣ, составлявшемъ въ древнія времена республику, открылось сильное роптаніе. Туда посылаются баталіонъ полка де-ла-Маринъ.

32.

Туринъ, 29 Декабря 1792 (9 Января 1793 года).

Гдѣ политика худа, тамъ худо и домоводство. Война отъ того становится всегда тягостна. Слѣдствію всего этого должно приписать истощеніе казны и государственныхъ доходовъ въ здѣшнемъ королевствѣ. Извѣстно, что съ Ницы и Савойи теперь доходовъ нѣтъ; королевскіе сервизы, превратившись въ ходячую монету, не великую оказали услугу, и недостатокъ въ деньгахъ сталъ весьма ощутителенъ. Для дополненія нѣкоторымъ образомъ онаго, здѣшняя Камеръ-Коллегія именемъ короля обнародовала на сихъ дняхъ указъ, въ такой силѣ, что разныя помѣстья и недвижимыя имѣнія съ ихъ доходами, доставшіяся обратно коронѣ, продаваться будутъ. Но какъ всякій старается, чтобы Французы не перебили торгового оружіемъ, то думать можно, что едвали сыщется слишкомъ много купцовъ. Видно, что здѣшніе волонтеры невеликую оказываютъ услугу внутри самаго отечества. Здѣшній военный департаментъ доложилъ его Сардинскому в—у, чтобы и между ими завести совершенную подчиненность и родъ дисциплины, нужной для обезпеченія соотечественниковъ отъ обзабоченія непріятелей. Только все опасно, чтобы они не надѣлали отечеству больше вреда, нежели самимъ врагамъ отечества, Французамъ. Здѣсь спознали, что Англія вооружается. Извѣстіе это принято съ восхищеніемъ. Неизвѣстно по этой или по другой причинѣ, Французы, подъ предлогомъ недоимки, взяли съ города Ницы двѣсти тысячъ ливровъ.

1793 годъ.

1.

Туринъ, 1793 года 8-го (19-го) Января.

На сихъ дняхъ вышли здѣсь два указа, которые оба доказываютъ упоминаемый въ прошлыхъ моихъ депешахъ ужасный недостатокъ животворной крови государства, т. е. ходячей монеты. Первымъ приглашаются подданные воздвигнуть новую гору св. Іоанна (потому что старая въ самой вещи разсыпалась), только поменьше прежней, а именно въ два милліона ливровъ. Строители этой горы, т. е. вкладчики денегъ, пользоваться будутъ 70 тысячами годового дохода, которые они дѣлятъ будутъ по себѣ. Вторымъ требуется отъ подданныхъ, владѣющихъ, съ позволенія короля, поземельными, капитальными, мануфактурными прерогативами, льготами и угодьями, четвертая часть доходовъ въ государственную казну, за исключеніемъ нѣкотораго только класса людей и нѣкоторыхъ провинцій. Подъ этотъ указъ идутъ: 1) помѣщики, 2) откушники, 3) всякаго рода мытари, 4) всякаго рода компанейщики, 5) всѣ промысловые люди. Ваше с—во сами судить можете, сколь указъ этотъ важенъ относительно къ королю, къ подданнымъ и къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Это сильное, но также и отважное средство. Опасно, чтобы здѣшнее правительство, подобясь утопающему человѣку, который безъ памяти и за бритву хватается, не принялось за такія мѣры, которыя ему самому противны. Но нужда чего не дѣлаетъ? Можетъ быть, весною и такой указъ выдетъ, который потребуетъ и жизни и имѣнія отъ всѣхъ подданныхъ. Сардинская военная вольница получила нѣкоторый выигрышъ надъ Французами; только, какъ здѣшними войсками управляетъ не Марсъ, а деньги и оружіе куетъ не Вулканъ, то этотъ выигрышъ не слишкомъ важенъ.

2.

Туринъ, 1-го (12-го) Марта 1793.

По отъѣздѣ своемъ за нужное почитаю описать вамъ состояніе войскъ короля Сардинскаго.

Долговременный миръ, обаятельная надежда на прочную тишину въ Италиі и оттого послѣдовавшая безпечность, такъ усыпили Пьемонтъ, что воинственная часть правительства осталась въ невѣроятномъ пренебреженіи, или совсѣмъ въ забытіи о настоящемъ своемъ предметѣ и цѣли. Войска, оставаясь въ всегдашнемъ недѣйствіи, мало по малу такъ изнѣжились, что наконецъ стали годными лишь только для народа, не имѣющими ни силы, ни урядства, ни смѣливости. Отъ этого-то произошли и шарлатанскіе списки и табели, гдѣ видно множество штабъ-маіоровъ, офицеровъ, тѣма полковъ и баталіоновъ, а весьма мало сущныхъ солдатъ. Отъ этого-то расплодилось множество ложныхъ чиновъ, безъ памяти надѣланныхъ ранговъ и офицеровъ болѣе царедворныхъ, нежели ратниковъ. Среди такой неурядицы сыскался нѣкто ревнитель, а именно Марни Сильва, который показалъ несомѣстность и опасность и тотъ, по пове-

дѣнію короля, сочинилъ было уже весь воинскій уставъ; но оный остался безъ исполненія, безъ дѣйствія и пользы, и все опустилось опять въ объятія нѣги и дремоты. Наконецъ Французская революція, какъ ужасный пожаръ, пробудила сонливое правительство. Король очнулся и увидѣлъ, что войска ему надобны не на бумагахъ только и въ скоромъ времени дозналъ собственнымъ несчастнымъ опытомъ гибельныя слѣдствія самохвальства, неурядства и неопытности. Онъ прибѣгъ къ Римскому императору съ просьбою о доставленіи ему полководца, могущаго одушевить его войска и ими командовать. Прибылъ г. де-Винсъ, и кажется, все одушевляется, все принимаетъ новый видъ; однако же за симъ первымъ движеніемъ поминутно встрѣчаются трудности и неудобства. Они суть слѣдствіе обычной онемѣлости и злоупотребленій, укоренившихся во всѣхъ частяхъ военной расправы. Твердодушіе генерала многое уже превозмогло, и можно надѣяться, что онъ и прочее побѣдитъ. Теперь пружины арміи воспринимаютъ хотя и съ медленностію свой ходъ, различныя тѣла смыкаются, ученіе водворяется, ревнованіе возрождается, и если все способствовать будетъ дѣятельности сего полководца, то въ наступающій походъ Пьемонтское оружіе въ состояніи будетъ возстановить честь свою. Солдатскіе наборы производятся всѣми способами для укомплектованія войскъ, отъ котораго они еще далеки. Сверхъ того положено составить два или три баталіона вольницы, которые состоятъ будутъ изъ дезертеровъ Французскихъ и Пьемонтскихъ, возвращающихся изъ Франціи сюда по данному имъ всеобщему прощенію. По письменному теперешнему штату выходитъ, что вся пѣхота короля Сардинскаго со включеніемъ и новаго полка де-Сентъ-Галль, простираться будетъ до 36,300 человѣкъ; а вся конница до 3,800 человѣкъ, не помѣщая тутъ ни полныхъ штатъ-маіоровъ, ни ротныхъ офицеровъ. Штатъ маіорскій въ пѣхотномъ полку состоитъ изъ полковника, подполковника, двухъ маіоровъ и двухъ адъютантовъ; въ конномъ же полку вмѣсто двухъ маіоровъ находится только одинъ. Въ каждомъ баталіонѣ и въ каждомъ эскадронѣ по четыре роты, а въ каждой ротѣ по три офицера.

Здѣсь не упоминаю я о милиціанахъ, которые въ каждой провинціи защищаютъ свои горы и жилища; они тамъ только и годны и, можно сказать, чрезвычайно хороши. Каждая провинція ставитъ ихъ по мѣрѣ своего людства.

Нѣсколько изъ нихъ даже поверстались въ роты, и имъ даны старыя армейскія ружья. Они крайне беспокоятъ непріятеля и убиваютъ у него множество людей, нацѣливая очень мѣтко изъ-за скалъ, деревъ и бугровъ. Какъ они совершенно знаютъ мѣстоположеніе, то могутъ быть полезны и для передовыхъ постовъ, для подглядѣнія непріятеля и для всякихъ уловокъ мелкой войны.

Вычисленные мною теперь силы, соединившись съ 25,000 Австрійцевъ (такому числу быть впредъ надѣются), кажется, не только Пьемонтъ защищать довольны, но даже и дѣйствовать наступательно. Невѣроятно, чтобы Французы, принуждены будучи содержать Савойю и графство Ницское, могли еще поставить

армію въ шестьдесятъ тысячъ человекъ (а къ тому потребно не меньше) противъ Пьемонта. Я не знаю, какой планъ кампаніи начертилъ г. де-Винсъ и послалъ въ Вѣну. Я воображаю, что онъ болѣе наступательный; однако же какъ совершенно наступательный строй зависть отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ, то не оставлень, я думаю, безъ разсмотрѣнія и оборонительный, по всеѣмъ тѣмъ отношеніямъ, каковыя встрѣтятся могутъ. Какъ бы то ни было, только защищеніе Пьемонта покажется вашему с—ву нетруднымъ, ежели успѣю передать вамъ ясное понятіе его мѣстоположенія. Земля эта представляетъ плоскодонную впадину, вокругъ половины которой, т. е. вдоль всей раздѣляющей ее отъ Франціи границы, простираются цѣпью горы преогромныя. Тотъ, кто находится среди сего полукружія, имѣетъ большую выгоду передъ тѣмъ, кто стоитъ на выпукломъ мѣстѣ. Ежели онъ хорошо расположитъ и соразмѣритъ свои движенія, то можетъ обращаться въ силѣ къ тому устью, сквозь какого неприятелю захочется пробиться; да еще удобно и предупредить его на всѣхъ точкахъ этой дуги, которой лучи, разсыпаясь по мѣрѣ отступленія своего отъ центра, кончаются на выходахъ или устьяхъ весьма удаленныхъ со стороны Франціи. Сверхъ этихъ преградъ, природою положенныхъ, есть много въ Пьемонтѣ крѣпостей, которыя не иначе можно взять, какъ порядочною осадою нарочитымъ числомъ войска и соразмѣрнымъ подвозомъ артиллеріи. Нѣтъ такой крѣпости въ Пьемонтѣ, сколько бы она средственна ни была, которая бы не имѣла въ поперечникѣ съ наружными укрѣпленіями четырехста саженъ, не считая пространства линій, не считая излучины или кривизны оныхъ, съ чѣмъ выдетъ, что малѣйшая цирконволюція самой малой Пьемонтской крѣпостцы потребуетъ 12,000 саженъ, т. е. пять лье, изъ 2,500 саженъ каждое лье.

Можно вообразить, что линія такого пространства занимаемы быть должны не меньше какъ изъ 40,000 армію. Ежели же присоединить къ тому работу при осадѣ, посылки прикрытія, отряды, сообщенія, прибавить еще обзрѣвательный корпусъ, который непременно нужно содержать для противоположенія идущей къ осажденнымъ арміи: то для внесенія оружія въ самый Пьемонтъ потребна армія не меньше какъ изъ 60 или 70,000 человекъ, такъ какъ я выше вамъ доложилъ. Такой арміи Французы со стороны Италіи поставить не могутъ, между тѣмъ какъ они заняты войною на всѣхъ прочихъ точкахъ своихъ обширныхъ границъ и даже далѣе оныхъ, да еще принуждены бывъ, содержать войска въ Савойѣ и въ графствѣ Ницскомъ.

Что касается до наступательной войны, то, я думаю, что можно на Французовъ напасть съ трехъ сторонъ:

- 1) Со стороны Савойи выгнать ихъ изъ Моріены и Тортонцы, потомъ идти на Лизеръ и завладѣть Барро.
- 2) Со стороны Дофинэ занять сперва станъ Турту и потомъ простираться по Дюрансу.
- 3) Со стороны Ницы, только чтобы въ тоже время подоспѣлъ на подмогу флотъ, властвующій на морѣ. Черезъ взятіе Барро,

можно завладѣть теченіемъ Изера, Греноблемъ и большею частію Дофинэ, а черезъ занятіе стана при Турту и Монъ-Дофинэ завладѣть другою стороною даже до рѣки Дюранса; и черезъ сіи двѣ соединенныя операціи захватить Бриансонскій округъ, такъ что Бриансонъ, нашедшійся отъсюду окруженнымъ и безъ всякой посторонней подмоги, хотя очень крѣпкій и осада коего стоила бы много крови и издержекъ, вѣроятно за недостаткомъ провіанта и подмоги, принужденъ будетъ сдаться. Ежели арміи соединенныхъ державъ одержать нарочитые успѣхи на Рейнѣ, то тогда можно будетъ завести связь и сношеніе между ихними и упомянутыми теперь движеніями.

*

Всеподобнѣйшее донесеніе князя Бьлосельскаго.

Ея Императорскому Величеству. Рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 14 Іюля получить удостоился и на другой день вручилъ высочайшую грамоту вашу королю на особой аудіенціи. Король засвидѣтельствовалъ чувствительнѣйшее удовольствіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Ея Императорскаго Высочества ¹⁾ и о умноженіи вашей фамиліи. Онъ просилъ меня повергнуть предъ стопы Вашего Величества жертву его почитанія и привѣтствія. Потомъ, разговаривая о многоразличныхъ успѣхахъ, увѣчавающихся, какъ въ запуски, предпріятія Вашего Величества, присовокупилъ онъ: «Что касается до меня, то я въ особенности признаю себя обязаннымъ Государынѣ вашей. Писано мнѣ, что она одобрила мой откровенный и скорый поступокъ въ разсужденіи Французскихъ дѣлъ, и никто столь высоко не почитаетъ ея одобренія, какъ я. О ежели бы она царствовала ближе къ намъ, то я бы первый, съ моими войсками пошелъ въ ея слѣдъ и, можетъ быть, порядокъ во Франціи возстановленъ бы уже былъ, или по крайней мѣрѣ всѣ бы уже знали, какъ себя вести въ семъ подвигѣ. Вы видите, что я теперь остаюсь одинокъ... Я не довольно силенъ.... Длина моихъ границъ отъ Женевы до Ницы ужасна.... Савойя и графство Нисское суть земли открытыя... Къ тому же есть и у насъ много головъ, напорошенныхъ Французскимъ дурманомъ.... Войска мои находятся въ изрядномъ состояніи. Я сдѣлалъ имъ, по возможности, наилучшую разстановку въ пользу Нѣмецкихъ армій. Данный мнѣ Австрійскій корпусъ весьма малъ.... Ежели теперь прикажу я ему выступить въ походъ, то Монтескье по первомъ извѣстіи впадетъ съ ордою разбойниковъ въ Савойю. Я не боюсь завоеванія отъ него; но мнѣ болѣзненно видѣть ужасъ опустошенія, каковой онъ можетъ нанести сей части любимыхъ моихъ подданныхъ. Меня еще не очень допускаютъ въ совѣтыванія двухъ Нѣмецкихъ дворовъ. Я остаюсь одинокъ. Между тѣмъ содержаніе моихъ войскъ за горами въ Ницѣ стоитъ мнѣ ужасно дорого,—всякую всячину надобно имъ

¹⁾ Великою княжною Ольгою Павловною.

посылать отсюда. Въ Савойѣ не родится даже и столько хлѣба, сколько нужно для прокормленія тамъ жителей. Напредъ сего вывозили туда его изъ Франціи, а теперь мятежъ доведетъ до того, что сами Французы помирать будутъ съ голода. Я все ожидаю извѣстія о какомъ нибудь сильномъ подвигѣ герцога Брауншвейгскаго. Между же тѣмъ я все еще висну такъ какъ паукъ на паутинѣ».

Вотъ вся сила бывшей у меня съ королемъ бесѣды. Проникнуть послѣдствіе оной есть дѣло прозорливости и провидѣнія Вашего Императорскаго Величества.